

WARHAMMER®

GLOTTKIN

BOOK I

Я видел конец рода людского.
Звезды рассказали мне о нем. Знамение
явлено и, ярко сверкая, комета о двух
хвостах расчертала небосклон.

Варварские племена севера воспри-
мут это как предзнаменование к своей
окончательной победе над миром. Но
дети Хелденхамера будут смотреть на
комету равно как с надеждой, так и в
страхе. С надеждой, что сие знамение
возврата их самого великого героя. И
в страхе от того, что быть может,
с другой стороны – это начало краха
всего, того что было ими достигнуто,
знамение их неминуемой смерти.

И, по своему, они правы в обоих
случаях.

Далеко на севере, полчища черных
воинов собираются под стягом Трехо-
кого Короля. И подобно ручьям крови,
струящимся из-под тернового венца
по чelu мироздания, они маршируют
на юг, чтобы окунуть этот мир Хаос.
Величайшие из Избранных полководцев
спешат погрузить лезвия своих клинков
глубоко в изнеженные тела цивилизо-
ванных земель, разоряя поверженные
империи по праву сильнейшего.

Прое братьев поставят на колени
Человеческую Империю. Во славу
их повелителя, они объединят всех
благословленных чумой под своими
знаменами. Они принесут проклятие
разнозданного плодородия, проклятие
первобытного беспорядка, и обрушат
его на цивилизованный мир прогрес-
са. И все, чего достигло человеческое
общество тяжким трудом за последние
столетия, падет прахом.

Заключив союз, повелители
болезней толкнут Старый Свет на
грань разложения. Разложения, как
его материальной части, так и его
духовных устоев. Правда будет иско-
веркана и забыта. Людские боги уйдут
в небытие, а для людей почитающих
их, лишь смерть станет единственным
спасением.

Настал Конец Времен.

Нависшая Угроза

Не один смертный никогда не получал столь великих знаков внимания от Темных Богов, как Архаон (Archaon), Трехокий Король. Разрыв в реальности на вершине мира ярко сверкает. Один за другим четыре демонические сущности предстают перед троном Вечно-избранного. Они прибыли, чтобы показать Королю благосклонность своих повелителей. Бессмертные существа Хаоса преклонили колено перед Архаоном, как символ могущества предначертанного ему в будущем.

Несмотря на поддержку всех четырех Разрушительных Сил, Архаон не спешит действовать и ждет. Ведь и прежде северные племена вторгались на территорию Старого Света. Да, им удавалось сбить богатый урожай чепров на разграбленных землях. Но, в конце концов, их захватнические войска всегда оказывались разбиты и были вынуждены отступать обратно на север. Вечноизбранный знает, что сбить в единый костяк дикие племена северных пустошей и побудить присягнуть их на верность под силу лишь самому крепкому вождю. Но стоит этому вождю пасть, и костяк распадется, а его армии быстро растворятся без следа.

Только глупец может игнорировать знамения приближающегося апокалипсиса, когда они так явны. А южные правители далеко не глупцы. Они могут попытаться сплотить древние народы и собрать великую армию, чтобы

противостоять надвигающейся с севера угрозе. В такой ситуации генералы Архаона вряд ли проживут достаточно долго, чтобы суметь воплотить его планы. Ведь с учетом того, что древние расы эльфов и гномов могут встать плечом к плечу против него, шансы на победу становятся весьма скучны. Добиться победы возможно, лишь разделив проклятые силы порядка, и перебив их поодиночке.

Возможно, это станет самым великим испытанием для Архаона, ведь он не единственный из смертных, кто заручился божественной поддержкой. Как Разрушительные Силы имеют своих чемпионов среди смертных, так же, божества Старого Света имеют своих пророков и последователей. Во снах и видениях, по средствам знамений, посещают они достойнейших. Божества, что зовутся людьми Зигмар (Sigmar), Ульрик (Ulric), Шалля (Shallya), Таал (Taal) и Леди Бретонии (Lady of Bretonia) наверняка вступят в игру, помогая цивилизованному миру бороться с силой, что пришла захватить его. Игра не стоит свеч, пока эти божества почитаемые веками и по сей день, остаются сильны. Завоевывая Мир по кускам, Архаон планирует ослабить и быть может даже убить богов и богинь, которые воспротивятся жестокому правлению Хаоса.

Трехокий Король не дурак, он не надеется исполнить задуманное в оди-

ночку. В свое время он заставит весь мир корчиться под своей железной стопой, ведь именно этого ждут от него хозяева. Но он не падет жертвой самонадеянности, как многие его предшественники. Хотя магические ветра дуют сильно, как никогда раньше, его демонические союзники не могут подолгу находиться в материальном мире. Поэтому он собрал армию из диких орд, чудовищ и зверей севера. Армиями Трехокого Короля управляют преданные ему ветераны и чемпионы. Ведь существуют вопросы, в которых людям доверять можно, а демонам нельзя.

Прежде чем двинуться вперед, Архаон хочет ослабить Империю черной магией распада (*misrule*), посылая самых искущенных в болезнетворных проклятиях Нургла, мостить себе дорогу к победе. Он планирует утопить Империю в чуме, сея панику и беспорядок кругом и повсеместно. И только когда энтропия поразит все слаженные механизмы имперского порядка, а грань между мирами истончится настолько, что демоны смогут пополнить ряды его армии, он выступит в свой поход.

Архаон не может отступить от задуманного, ведь он связан с Губительными Силами Темным Обетом, что дал когда-то. Теперь он лишен человечности и более не связан с миром смертных. Законы природы не властны над ним. Его тело и дух погружены в великолепное состояние энтропии и полного разложения. И он жаждет теперь погрузить весь Старый Свет в это состояние. Обречь на бесконечность черного

безумия и кровавого террора. На кону полное уничтожение всего мира. И он приложит все усилия, чтобы добиться этого.

По всей Империи пророки с безумным взглядом воют о приближении Конца Времен. Каждую ночь небосвод содрогается от темно-зеленых всплесков чужеродных сил. Моррслиб (*Morrslieb*) провисла над землей, вскармливая семена пессимизма своим больным свечением. Теперь даже самые рациональные умы начинают прислушиваться к толпам фанатиков, шатающихся по пыльным дорогам, слюняво выкрикивая свои невероятные предсказания.

В воздухе пахнет тревогой и чем-то не подающимся пониманию. Это чувствуют одинаково и одаренные и простые люди. Предчувствие грядущего и неотвратимого пронизывает страхом всю Империю. К Имперскому Двору стекаются гонцы со всего Старого Света и из-за его пределов. Каждый, с вестями более ужасными, чем предыдущий. Тайлия (*Tilea*) и Эстэлия (*Estalia*) уже потеряны, пожраны крысами, что ходят на двух ногах, подобно людям. Исключительная скорость, с какой южные народы были застигнуты врасплох, говорит о том, что атака была спланирована заранее и на ее подготовку не жалели средств. Правящая верхушка Альтдорфа (*Altdorf*) была вынуждена признать возможными не только сами слухи о существовании так называемых людей-крыс в Старом Свете, но, также и, что в своей бессчетной численности они обосновались в

неконтролируемо разросшихся подземных владениях протяженностью многие мили.

Сильвания (Sylvania), провинция, всегда служившая прибежищем нечистой силе, полностью поглощена тьмой. Не один из благородных рыцарей, выступавших в крестовые походы для освобождения порабощенных тьмой земель Сильвании не преуспел в этом. Ибо террор и смерть, в которые погружена провинция, всего лишь переходное состояние в преддверии чего-то более нечистого и ужасного.

Желая вернуть своему хозяину Нагашу (Nagash) былое величие, Мортархи (Mortarchs) Великого Некроманта заклали девять священников и священнослужительниц и с помощью их крови провели ритуал воскрешения. Таким образом, ужас Нагаша был вновь обрушен на мир.

Первое что сделал Нагаш как правитель, впитал все воюющие потоки колдовской энергии магии мертвых, пронизывающих Сильванию. Отправившись к Горам Края Мира (Worlds Edge Mountains), Некромант использовал новообретенную силу, чтобы поработить и уничтожить своих давних врагов, Королей Гробниц Нехекхары (Tomb Knights of Nehekhar). В его отсутствие, Мортархи Нагаша погрузили Империю в объятия ужаса, подняв по всей стране мертвых из их могил. Каждый из девяти Мортархов приследовал при этом свои корыстные цели. Манфред (Mannifred) и Влад вон Карштайны (Vlad von Carstein), в свою оче-

редь, жаждали каждый склонить земли в послушании перед своим хозяином, самим же управлять из-за его трона. И они не останавливаются не перед чем, чтобы свершить задуманное.

А тем временем, поклоняющиеся Хаосу племена северян, безжалостно кромсают границы цивилизованных государств. Они разорвали Кислев, залив бесчисленные акры земли, кровью невинных. Они устроили полномасштабную резню по всем владениям Ледяной Королевы.

Армиям Графов Выборщиков (Elector Counts) под предводительством война жреца Лютора Хаса (Luthor Huss) и его протеже Валтена (Valten), удалось отбросить захватчиков далеко на север. Войска Империи держали оборону в Золотом Бастионе (Auric Bastion), величественном сооружении, возведенном не силами каменщиков, а мастерством волшебников и священнослужителей.

Но, как бы не была прочна и неприступна крепость, она не могла защитить людей от чумных поветрий. Сила веры, что пропитывала каждый дюйм и делала неприступными стены Золотого Бастиона, была ослаблена черным колдовством, и армии Темных Богов попытались прорваться внутрь. Лишь ценой тысяч жизней защитников, Бастион удалось отстоять, хотя и лишь на время.

Как и прежде, победа над северянами далась только очень высокой ценой. Карл Франц (Karl Franz) лично повел

Рейксвардию (Reiksguard) в последнюю атаку, щедра сея смерть в рядах северян. Но храбрость Императора сыграла против него. В критический момент битвы, Карл Франц был тяжело ранен мечем вампира дуэлянта Валаха Харкона (Walach Harkon). На глазах у пораженных солдат, он выпал из седла своего грифона наземь и, по сей день считается пропавшим.

Рейксмаршал Курт Хэлборг (Reiksmarshal Kurt Helborg) спешно прибыл в Альтдорф, в надежде восстановить порядок в отсутствие своего господина. Когда он достиг Имперского Дворца, то застал советчиков Императора в общей склоке за право управлять государством. Граф Борис Тодбрингер (Boris Todbringer – Смертоносный) желал направить каждый клинок Мидденхайма (Middenheim) для уничтожения своей немезиды – Кхазрака Одноглаза (Khazrak One-Eye). Великий Патриарх (Suprime Patriarch) Георг Мартак (Georg Martak) от Янтарного Колледжа (Amber Colledge) уверял, что зверолюди являются куда более трудно устранимой проблемой, чем полагает Граф. Графы Люденхов (Ludenhof) и Лейбвиц (Liebwitz), говорили о возможности получения помощи от Эльфов, Двардов и Бретонии, даже от Полурогих. А верующие Зигмариты полагали, что уповать стоит лишь на веру, и что лишь она одна сможет защитить от надвигающейся тьмы. И только одного не понимала гудящая знать. В своей слепоте, они не замечали, что разобщено споря и пререкаясь друг с другом, они ведут к верной смерти ту землю, которую так

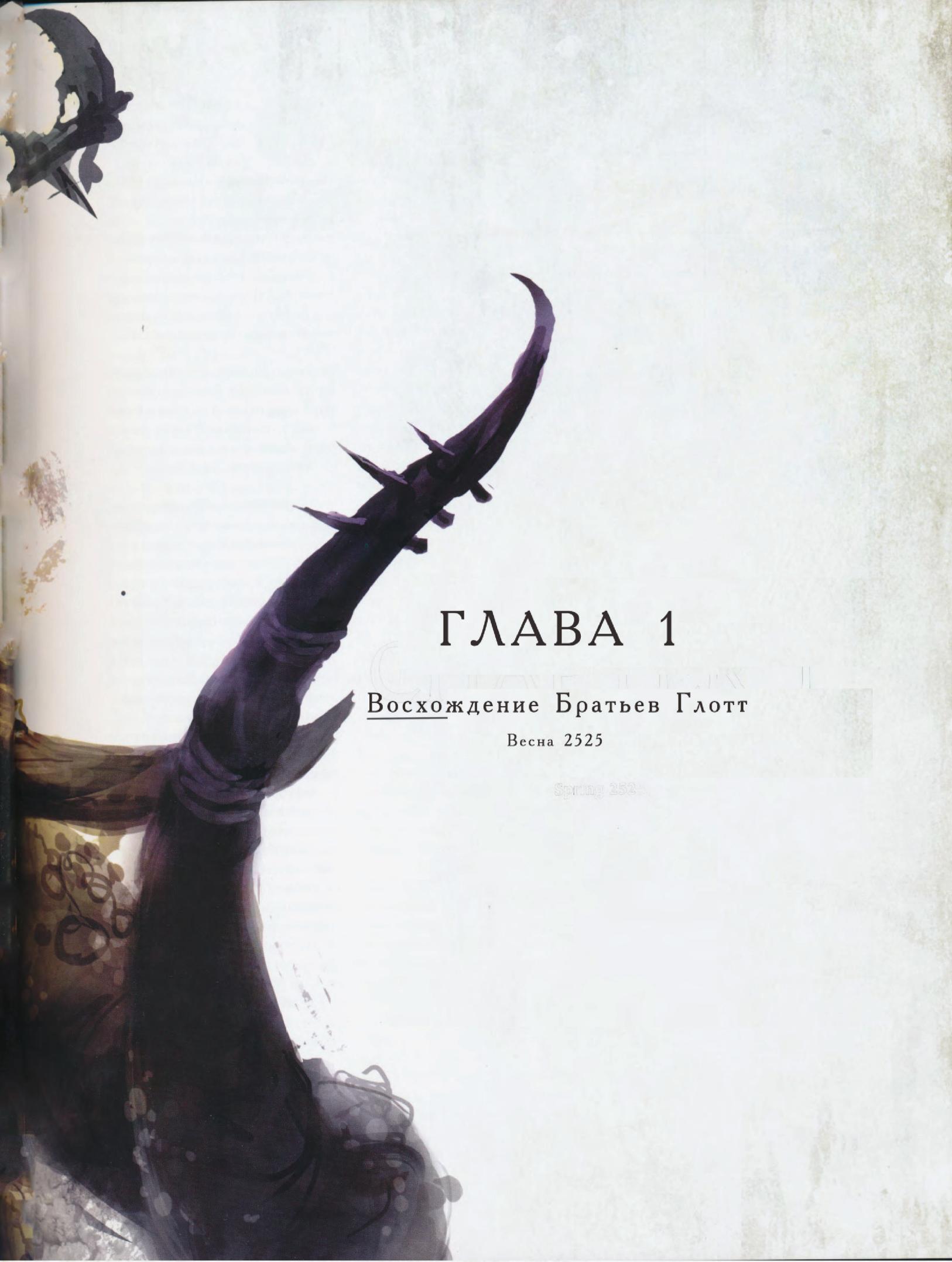
рвутся защитить.

Силы зла побеждались и раньше, о чем так любят рассказывать бродячие менестрели в своих песнях. Но сейчас, армии Империи разбросаны по всей стране. Они не собраны и не готовы отражать атаки из вне, в то время, как удара стоит ожидать так же, и изнутри. Культисты и чернокнижники рвутся исполнять нашептывание демонов. Злые колдуны работают день и ночь над ужасными заклятиями, что обрушат города, в которых они скрываются. Звероподобные шаманы готовятся к призыву своих уродливых союзников, сущия тем кровавый пир. Каждую ночь костры Охотников на ведьм горят ярко-приярко. Но что может сделать праведник с гидроголовым деревом ереси, подпитываемым силой Темных Богов, что уже глубоко пустило корни в его земли.

Пока граждане Старого Света бьются за мир внутри своей страны. Но, вскоре им придется испытать ужасы войны, что принесут с собой из вне отпрыски северных земель. Комета о двух хвостах пылает в темном небе, зажигая мерцающие руны, что пророчат злую судьбу. И вот все северные племена стоят объединенные как одно. Теперь каждый шаман или провидец может отчетливо почувствовать ветер перемен.

Грядет война жизни и смерти, и она будет совсем не такой, какой ее ожидает Империя.

ГЛАВА 1

Спящие принцы ||
Восхождение Братьев Глott

Весна 2525

Spring 2525

В то время, как Морслиб налилась полным светом в ночном небе, на земле тысяча шаманов камлала и вопила в рваный унисон. И их мольбы были услышаны, так как в ответ несметные орды демонов завыли где-то там, по ту сторону метели, в неуемном желании пожирать и убивать.

Тогда каждое отдельное воинство затянуло нараспев молитвы Темным богам. Монотонные песнопения слились в гул, что завораживал разум, погружая сознание в фанатичное исступление, удваивая желание проливать кровь, взращивая нетерпение вступить в бой.

Черные гимны подхватывались невидимыми ветрами, что несли их в одурманенные сознания всех тех, кто почувствовал на себе касание потустороннего. И вот одно за другим, семена безумия были посеяны, щедро удобренные свечением Луны Хаоса.

Вскоре ручеек, идущих на этот зов людей, превратился в потоп и хлынул на север. Многие из них влились в ряды диковатых племен. Предатели и перебежчики изнутри Империи присоединялись к ордам Архаона, и с каждым новобранцем росла вероятность на успех.

Каждый из четырех Богов Хаоса выбирал себе чемпионов среди людей, чтобы иметь возможность действовать в своих интересах во время этой Великой Игры. В мире существуют те, кто полностью отдал себя во власть своего бога, тем самым заработав сверхъесте-

ственные дары взамен. Архаон знал, что среди северных народов таких одаренных целые полчища – закованные в бронзу воины, чьи души принадлежат Кровавому Богу; сорища почитателей наслаждений, что заботятся лишь о новых удовольствиях, которые им предложит Темный Принц а так же кабалы культистов, почитающих Изменяющего Пути в любых его проявлениях. Архаон знал, что эти люди, присягнувшие ему на верность, в глубине своих черных сердец уважают лишь себе подобных.

И чтобы поддерживать богохульные настроения своих верующих и держать их в узде, Вечноизбранный призвал военноначальников, соответствующих разношерстным войскам его армий и отправил их на юг. Его лейтенанты обладали лишь одной из четырех сил, но были способны завершить начатое Архаоном дело даже в случае его гибели.

Кровавая Королева Валкия (Gorequeen Valkia) дева-мечница, любимица Кхорна (Khorne), уже вторглась во главе Окровавленной Орды в ледяные пустоши Наггарота (Naggaroth). На берегах Кислева (Kislev) Сигвальд Великолепный уже радовал своего хозяина Слаанеша (Slaanesh) невообразимыми актами надругательства и унижений. Армии последователей Тзинча (Tzeentch) вел странный близнец Заколданный Вильч (Vilch the Curseling). Хотя не Вильч не Архаон точно не знали, кто же все-таки дергает за нити великой паутины, что сплел Архитектор Судеб. Лишь последователи Чумного Бога нуждались в новом

лидере, с тех пор как потеряли Фестака Крана (Festak Krann) при штурме Золотого Бастиона. А для воплощения своих планов в жизнь, Архаону была просто необходима энтропическая сила разнужданного плодородия, что мог предложить Нургл (Nurgl).

Вечноизбранный хорошо понимал правила Великой Игры, лучше, чем кто-либо другой среди смертных. Без военноначальника, представляющего интересы Нургла, четырехкратный союз, что он создал, вскоре распадется на части. Было жизненно необходимо отыскать чемпиона, достойного представлять Повелителя Разложения.

Созвав самых быстрых наездников, что могли предоставить ему конные племена, Архаон разослал их во все стороны света, на поиски бойца, способного представлять великую волю Нургла и принести ему славу. Каждый день приходили вести о вновь обнаруженному воеводе, и каждый последующий оказывался гнуснее и отвратительнее предыдущего. Но все они были слишком приземленными в своих мечтах, что сводились к физическому совершенству и битве в одиночку. Нет, для того чтобы уверенно шагнуть в эпоху войн, нужен был истинный верующий.

Но не смертный вестник нашел для Архаона разрушительную мощь, которую он так искал. Когда на ледяные пустоши пал зеленый свет взошедшей Моррслиб, а двухвостая комета ярко вспыхнула над головой, Кугат Отец Чумы (Kugat Plaguefather) возник перед троном Вечноизбранного. Он принес

дары от самого Повелителя Разложения; три керамические урны, содержащие в себе чуму, что не просто поразит людские тела, но также изменит землю и небеса над ней.

После неожиданного визита Кугата, Архаон поспешил в пустоши. Трехокий Король точно знал теперь, на какого из смертных чемпионов положил свой глаз Чумной Бог. Ими были странная троица, известная как Братья Глот.

План уже зарождался в лабиринтах сознания Архаона. Он направит Братьев Глот покорять Старый Свет с поддержкой самых амбициозных вождей, что только сможет отыскать. Те из племен, что наиболее не сдержаны и не могут больше ждать и сидеть, сложа руки - сформируют авангард их армии. Братьям будет дано исключительное право командовать всем вторжением. В своем сердце, каждая из трех армий будет нести по одной из амфор, что Кугат передал Вечноизбранному. Эти суды с заразой помогут северянам прорвать в осаде Империи.

В этом вторжении почитателей Нургла, Архаон получит возможность испытать на прочность оборонительные возможности Имперских земель. Когда зараза начнет рвать на части страну, последователи порядка будут вынуждены вступить в сопротивление, неся бесчисленные потери. Тем самым они положат начало своему концу, и концу целого мира, ибо люди всегда были связующим звеном в военных союзах Эльфов и Двардов.

Если Братья Глот преуспеют в осаде Империи, Архаон молниеносно прибудет на юг и, самолично нанесет смертельный удар прямо в сердце умирающего государства. Если же атака тройни будет отражена, Империя, к тому времени, все равно превратиться лишь в болезненную тень той мощной державы, что представляла когда-то. И добить ее не составит труда.

Картины грядущего всемирного разрушения проносились в воспаленном разуме Трехокого Короля. С этими мыслями он взобрался на спину своего скакуна Доргара (Dorghar) и выехал на поиски избранных чемпионов Нургла.

Глубоко в недрах канализации Альдорфа одинокая фигура с хлюпаньем двигалась сквозь сточную жижу. Жирная и омерзительная, как пиявки, что гнездились в провалах ее рыхлого подбородка и складках робы, фигура напевала обрывки бессмысленных Нордландских (Nordlander rhymes) стишков.

- Кровь ушла, но ран не видно, - бубнило существо, запахиваясь поплотнее огромной жирной пиявкой на шее, точно шарфом, - Калечность, кашель, смачное чиханье, носовые платочки и дурное заболевание.

- Заболевание это хорошо! - раздалось откуда-то со стороны.

Подобная огромному валуну голова, увенчанная олеными рогами, медленно поднималась из сточной жижи. Блеснули черные глазки, кривой рот расплылся в злобной усмешке, брызнув гнилой слюной.

- Оленьи рожки... - произнесла укрытая робой фигура. - Не вы ли будете Кугат Отец Чумы?

- Так и есть! - пробухал Великий Нечистый (Great Unclean One), довольный тем, что его так быстро узнали. - А вы - доктор Фест, я полагаю!

- Мое имя Фестус, дорогой приятель, - сказал доктор, неуклюже выпи-сывая реверанс, - к вашим услугам. Как здорово, что я наконец-то встретился с моим щедрым благодетелем.

- Да, это несомненно плодоносно! Я принес отличные вести. Я предлагаю букетик свежих соцветий, обнюханных северными носом.

- Вправду? И кто же несет эту новую чуму?

- Тройня! Дар, поделенный на троє.

- Произнес Кугат таинственно. - Братья Глот их называют. Я раскрыл Вечноизбранному их имена - и на сладкое, три амфоры пряником с папиной мансарды. Время закатить банкет плодородия! - Он широко раскинул свои огромные лапы, обдав доктора коричневой слизью.

- Что я должен сделать? - промолвил Фестус, смахивая нечистоты, попавшие в глаза.

- Эх, моя пиявочка! Мы должны подготовить этот душный город. Буйным садом он станет!

Фестус улыбнулся, семена новых перспектив были посеяны в его душе.

Очередная волна соплеменников поднялась на каменистый холм по направлению к трем фигурам, чьи силуэты вырисовывались на фоне небосклона. Стоя на плитах храма, что

лежал на вершине холма, Отто Глот (Otto Glott) оскалился, глядя на выпачканные кровью свирепые лица внизу, что-то злобно орущие ему. Подходы к храму были завалены ковром из татуированных мертвых тел. Каждый труп являл собой жуткое зрелище, мешанину изуродованной плоти. Отто лениво поскреб отвратительный нарост на своей складчатой шее.

«Подходите вперед, мои голодные до драки друзья – прогремел он – сегодня хороший день, я и мои братья с удовольствием поможем вам окончить его в могиле!»

Отто весело рассмеялся. Эти жалкие идиоты, Красные Грабители (Red Reavers) думали, что Братья Глот выдохнутся; что избранные внуки Нурглa дадут взять над собой верх. Но мародеры жестоко ошибались.

Отто взвалил свою ржавую косу на плече, снял свой шлем и сплюнул кровавый сгусток инфицированной мокроты в сторону толпы обозленных воинов, что собирались у храма. Плевок попал точно в цель, а именно в глазницу огромного звероватого дикаря, несомненно, великого чемпиона среди равных себе. Взревев от унижения, дикарь рванулся из рядов соплеменников.

«Предсказуемо». - Усмехнулся Отто, перехватив шлем и взмахнув косой по дуге вниз. Голова Грабителя отскочила, как пробка плохо закупоренной бутылки вина. Разбрызгивая кровь, она срикошетила от шипованного навершия косы и улетела в толпу.

Несколько мародеров ринулись следом за мертвым чемпионом и теперь их вскрытие до позвоночника тела подер-

гивались на залитой кровью земле.

«Вы всерьез думаете, что ваш незамысловатый кровавый бог может оказаться сильнее самого Отца Нурглa?! – выкрикнул Отто. – Сегодня мы, Братья Глот, покажем, что слаб из них двоих именно Кхорн!

Отто переминался с ноги на ногу, готовый встретить волну негодующих мародеров. За спиной, его брат Итрак (Ethrac) воздел вверх сучковатый посох:

«Кровь потечет, как смерть позовет, - чародей тихонько нашептывал сквозь узкий порез своего рта, - и кости без следа в труху сотрет!»

Мгновение спустя группа воинов ринувшихся было по направлению к Отто, вдруг запнулась и замерла на месте, перед тем как взорваться фонтаном окровавленных внутренностей.

Осколки прогнивших костей брызнули во все стороны, застревая в телах их неудачливых соплеменников, что оказались слишком близко.

«Гурк (Ghurk), покажи им, что ты умеешь.» - Повелительным тоном произнес Отто. Огромная мускулистая обезьяна по имени Гурк Глот вломилась в толпу раненых, орудя своими противоестественными лапами, калеча и вбивая в землю изуродованные тела. Да, брат Отто был похож на бесформенную гору гнилых мускулов с темпераментом раненного быка. Но когда он вот так раздирал врагов, вкладывая в это всю свою ярость и мощь, Отто не мог сдержать неприятной улыбки.

Отто спихнул пару нападающих воинов с каменного выступа, в то время как Гурк схватил всадника с седла разворачивающейся лошади и расколол

его череп, вдавив голову в землю. Враг отступил в замешательстве, и Отто с удовольствием заметил руку одного из претендентов на звание чемпиона Кхорна, торчавшую из-под грузного таза Гурка.

«Так будем же править, братья мои!» произнес он, подзывая Итрака присоединиться к ним. Отто взобрался на покатые плечи Гурка, попутно распоров своей огромной косой брюху очередному мародеру, пытающемуся встать у него на пути.

«ДОВОЛЬНО!»

Голос прогремел с такой силой, что,казалось, со стен храма посыпалась каменная крошка.

Отто потеряно заморгал, его колени дрожали, в то время как Красные Грабители встали на месте, опустив свои топоры. Каким-то образом, непреодолимый авторитет вновь прибывшего, заставил их боевой пыл угаснуть.

Как один, воины племен пришли в движение и стали расходиться, не оглядываясь. Спустя короткие мгновения, подступы к храму опустели. На дороге осталась стоять лишь одна фигура незнакомца, в ней было столько величия, что все трое братьев пали на колено в почтении.

Архаон, Вестник Конца Времен, стоял перед ними.

Братья Глот вернулись к племени Фьорда (Fjordlingtribe) перед рассве-

том. Они искали внимания богов у Храма Мертвеца (Dead Mans Shrine), а вместо этого получили покровительство самого Архаона. Тройне предстояло руководить трехсторонним вторжением в Старый Свет. Заполненные чумой амфоры, помимо Братьев, получили так же генералы, командующие двумя оставшимися армиями. Оставалось собрать войско и выдвигаться в путь.

Пресекая территорию лагеря племени Фьорда верхом на Гурке, Отто обезглавил предполагаемого лидера, Эофрика Великана (Eofric the Giant), когда тот выскочил из своего шатра. Он насадил отсеченную голову на заостренное навершие своей косы, примотав за белоснежные космы волос. Высоко вскинув над собой ужасный трофеи, Отто потряс оружием, в то время как Гурк, на глазах у всего племени, сожрал обезглавленное тело. Никто не посмел обнажить клинка против них, безоговорочно признав их авторитет.

Весть о возвращении Братьев Глот быстро распространилась по фьордам Норски (Norsca). В те племена, куда вести не смогли дойти слухами, заклинателям рун и шаманам были явлены видения о приходе Братьев. Жрецы прославляли Тройню, убеждая своих соплеменников в том, что Глот чемпионы самого Вечноизбранного и благословлены Нурглом. Многие племена сразу же примкнули к ним, чуя вкус приближающегося кровопролития. Дюжины вооруженных групп, поклоняющихся Властелину Чумы, так же пополнили ряды племени Фьорда, в предвкушении награды, которую они

получат от своего бога за то, что пойдут резать ленивых и слабых южан. С высоты птичьего полета, мешанина из снега, грязи и крови, в которую превратилась земля на стоянке армий Братьев Глот и стекающиеся в нее новые группы воинов, напоминали восьмиконечную звезду.

Тройня были очень рады своим новым союзникам. Братья любили друг друга, но порой, в дороге их затяжные споры о тактике были утомительны для них самих, и прилив свежей крови являлся хорошей перспективой. Итрак говорил загадками половину всего времени, ему нравилось употреблять выражения, ставившие его братьев в тупик и понятные лишь ему одному. Отто был самым главным из трех, и никогда не давал своим родственникам забывать об этом, хотя и был рожден их матерью секундами раньше остальных двух. Он считал себя единственным возможным лидером Семейства Глот, и это раздражало Итрака.

С Гурком все обстояло иначе, единственные звуки которые он мог издавать, это чавканье при еде. Когда-то он был самым маленьким из трех, но находясь на строгой диете из сырого мяса, стал, настолько огромен, что в последнее время его братья шли в бой, седлая его как боевого коня. Ирония судьбы Гурка такова, что до того, как отдать свою душу Нурглу, он был очень привлекательным молодым человеком, и его улыбка разбила много девичьих сердец Урфьорда Китового Острова (Urfjord of Wale Island). С тех пор как Гурк оказался под рисмотором Нургла,

он превратился в кровожадного монстра с нездоровым аппетитом.

Несмотря на разногласия, братья объединили северян довольно быстро. Воинствующие племена одно за другим присягали на верность Братьям Глот, вбивая по три гвоздя в свои посохи и дреква знамен, как символ их союза. Начав с племени Фьорда, братья заключили союз с Гатротом Спюмом (Gutrot Spume – Гнилобрюх Вспученный или Пенный), Владыкой Щупалец (Lord of the Tentacles), притащив в знак почтения пойманного муталиска (mutalith), запертого в клетку из огромных реберных костей, что устилали его логово. Спюм принес зверя жертву Нурглу, спалив на костре, и объявив, что теперь их флотилию ожидает попутный ветер и минимум неудобств в дороге. Гатрот командовал несколькими тысячами воинов, но больше всего Братья нуждались в его огромном флоте.

Говорили что у Гатрота больше кораблей, чем ледяных троллей в Клоуфьорде (Clawfjord). Его флот стоял на якоре в Море Когтей (Sea of Claws), и это полностью устраивало Братьев Глот, ведь их огромной армии в ближайшие недели понадобиться каждая посудина, на которую они смогут положить свои изъеденные болезнями руки.

Не прошло и недели, как Норсканцы отправились в путь. Племена, следовавшие за Братьями Глот по глине морского берега, были слишком многочисленны, чтоб их можно было сосчитать. Каким-то образом, Итраку удавалось запоминать каждое знамя и символ

по имени их племен, хотя по правде говоря, под конец полного объединения фьордов, даже ему пришлось говорить наугад. И вот на сотни лиг вокруг каждое племя встало под знамя Братьев Глот.

Последними из прибывших, были наездники на личинках с Вершины Ледяного Отрога (Icehorn Peak). Верхом на слепых тварях, что охотятся в местах их горных жилищ, их было всего лишь несколько, но они представляли собой грозную силу. Их предпочтение в глазах Нургла было очевидным. Об этом говорили складки одрябшей кожи, свисавшие с лиц наездников, и плесневелые рога, торчащие из их черепов. Не оставляли сомнений в том и их ездовые твари; они широко раскрывали зевы, выставляя свои внутренности на показ, их слюнявые пасти сочились шипящей рвотой.

Во главе всадников ехал живая легенда, Орготтс Демонорвот (Orgott's Daemonspew) - рогатый воин, известный за то, что вместо крови, по его венам текла желчь демонов. Глот были так впечатлены смертельным потенциалом всадников Ледяного Отрога, что сразу же предложили Орготтсу встать во главе третьей армии, которой суждено было атаковать Империю с востока. Личночный наездник отрыгнул шипящий сгусток серной крови в свою ладонь, когда пожимал распухшую пятерню Отто. Процесс объединения чумных повелителей в триумвират, по числу трех долей мушиного символа их хозяина был завершен.

Когда племена начали грузиться на корабли Гатрота, стало очевидно, что они были не только гнилыми и уродливыми на вид, но так же отвратительно смердели. Хотя для избранников Дедушки Нургла, это не имело особой разницы. Все они были одаренными особым божественным даром – извращенной тягой к ароматам разложения.

В зараженном сердце армады Владыки Щупалец находился чумной корабль Гнилое Чудовище (Rotten Beast). Тем вечером он рассекал волны во главе флота, оставляя за собой в воде жирный след свернувшейся слизи и нечистот. С командной палубы корабля Зеленый Волчар (Geenwolf), Отто мог поклясться, что видит что-то мясистое и пульсирующее копошащееся в расщелинах, покрывающих, точно шрамы оба борта Чудовища.

Море Когтей издавна кишило опасностями, уродливыми глубоководными тварями, которым было под силу продирявлить галеон насквозь одним ударом своих щупалец. Но все же, самую большую опасность в последние десятилетия представлял быстроходный флот Ултуана (Ulthuan). Подручные Финубара Мореплавателя (Finubar the Seafarer), самого одаренного из адмиралов, целенаправленно топили дракары северян, охотясь на них повсеместно, где бы они не были спущены в океаны.

Держась у береговой линии, чумной флот, безусловно, мог избежать огромных потерь, в случае столкновений с вечно-бдительными Эльфами, но с дру-

гой стороны, это подставляло корабли под залпы пушечных орудий береговых батарей, которыми усыпан берег Нордлэнда. Итрак и Отто предлагали с осторожностью пересечь море, пытаясь, насколько это возможно, избегать столкновений с флотом Ултуана.

Но Владыка Щупалец наотрез отказался от такого плана. Он командовал самым мощным из флотов Норски, поддерживаемый темным колдовством своего собственного изобретения. И он ни за что не был согласен пасовать перед слухами о эльфийском коварстве. Призывая своих собственных магических союзников, Гатрот пробормотал заклинание, на слоге, который даже Итрак не смог разобрать.

Как только флот миновал самую глубокую часть Моря Когтей, облака белого тумана появились из неоткуда и поплыли по волнам по направлению к кораблям северян. Изящные силуэты замелькали в дымке. То были эльфийские орлиные корабли (eagle ships) почти невидимые на таком расстоянии. Серия глухих ударов прозвучала на фоне скрипов палубных конструкций и стонов паразитированных водорослями гребцов. В планшир Зеленого Волчары вонзились три эльфийских болта, каждый размером с доброе копье. В мановение ока больше болтов поразили смотровые вышки.

Зловоние начало пробиваться сквозь дымку, поглотившую флот и отвратительный запах был почти осозаем. Семь столбов жирного серо-зеленого дыма, поползли от флагмана Гатрота, начиная жить своей собствен-

ной жизнью. Они дергали и тянулись все дальше и дальше, словно щупальца охотящегося подводного хищника.

Братья Глот наблюдали в благодарном молчании, как щупальца начинают наливаться физической составляющей. Серия приглушенных команд прозвучала со стороны эльфийских кораблей, и залп болтов взвился в воздух, поражая щупальца, но проходя сквозь грязный дым, не причиняя вреда и исчезая в пеняющихся водах.

В ответ, зеленоватые щупальца метнулись к палубам эльфийских кораблей и стиснули команду в удушающих газовых объятиях. Вскоре орлиные корабли были полны трупов.

Один из кораблей Ултуана подошел вплотную, готовясь идти на абордаж, но оказался пойман в ловушку огромными ложноножками (pseudopods), появившимися из щелей Гнилого Чудовища. Мачты были обломаны, а корабль раздавлен в щепки зловонными щупальцами, отправив десятки отчаявшихся эльфов в бурлящие воды моря. Спасшиеся на шлюпке пытались отбиваться. С блеском клинка одна из щупалец упала отсеченная, но остальные с удвоенной мощью обрушились на лодочку и разбили вдребезги. Державшиеся на расстоянии корабли эльфов, спешно развернувшись и исчезли без следа, так же как и появились.

Братья Глот салютовали Гатроту поднятыми вверх клинками в честь его колдовской победы. Вот и все, что смог им противопоставить хвастливый эль-

фийский флот. Без сомнений, та же судьба ожидает и Имперских защитников.

После победы над эльфийскими кораблями, чумная армада была разделена на три части. Первая состояла из войск под предводительством Братьев Глот и двинулась вдоль береговой линии, по направлению к торговому городу Маренбургу (Mareinburg). Вторая, включающая в себя элитных воинов Гатрота – выступала в Нордланд – через Старую Дорогу Двардов (Old Dwarf Road), пробиваясь к Альтдорфу. Третья волна, отправляясь по морю в Кислевский Залив (Gulf of Kislev), Орготтс Демонорвот намеревался высадиться вблизи Иренгарда и вести своих наездников на личинках вглубь имперских земель.

Путем трехстороннего вторжения и с помощью чумных поветрий, содержащихся в амфорах, Братья Глот не только поразят земли Империи волной заболеваний, но, также, и растянут имперские войска по огромной территории, которую будет сложно оборонять. Далее, прорвавшись сквозь неплотные ряды обороняющейся армии земель Карла Франса, Братья планировали направиться прямиком в Альтдорф. Для этого все три орды должны были прибыть под стены столицы в канун Гехемниснахта (Geheimnisnacht). Итрак подозревал, что Владыка Разложения сам приложил свою руку к этому плану, а его подручные уже трудятся над его воплощением, как вне городских стен, так и в их пределах. Нурглу не терпеть-

ся заполучить Альтдорф, заполучить то, что город собой олицетворяет.

Когда суровая зима сменилась весной 2525, флот Братьев Глот подошел к берегам Норски. Вскоре смотровые на вышках заметили паровые краны и мачты на горизонте, это Маренбургские торговцы вели свои корабли по направлению к Люстрии, Ултуану и за их пределы. Никакого труда не составляло потопить эти корабли, разграбить и отследить их путь назад к большой земле.

Приближаясь к порту Маренбурга, захватчики на бортах кораблей принялись нетерпеливо барабанить своими клинками по наружной стороне щитов, в предвкушении резни, что ждала впереди.

Колокола Маренбурга забили тревогу, когда корабли флота Братьев Глот показались в пределах видимости. Стража быстро заполнила портовые кварталы, вставая плечом к плечу, обнажив клинки под знаменами, трепетавшими на ветру, что нес ужасный запах с моря, несущего к ним чумные корабли.

Капитаны судов, стоявших в заливе на якоре, приказали своим орудиям бомбардировать приближающегося врага, в надежде выиграть время, для сухопутных войск города, занять оборонительные позиции и приготовиться к вторжению. Ядра с глухим треском врезались в грузные туши чумных кораблей, но те оказались на редкость крепкими и отказывались идти ко дну,

даже будучи пробитыми на вылет в нескольких местах. Несколько гнилых посудин все же удалось потопить, но лишь разбомбив их палубы на части.

Как на воде, так и на суше не было пока той силы, что смогла бы остановить Братьев Глот. Под прикрытием хрипящих пушек чумной армада, Флагман Зеленый Волчара врубился в жиценький строй собранного наспех оборонительного флота, что пытался загородить проход к докам.

Паровые краны, захваченные в предыдущем сражении, уже пустили корни на палубах чумных барж, слившись с ними в единое целое. Огромные крючья с притороченными к ним канатами, что вели в утробы кранов, были уложены на чаши штурмовых катапульт. По команде катапульты произвели залп, и крючья полетели в сторону Маренбургской флотилии. Некоторые крюки просто упали в воду, но те, что попали в цель, с хрустом вгрызались в палубы кораблей. С животным рычанием и содроганием краны заработали, медленно подтягивая загарпуненные корабли защитников в ряды чумной армады. Пойманные, точно рыбы на удочку, корабли пробовали сопротивляться. Пушки огрызались, оставляя огромные дыры в покрытых заразой бортах неприятеля, но каждая новая дыра мгновенно заполнялась коричнево-зеленой лимфой, что застывала прочнее дерева и латая щель.

Загарпуненные суда без следа исчезли в рядах флотилии Хаоса. Самые стойкие и матерые из моряков были

всего лишь детьми в сравнении с закованными в железо чемпионами и ветеранами Губительных Сил. Корабли были взяты на абордаж и потоплены, а их команда изрублена и выброшена за борт. Волны окрасились в розовый цвет от пролитой в них крови, а море кипело от пирующих мясом хищных рыб, что вскоре плавали кверху брюхом, убитые зараженной дрянью, выделяемой в воду нутром каждого чумного корабля.

На борту Зеленого Волчары Братья Глот хмуро смотрели на высокие Стены Маренбурга, расчертывшие горизонт. Такой элемент обороны они не предвидели, ведь считалось, что Маренбург будет легкой наживой, городом раскисших слабаков. На деле, стены были почти неприступны, такими же крепкими и толстыми, как и камнетесы двардов, что возвели их в далекие времена. За чертой доков, что защищала стена, на возвышенности, опоясанной болотистой местностью, раскинулся городской порт – просторный остров богатства и цивилизации.

Единственный путь внутрь лежал через проход, что закрывала Стена, известная как Застава (Outpost), вдобавок, проход был с ног до головы усыпан орудийными гнездами. Стена была спроектирована блестяще, и вот уже на протяжении нескольких веков помогала отражать любые нападения с моря.

Грянул гром, над Стеной расползлось облако белого дыма. Через секунды передние корабли чумной флотилии накрыл шквал ядер, ломая

мачты, разбивая в щепки маленькие суда, отрывая ноги и руки воинов, что отправились по частям кормить рыб на дно залива. Под градом снарядов одному единственному судну удалось подгрести вплотную к стене. Это был трофеинный аутригер (outrigger). Команда швырнула штурмовые кошки, чтобы начать взбираться по Стене. Но до того, как первый из них смог сделать шаг с борта, мощный залп батарейных орудий разорвал судно пополам, поднимая фонтаны морской воды, отправляя ошметки корабельной команды высоко в воздух.

На борту Зеленого Волчары, бубня что-то себе под нос на ломанном наречии, Итрак аккуратно уложил первую из заветных урн Архаона в чашу штурмовой катапульты. Чародей повернулся к своим братьям и взглянул на них глазами полными злобного ликования. Тройне не терпелось узнать, что за подарок Нургл великодушно приготовил для них.

Гурк ухватился за рычаг катапульты и оттянул его к палубе, обычно требовалось двенадцать крепких воинов, чтоб совершить такое. Глухо скрипнув, механизм катапульты отправил глиняный сосуд в полет. По широкой дуге, оставляя за собой в воздухе грязный след заражения, амфора перелетела через Стену и скрылась из виду.

Резкий тяжелый запах разлагающейся растительности и перегноя наполнил воздух в момент, когда глиняная урна разбилась за стенами. Итрак желчно захихикал, когда под грубый хохот Отто, Маренбургская Стена

начала на глазах покрываться чужеродной темной порослью. Грязно-зеленая дрянь буйно цвела и поражала каменную кладку изнутри со страшной скоростью, как будто весь долгий цикл развития растений был втиснут в мгновения. Захватчики почувствовали аромат могильного мха (grave-moss) на фоне соленого морского ветра.

Воины Хаоса смотрели, не веря своим глазам, как Стена, построенная дварфами, начала проседать, а потом и рушиться. Невероятно, но мох-паразит (moss-plauge) пустил свои крошечные побеги в микротрещины в каменной кладке дварфов, и там он вдруг с неестественной скоростью начал расти, вспучиваясь грязными толстыми слоями, которым не было преград. И вот теперь черный мох разрушал Стену изнутри, превращая цементный раствор в пыль, за минуты совершая эрозию, на которую потребовались бы тысячелетия.

Когда корабли нападавших стали подплывать ближе, Братья Глот обратили внимание, что могильный мох разросся широкими островами, заполняя уже линию фарватера. Сами доки были под завязку забиты порослью черного мха. Медленно, но уверенно, чумная армада миновала надводный ковер из гнилой поросли и вошла в образовавшуюся бухту. Рампы упали с бортов кораблей на берег. Армия подонков, психопатов и чудовищ хлынула вперед, заполняя доки.

Повсюду на улицах Суидоков (Suiddock) блестела сталь. Полк за полком, маршируя вперед, пехота втап-

тывала побеги могильного мха, что разросся повсюду. Бойцы занимали оборонительные позиции на каждом перекрестке, каждой аллее. За их спинами находились мощенные камнем площади с домами торговцев, и торговых гильдий ломившихся от богатства.

Хотя чумной флот не возможно было остановить, он двигался довольно медленно и у местной аристократии было время для того чтобы собрать войска и приготовиться к обороне.

По ходу того, как новоприбывшее разношерстное подкрепление заполняло оборонительные позиции перед доками, оказавшиеся на берегу капитаны кораблей, помогали поддерживать порядок. То там, то тут звучали их резкие команды, и слышались корабельные свистки. Вскоре прибыли боевые подразделения местных сил самообороны, каждое шло под своим знаменем, на котором были вышиты их геральдические символы и их достижения на полях битни. Достаточно большое количество пехоты было стянуто вглубь города, готовясь сдерживать противника, в случае прорыва первой линии обороны у причала. К тому времени как сыны Норски обрушились на причал, их уже была готова встретить ощетинившаяся стена лезвий. Хотя ей и было не суждено долго простоять супротив дикого необузданного напора северян.

После стольких недель безделья северные племена изголодались по битве. Воины неслись в атаку, высоко вздернув боевые топоры, крича проповеди своим богам. Несколько

сотен умерли сразу же после того, как грянул первый залп мушкетов и пушек оборонительных порядков Маренбурга, отправляя изорванные ошметки татуированной плоти обратно в море.

Вслед за первой волной наподдавших, все больше и больше чумных кораблей с каждой минутой заходило в бухту. Подобно бурлящему адскому вареву из котла, новый поток воинов диких племен, выплеснулся с бортов вновь прибывавших посудин на изъеденную мхом поверхность причала. Те, кого не скосил залп орудий, неслись вперед, но были встречены лесом пик, алебард и бердыши, проколоты и изрезаны при первой же попытке напасть. Тяжело бронированные чемпионы ступили на причал, чтобы поддержать атаку соплеменников, но мало преуспели, когда острые лезвия на длинных древках пробили смотровые щели их шлемов, а бердыши и алебарды выпотрошили их животы.

Возвышаясь на мостице Зеленого Волчары, Отто приказал своим ярлам, тащить новое оружие - огромные точно мешки, теплые пульсирующие тромбы, собранные с пола корабельного трюма, в котором содержался Гурк во время путешествия по морю. Находившиеся внутри мешковидных тромбов существа когда-то были людьми. До того как их не пожрал Гурк и не вытолкнул из себя в виде чего-то мерзкого и ужасного. По команде Отто тромбовидные сгустки были покружены в чаши боевых катапульт на палубе Зеленого Волчары. С глухим ударом, катапульты отправили в полет свой мерзкий

груз. Мешки плоти перелетели первые порядки защитников и шлепнулись в сточную канаву. Нескольких Маренбургцев зацепило бомбардировкой, и они были раздавлены весом кожистых свертков, но в остальном, казалось бы, все снаряды пролетели мимо. Все внимание было приковано к боям, что шли на передовой, и воины, спешащие на защиту, попросту проигнорировали, копощащиеся в мерзких амниотических мешках, бесформенных тварей. Это стало их роковой ошибкой. Мешки, что скатились в коричнево-кровавую грязь забитой мхом-паразитом сливной канавы, стали всасывать в себя окружающую их жижу и увеличиваться в размерах. Достигнув пределов своего роста, эмбрионы прорвали мерзкие утробы. В брызгах крови и ошметках плаценты, страшные твари вырвались на свободу. Разинув свои искривленные пасти, потрясая деформированными конечностями и воя в бешенстве на безразличные небеса, мутанты обрушились на тыл защитных порядков Маренбургцев в слепой ярости и злобе.

Кровожадный рев прокатился над водами бухты, когда воинство северян атаковало с удвоенной яростью. Закованые в железо мародеры шли в бой, выставив перед собой алебарды с крючковатыми страшными лезвиями, а диковатые воины неслись рядом размахивая цепами, повергая всех глупцов, что решили воспротивиться и встать у них на пути. То замешательство, что создали утробники (*gutterlings*), стало оружием само по себе, как Братья Глот и рассчитывали. Страшные вопли агонии

и звуки резни в тылу заставили первую линию обороны пошатнуться, и воины Нургла, не теряя ни секунды, обрушились на опешивших защитников, втаптывая тех в землю, круша и кромсая плоть и кости. Великий Рейкский водоканал (*great Reiks watercourse*) окрасился кровью, когда воины мутанты и кровожадные дикари северных племен хлынули по его берегам, сея беспорядок и смятение. Беснующаяся толпа захватчиков быстро наводнила улицы; поток мускулистых татуированных тел казался не иссекаемым. Опомнившиеся солдаты пытались восстановить оборонительные порядки, но было уже слишком поздно.

Итрак вздрогнул, готовясь сотворить заклинание. Колдун запрокинул голову лицом вверх и завопил. Поток грязно-зеленого мрака выплеснулся с его окровавленных губ. Сформировавшись в подобие облака, ядовитая мерзость поплыла по воздуху в направлении Маренбургских доков. Одобрительно кивая, Отто трижды громыхнул по палубе своей закованной в железо стопой. Мгновение позже, Гурк с треском вырвался из своего заточения в трюме Зеленого Волчища. Круша деревянные перекрытия и злобно вопя, он грузно приземлился на поверхность причала. За время, что они провели бороздя Море Когтей, он заметно раздался в плечах и сровнялся в размерах с рыбакскими домиками, что были разбросаны в огромном количестве по всей бухте.

Предупредительно крикнув, Отто тяжело перевалился через борт своего

корабля, и приземлился прямо между покатых плеч Гурка. Не обращая внимание, на недовольное ворчание своего недалекого братца, и поудобнее перехватив свою боевую косу, Отто заставил Гурка двинуться с места по направлению к Итраку. Колдун поплыл навстречу своим братьям, как будто невидимая рука переносила его по воздуху. Вскоре он оказался рядом с Отто, на спине их младшего брата.

Продвигаясь вперед, ядовитое облако, призванное Итраком пролило черную жидкость, на солдат, что маршировали наперерез по Суидштрассэ (Suidstrasse) и они вымокли в безымянной мерзости с ног до головы. Поначалу некоторые новобранцы кашляли кровью, падая на колени, но вскоре недуг подкосил все воинское формирование, включая самых стойких ветеранов. Огромные волдыри поразили кожу солдат, гнойный нарости распускались на языках, забивая дыхательные пути, и опухоли появлялись в глазницах, вдавливая глазные яблоки вовнутрь. Уцелевшие призывали к порядку, но это было бесполезно.

С крепко держащимися за роговые отростки на его загривки братьями, Гурк врезался в нестройную толпу Маринбургжцев будто огромны булыжник. Полдюжины пораженных болезнью солдат разлетелись в разные стороны как тряпичные куклы, когда Гурк начал орудовать своими манировавшими конечностями. Его рука-щупальце с одинаковой легкостью пробивала человеческие тела и стены близлежащих домов, расшибая в дре-

безги шлемы и головы особо отважных солдат, что пытались прорваться вперед. Один из уцелевших солдат кинулся прочь, и влетел в толпу наемников, выходивших из-за поворота. Люди отпрянули, в ужасе наблюдая за тем, как солдат падает на землю и его судорожно рвет кровью.

Отто перешагнул одной ногой через огромный рог, торчащий из затылка Гурка и, согнув ее в колене для упора, свесился на бок огромной туши мутанта, держа косу наперевес. Он взмахнул древком, и лезвие сразу же обезглавило одного солдата, вспоров глотку второму, стоявшему слишком близко. В то время, как широкие взмахи косы пожинали свой страшный урожай налево и направо, губительное облако Итрака двигалось по городу, сочась своей зараженной мокротой. Зараза быстро распространялась по всему боевому фронту, тут и там солдаты кашляли и чихали кровью. Ну а Братья Глот были слишком увлечены волнями наемников, катавшимися по земле перед ними. Чума – такое простое слово, а на деле намного эффективнее, чем все пушки и катапульты вместе взятые.

Слухи о страшной болезни, что несли захватчики, быстро распространилась по Маренбургу до самых тылов обороны, люди боялись. К тому же, подстегнутый колдовскими заклинаниями Итрака, черный мох прорастал не только на стенах домов, одежде и оружейных ножнах, но и на коже людей. Несчастные с ужасом наблюдали, как под их кожей расползаются его тоненькие черные побеги.

Словно по молчаливой команде, подразделения вновь прибывавшие на передовую, как один теряли желание сражаться. Ибо никакое золото не стоило того, чтобы пустить в себя ужасную заразу, принесенную людьми севера. Один за другим, Маренбургские военные ополчения разбежались прочь, в поисках менее заразных боев.

Без поддержки наемников, регулярные войска Маренбурга были все равно, что покойники. Вопли и крики слились в неразборчивы гул, когда паника поглотила город. Отто и Итрак верхом на брате беспрепятственно двигались по опустевшим улицам. Сцены разрушения и заражения сменяли одна другую, делая город похожим на кошмарный сон безумца. Запах гари тянулся с востока. Где-то вдалеке прогрохотали пушки. На горизонте со стороны дороги на Алтдорф замаячили Имперские цвета. Братья Глот продолжали двигаться вперед, готовые сразиться с дюжиной армий Карла Франца. Но не армии живых шли к ним наперерез.

Шум схватки и треск огня, захлестнувшие город, были хорошо слышны на высокой башне одного из Маренбургских особняков. Ветер доносил до Мунварда Жестокого (Munvard the Cruel) запах гнили и эхо лязгающих клинков, приправленное криками первобытного ужаса.

- Зараза, - сплюнул вампир. Его лицо было покрыто морщинами, делающими кожу похожей на сухой чернослив.

- Как ненавистно мне сие слово. Мы не можем этого допустить.

- Как скажешь, дорожайший. – Женщина, вышедшая к нему из тени, была отвратительна, но осанка ее была безупречной. – А так ли уж сильна необходимость в спасении сего града? Есть ли большая разница, чей народ испытает в итоге на себе мощь наших войск – южный али северный.

- Разница огромна! – прошипел Мунвард. – Не время сейчас вступать мне в игру, и тебе хорошо это известно. Сие раздражает меня чрезмерно - поднимать мои армии сейчас. Сие должно бы огорчать и тебя, Алисия. Не испытывай боле моего терпения. Ибо у него есть предел.

Времени оставалось мало. Запах тлеющего дерева становился все сильнее, а странный черный мох, что Норсканцы привезли с собой, гнездился уже под самыми крышами. Мунвард раздраженно махнул своей супруге, и та вышла вперед, держа в руках шкатулку дивной работы, в которой лежало их самое большое сокровище. Она отступила, склонив голову в знак уважения, когда Мунвард вытащил на свет гримуар, известный как Черный Том (Black Tome).

- Когда все будет сделано, господин, должна ли я призвать Белых Леди? – промолвила Алисия. – Быть может... даже... Зверя?

- Всех их, моя голубушка. – Сухо ответил Мунвард. – Призови их всех. Мне больно говорить такое, но времени на тонкости у нас боле нет. Только не в ситуации, когда война уже в полном разгаре.

ВОЙСКА БРАТЬЕВ ГЛОТТ

Братья Глотт выбрали самый короткий путь к сердцу Империи, атаковав город-порт Маринбург. Так как город-остров давно отделился от империи Карла Франца, делало его легкой добычей. В дальнейшем же по берегам Рейка планировалось выйти к столице Альтдорфу.

Братья Глотт

Противостоять Тройне, что руководила вторжением войск Норски в Империю, было воистину ужасным испытанием. Хотя они всегда бились как единая сила, два брата шли в битву верхом на огромном муттировавшем уроде, что так же приходился им братом. Каждый из них по отдельности, по праву мог зваться могучим чемпионом Темных Богов. Отто был непобедимым воином, тогда как Итрак - могучим чародеем. Гурк же, обладал чудовищной разрушительной силой в ее самом примитивном проявлении. Братья Глот стали настолько могущественны, что заслужили место среди избранных чемпионов Нургla.

Красные Грабители.

Посвятившие себя Кхорну, Красные Крабители были изначально смертельными соперниками Братьев Глот, но Архаон приказал им встать под знамя тройни. Их верность новым начальникам была вознаграждена резней такого масштаба, что им никто и никогда не предлагал раньше. Теперь они стали служить Братьям Глот по своей воле.

Племя Красноглазых

Дикари, известные как Племя Красноглазых, искали внимания Нургla ночами на пролет взглядаваясь в громадный диск Моррслиб. Они верили, кто сможет до рассвета непрерывно смотреть на луну Хаоса, деградирует душой и телом, но обретет сверхъестественную выносливость.

Обреченные

Гротескные полулюди, потерявшие себя на скользкой дороге к демоничеству, Обреченные считались одаренными среди своих соплеменников, но проклятыми у всех остальных. Уродство этих отвергнутых воинов превосходили лишь их свирепая ярость и живучесть.

Великий Авангард

Включая в себя более двадцати племен Норски, орда, име- нуемая Великим Авангардом, состояла из воинов присягнувших Богу Чумы, ветеранов сражений с южанами.

Утробники

Утробники были когда-то людьми севера. Все они когда-то бросили вызов Братьям Глот и все проиграли. Такие неудачливые соперники обычно пожирались Гурком с потрохами. В глубине его извращенного кишечника, они переваривались, превращаясь в мерзкие отродья Хаоса, их исковерканная плоть это отражение мутаций самого Гурка.

Братья Глотт
Отто и Итрак верхом на Гурке

Племя Красноглазых
Три орды мародёров с отметиной Нургla

Красные Грабители
Одна орда мародёров с отметиной Хорна

Обречённые
Одна банда Отверженных с отметиной Нургla

Утробники
Двенадцать Отродий хаоса с отметиной Нургla

Урсонаи
Девять орд Мародеров с отметиной Нургla

Струпные Побретимы
Племя Войнов Хаоса с отметиной Нургla

Катарактовый Глаз
Отряд Избранных с отметиной Нургla

Своеvolьные стаи
Воинственные соединения Войнов Хаоса

Культ Замерзшей Судьбы
Отряд Мародеров

Братство Вороны
Племя Мародеров с отметиной Нургla

Неумирающие
Орда Войнов Хаоса с отметиной Нургla

Бросающие в дрожь
Орда Обреченных с отметиной Нургla

Морские Волки
Шесть племен Мародеров

Несчетные
Отряд Обреченных с отметиной Нургla

Гниющая Стая
Стая Боевых псов Хаоса

Порабощающие Утробы
Стая Боевых псов Хаоса

СОКРЫТЫЕ МЕРТВЫЕ

Войска Мунварда Жестокого уже давно скрывались в руинах заброшенных зданий Маренбурга, ожидающие сигнала своего хозяина, чтобы завладеть городом. Вторжение Братьев Глот заставило Мунварда действовать, так или иначе мертвые поднялись защитить городской порт, когда живые не смогли этого сделать.

Мунвард Жестокий

Вампирский лорд Мунвард правил потусторонним миром Маренбурга на протяжении четырех веков, он был весьма утонченным в манерах, но мощь его была огромна. Известный под прозвищем Повелителя Теней, Мунвард уже давно вел свою тайную игру, подкупая здешних горожан и манипулируя их судьбами, почти половина города плясала под его дудку. Мунвард поднялся во времена вторжения Манфреда в 2133, но после поражения вон Карштайна в контратаке на Рейкланд, он залег на дно и не давал о себе знать до момента прибытия Братьев Глот. Их вторжение заставило его прежде-ременем раскрыть карты и показаться, что вызвало его медленно растущий, но весьма ощутимый гнев.

Сокрытые

Мунвард давно и тщательно готовился к перевороту. Тут и там, неглубоко под землей, по которой сейчас маршировали войска захватчиков, были припрятаны трупы. Мунвард вынудил дремлющих покойников покинуть свои схроны, и те поднялись прямо из-под ног ничего не подозревающих северян. Теперь на пути войск Хаоса шевелилась стена мертвой плоти.

Алисия фон Унтервальд

Алисия вон Ундервальд искала могущества на стороне Мунварда с тех пор, как тот прибывал в Сильванию, за много веков до прибытия Братьев Глот. Бессмертие открывает невероятное количество перспектив, и Алисии были вверены ее собственные войска, которые она должна была повести в бой по грязным темным улицам городского порта, когда придет черед Мундрэда захватить власть в свои руки. Но даже у вампиров порой не хватает терпения. Алисия с радостью восприняла весть о вторжении извне, ведь ей давно не терпелось окропить свои клыки кровью.

Подчиненные

Изначально они были посланы отнять душу вампира, но призрачный шут (*haunting laughter*) предвидел нападение заколдованных духов (*hexwraith*) и предупредил Мунварда, предложив тому, в качестве защиты, очерченный круг, а для его создания, самую обычную соль, ворованную из лавки мясника. И пока убийцы бились в ярости о защитные стены магического круга, Мунвард сплел хитрое заклятие, что навечно подчинить своей воле.

Суидокский Зверь

Жестокий убийца, терроризирующий Маренбургские верфи на протяжении многих лет, но так и не пойманный, получил прозвище Суидокский Зверь. Многие подозревали в убийствах огра по имени Ганс Блат (Blut Hans), ведь все жертвы были буквально разорваны на части. Другие утверждали, что видели крылатую образину, кружашую в небе перед каждым совершающимся убийством. Рассказывали, что крики умирающих жертв были настолько ужасны, от них лопались стекла. Не многие знали что эти вопли были криками душегуба (terrorgheist), прислужника Повелителя Теней.

Белые Леди

Лилит ван Маренс была знаменита своей распущенностью, поговаривали, что она связалась с нечистой силой. На самом деле она была глава Белых Леди, трех Ламиек, что плели интриги в сердце Маренбургской знати. Они были так искусны в своем деле, что могли приворожить человека одним движением губ или подчинить душу умершего одной фразой. Идя в бой, Белые Леди, собирали всю мощь воедино, чтобы повергать своих врагов.

 Мунвард Жестокий
Высший Вампир

 Алисия фон Унтервальд
Вампир

 Белые Леди
Вампир и Бледные служанки верхом на Ведьмином Троне

 Суидокский Зверь
Душегуб

 Сокрытые
Шесть армий Зомби

 Подчиненные
Один шабаш Проклятых Духов

 Оиплаченный Долг
Шабаш Могильных Духов

 Холодные Люди Остдоков
Орда Зомби

 Мунвардов резерв
Орда Зомби

 Замерзшие мертвяки из 2306
Орда Зомби

 Замурованные
Толпа Зомби

 Мясокрючные
Толпа Зомби

 Оттаявшие
Толпа Зомби

 Урожай Катакомб
Орда Войнов скелетов

 Пропавшие в Судоке
Орда Войнов скелетов

 Существа из Шестого Хранилища
Полк Могильной Стражи

 Труповяз
Одна Труповозка

БИТВА ЗА МАРЕНБУРГ

Мунвард был обычно сдержан и неумолим с теми, кто вызывал его недовольство, но разрушения, которые были причинены его городу, привели его в холодную ярость. Портовые верфи были почти уничтожены, когда корабли северян выгрузили на берег свой беснующийся груз. Тысячи, возможно даже десятки тысяч Маренбуржцев умерли за последний час, с тех пор как ополчение бежало. Его владения утонули в суровых затяжных боях. Армада северян была так велика, что город был полностью потерян защитниками в течение нескольких часов. С тем количеством заразы, что витала в воздухе, нечего было надеяться, на то, что смертным под силу и дальше держать оборону.

Корабли северян полностью уничтожили береговую защиту бухты. Над причалами стоял густой красный туман, это оседала каменная крошка разрушенных укреплений, перемешанная с кровью мертвых защитников, что превратились теперь в ковер изувеченных трупов. Запах крови был так силен, что заставлял Мунварда нервничать даже с его уровнем самообладания. Несколько десятилетий он не предавался бесконтрольному кровопролитию, быть может, даже несколько веков. Вампир почувствовал, как удлинились его клыки в предвкушении кровавой мести, ему было все сложнее удерживать свою боевую форму, она рвалась наружу с каждым снятым фрагментом его доспеха.

Если живые не способны отбросить волну надвигающегося Хаоса, тогда мертвые сделают это вместо них. В конце концов, какое дело до чумы тем, кто уже успел умереть.

Задумавшись, вампир уставился в никуда широко раскрытыми черными как смоль глазами. Не хитрый волшебник или фанатичный охотник на ведьм заставил Мунварда забеспокоиться, а грязные и грубые отродья Пустошей Хаоса (*Chaos Wastes*). Он бы посмеялся над иронией происходящего, если бы не его выверенные долгими годами планы лежали сейчас втоптанными в грязь. Ведь даже Айслинская (*Aislin*) армада эльфов не атаковала с такой агрессией и стремительностью.

Мунвард поднялся на вершину башни своего особняка под руку со своей супругой Алисией. Стоя над пылающими улицами он начал произносить по слогам заклинания, что вычитал когда-то давно в бесценных книгах вон Карштайна, Алисия вторила его словам. Эфирные ветра послушно впитали заклятия, и последствия не заставили себя долго ждать.

Каменная кладка в городском порту вспутилась и начала расползаться в разжижавшейся земле, по плитам побежали трещины, заколоченные двери подвалов с треском распахнулись, а земля долгие годы скрывавшая потайные ходы и лазы осыпалась вовнутрь,

открывая черные проходы как утробы чудовищ. Надежно спрятанная, спящая во тьме армия ходячих трупов выбиралась на дневной свет по приказу Владыки Теней. Трупы лезли из стен, разрыхляя кирпичную кладку своими костлявыми скрученными пальцами, выползали с заброшенных складов, где прятались под горами никому не нужного хлама.

Волна ходячей мертвечины, ковыляющей по улицам навстречу захватчикам, была воистину бесчисленна, но северяне были слишком увлечены, грабя и добивая раненых защитников, чтобы заметить их приближение. Только когда Суидштрассе заполнилась стонущими воюющими трупами, Братья Глот обратили внимание, что дорога вперед забита живыми мертвецами.

Братья были удивлены ужасному виду бредущей на них новой волны защитников, но вовсе не были напуганы или растеряны. Разложение в любом виде приветствуется почитателями Нургла и имеет для них свою странную прелесть, а Братья Глот были истинными правоверными. Некоторые трупы были похожи на запеченные в кровавой грязи гнилые окорока, с других как тряпье, свисала почерневшая от некроза кожа. Какие-то, походили на освежеванные двуногие груды сиреневой плоти, рядом тащились скелеты с остатками недогнившего мяса на костях. Все как один они двигались по направлению к Норсканцам.

На всех дорогах, что вели к Суидштрассе, шевелился ковер из немерт-

вых покойников. Итрак высказал свои подозрения, что возможно могущественный темный чародей, имеющий свои интересы в этом городе, решил вступить в игру, дабы защитить, принадлежащее ему. Но с тем количеством воинов, что они имеют под своим началом, даже город полный до краев трясущихся покойников, не задержит их надолго.

Оставляя позади тройню, вперед вырвались Обреченные. В прошлом могучие воины, теперь же слюнявые рычащие мутанты, в своем уродстве имеющие больше сходства с Гурком, чем с Отто. Воевода буркнул еле слышное приветствие и взмахнул косой, указывая воюющим тварям направление для атаки, но по злорадному хихиканию Итрака было понятно – мутанты даже не заметили жестов внимания Отто. Обреченные были рабами своих кровожадных инстинктов и давно перестали обращать внимание на команды и человеческую речь как таковую.

Толпа мутантов врезалась в колышущуюся массу мертвых тел с душераздирающими воплями, размахивая огромными клешнями и когтистыми лапами. Шаг за шагом, они начали все глубже, продираться сквозь ряды трупов. Недовоины скулили, перепрыгивая через некоторых мертвецов, в слепую хватая головы, и конечности, с хрустом выдирая их из тел и отбрасывая прочь, чтобы приняться за новые. Спустя какое-то время они совсем скрылись из виду, растворились в реке покойников, покрытые гнилой требухой и смрадной кровью.

Гикая и улюлюкая, с соседней улицы показались Красные Грабители. Перепачканые кровью с ног до головы всадники тащили пять изорванных Маренбургских знамен, принадлежащих разным военным подразделениям. К седлам их коней были приторочены связки отрезанных голов солдат, заготовки для черепов, что будут служить лучшими трофеями во славу Кровавого Бога. Завидев врага, они пришпорили коней. Лязгая зубами и топорами они врубились в нестройные порядки мычащих в исступлении трупов, распихивая щитами гнилую плоть, рубя направо и налево. Но на место каждого поверженного скелета из-под земли лезла еще дюжина. Крючковатые пальцы мертвый хваткой вцеплялись в стремена, бока лошадей и ноги наездников.

Братьям Глот совсем не хотелось смотреть, как их новообращенные союзники по кускам превращаются в расходный материал. Отто пнул Гурка в загривок, велев поторапливаться вступить в бой. За его спиной Итрак тихо прошепелявил одно из своих проклятий и толпа зомби, что преграждала им дорогу, рассыпалась пеплом по мостовой, словно сожженная невидимым пламенем. Но до победы было еще очень далеко, мертвые кишили повсюду, насколько хватало глаз.

Красные Грабители прорубались все глубже и глубже сквозь массу стонущих высохших тел, орудяя своими топорами, они обрушили на врага вихрь чистого необузданного насилия. Вскоре они бились уже плечом к плечу с Обреченными. Вокруг плескалась

кровь, и хрустели кости отделяющихся конечностей, такое веселье было по вкусу этим искушенным в убийстве воинам. Топая и сотрясая землю под собой, Гурк вломился в гущу битвы, круша и чужих и своих с одинаковой необузданной мощью. Его уродливые конечности, стегали направо и налево, желчная пена закапала из несмывающейся деформированной пасти, когда его необычный кишечник приготовился к приему мяса, которого в скором времени, будет предостаточно.

Не отставая ни на шаг от братьев, Отто размахивал косой, изогнутое лезвие снимало головы с плеч, словно тонкие сухие колоски. Со всех сторон на них перли тысячи трупов, но мужчины севера были рождены для войны и раж схватки поглотил их полностью. Никто не сможет остановить их сегодня.

Что-то сверкнуло над головами, и Итрак предупредительно вскрикнул, указывая своим крючковатым пальцем в небо, где парящее нечто зависло над крышами домов. С виду это был обычный паланкин, что использовали королевы южных земель, только он двигался по воздуху, запряженный небольшой стаей духов. Полулежа на шелковых подушках, свесив ножки на каменные ступени, из паланкина выглянули сразу три высокородные барышни с белоснежной кожей. Каждая из женщин была произведением искусства неописуемой красоты, и своим видом могла мгновенно гипнотизировать любого, но только не того, кто давно отказался от всего человеческого. Нургл одарил Итрака способностью видеть невиди-

мое и зачарованное, теперь он видел истинную сущность этих женщин – мертвечину, цепляющуюся за темное колдовство, что поддерживает в них подобие жизни.

Когда эфирная конструкция пролетала достаточно низко над домами, один из чемпионов Кровавых Грабителей быстро взобрался на крышу с седла лошади. С разбегу он прыгнул вперед с крыши, его окровавленные руки вцепились в перила воздушного паланкина. Подтянувшись, он ступил на каменную лестницу. Вытащив из заплечной перевязи боевой топор, он выкрикнул хвалу Кхорну и занес оружие для атаки.

Самая высокая из бледных женщин что-то быстро прошептала нежным шелковым голосом, соскальзывая с могильной плиты, ее подведененные глаза блестели. Чемпион Кхорна вздрогнул и растерянно осел на ступени. Мгновение позже он уставился на приближающуюся вампирессу глазами преданного пса. Женщины что остались возлежать на подушках, поспешно достали свои кружевные платки и прикрыли свои изящные носики в отвращении, когда их королева ножом перерезал горло не сопротивляющемуся варвару, и спихнула тело вниз носком своего изящного сапожка.

В слепую Гурк бушевал в массе мертвых тел, что кусались, царапались и вцеплялись в его огромное тело со всех сторон. Отто с радостью рубил пополам тех, пытался взобраться на плечи его монструозного братца. Итрак посыпал в толпу врагов черные лучи, по-

падая в цель, они расплавляли трупы в грязную жижу, не оставляя возможности для повторного воскрешения. Но их работа быстро шла наスマрку, армия мертвых быстро восполнялась павшими Маренбуржцами, телами которых были усыпаны мостовые города.

В самом начале вторжения северян в город их численность была столь велика, что казалось, им не будет конца. Теперь же, каждый погибший воин уменьшал армию Братьев Глот на одного человека, и ровно на одно мертвого становилось больше в армии некроманта. Плюс ко всему ходячие трупы было не так-то просто упокоить, даже разрубленные части со временем начинали срастаться в единое целое, подстегиваемые темной волшбой. Дошло до того, что воины племени только что павшие в бою, поднимались мгновение позже и вцеплялись остывающими руками в горло тех, с кем они недавно плечом к плечу воевали. Жизнь плавно перетекала в смерть и Братья Глот должны были положить этому конец. Распихивая трупы, тройня продвигалась все глубже в тылы мертвого войска, пытаясь отыскать кукловода, что дергает за нити бесчисленного количества мертвяков, запрудивших улицы.

А в это время в тени чумных кораблей пришвартованных в доках, стонущие духи, которых Мунвард связал заклятием вечной службы многие годы назад, выпотрашивали своими косами небольшую группу Утробников, оставленных Норсканцами. Мускулистые твари хлестали налево и направо своими щупальцами, усеянными присоска-

ми и ядовитыми шипами. Но все удары проходили сквозь тонкую дымку сгорбленных силуэтов, что безжалостно резали лезвиями на мелкие кусочки их матировавшие тела. Мерзкие плоды кишечника Гурка мычали и выли в тупом бессилии, когда их убивали одного за другим, разбрызгивая по причалу их вонючую, грязную кровь.

Очередная волна северян выплынула с бортов кораблей, чтобы присоединиться к битве, что шла полным ходом на улицах города. На мгновение что-то затмило собой солнце, огромная скелетообразная тварь, отдаленно напоминавшая летучую мышь, сложив свои кожистые крылья, спикировала вниз и уселась на корму Зеленого Волчары. Она ссугулилась, и вытянув свою деформированную кривую шею, повернув морду в сторону доков. Ее челюсти раскрылись неестественно широко, и через мгновение атональный душераздирающий визг прокатился по причалам, стенам и крышам портовых домов, вышибая стекла из оконных рам и мозги из голов тех, кто оказался в пределах досягаемости. Звуковая волна не щадила не монстров, не людей, все они корчились в страшной предсмертной агонии, катаясь по камням и доскам портовых причалов, пуская пузыряющуюся кровавую пену из всех отверстий в своих головах.

Визг душегуба, был тем ориентиром, в котором так нуждались Братья Глот. Ото и Итрак обменялись многозначительными взглядами, пришедшие к одному и тому же выводу. Животное, издававшее такие жуткие звуки, было,

несомненно, не обычной тварью, и потенциал этого создания был столь огромен, что оно могло переломить ход сражения не в их пользу. Ведь пока чудовище блокирует доки, подкрепления ждать не откуда, надежда умирает последней, и не один из братьев не торопился хоронить ее преждевременно.

Чудовище обнаружило себя, а значит был шанс на молниеносное нападение и быструю победу. Где зверь такой силы идет в нападение, и до его хозяина рукой подать. Братья Глот прекрасно понимали, что атака такого масштаба просто обязана быть координирована кем-то более могущественным. А каждому северянину было прекрасно известно правило – отсеки голову и тело умрет.

По нашептыванию Итрака, Гурк послушно прекратил давить мычавшие, ползающие под ногами трупы и скоро заковылял по пустынным выжженным улицам в направлении городских доков. Вслед за ними следовали отряды соплеменников, все еще жаждущие кровопролития.

Как только Братья Глот оказались на разбитой каменной кладке мостовой ведущей к причалам, они были атакованы новой толпой ходячих мертвецов. Над головами покойников роилась огромная стая летучих мышей, во главе которых, затмевая солнце своими широченными кожистыми крыльями, парил душегуб. По бокам толпы зомби и скелетов двигались неупокоенные сущности, привязанные заклятием подчинения, а в центре этого войска

маячил кроваво-красный доспех вампира.

Воинам Норски не нуждались в приказах, когда враг находился в поле их зрения, они рванулись вперед все разом, в громких боевых воплях прославляя Владыку Разложения. В ту же секунду рой летучих мышей накрыл их, звери царапали лица, стараясь добраться до глаз или забиться в горло. Но северян было так легко не остановить. Костлявые пальцы потянулись из под земли, хватая воинов племен за ноги, толпы казненных преступников поднимались из под земли чтобы послужить Мунварду во смерти. Норсканцы рубили и кололи без страха и жалости, но усталость начала брать свое и мертвые стали теснить их.

И тут в битву вступили Братья Глот, бочкообразная груда мяса Гурка размалывала скелетов в труху, мешая их с кашей в которые превращались тела зомби, после того как огромный мутант давил их колоннами своих ног. Вампир заметил тройню и приказал своим плененным духам атаковать и уничтожить их. Но Итрак предвидел такое развитие событий и подготовил собственное заклятие. Он протянул свою сучковатую длань по направлению к приближающимся призрачным умертвиям, и выплюнул несколько слогов, состоящих из одних согласных. Кодун повернул кисть ладонью вверх, воздел ее над головой, будто зачерпнув при этом что-то невидимое, сжал в кулак и с булькающим выдохом резко опустил вниз, разжав стиснутые пальцы. Мгновение и духи замерли в воздухе, их очерта-

ния замерзали и стали обретать материальную форму. Опустившись на землю, колдовская дымка рассеялась, оставляя на месте вопящих умертвий, лишь изможденные тела колдунов, обернутые в тряпки истлевшего савана. Орда воинов хаоса победно завопила, бросаясь вперед с удвоенной яростью, попутно топча и раздирая их тощие и слабые тела.

Неожиданно Мунвард оказался вплотную к Гурку изо всех сил кромсая и коля его мускулистый мясистый живот. Отто взмахнул косой, но вампир был дьявольски быстр и легко ушел от атаки. На свою беду он с усердием пытался выпустить Гурку кишки и рассек его брюхо слишком глубоко. Поток шипящей желудочной желчи из раны ударили прямо в лицо вампира и ослепил его в самый критический момент. Отто ударил не мешкая и ржавое лезвие косы на добрую половину вошло в шею замешкавшегося вампира. Мунвард ухватился за древко, тащащась воспаленными желчью, почти не видевшими глазами на изъеденный коррозией метал, обильно смоченный собственной кровью, что толчками выходила из пробитой шеи. Отто крепко держал вампира какое-то время, затем Гурк вырвал его точно тряпичную куклу, обвив с ног до головы щупальцем, что заменяло ему левую руку, сдавил ломая каждую кость в его теле и проревев победный клич, швырнул изуродованное тело далеко в море. В тот же момент все трупы упали на землю мертвыми кусками мяса, а все скелеты рассыпались в груды костей.

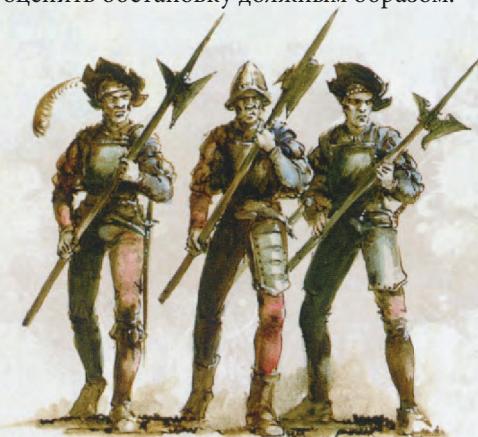
Не успели Братья Глот вновь собрать свое войско воедино, как на краю города стали слышны звуки боевых рожков и Имперское подкрепление ступило на залитые кровью и тлеющим деревом мостовые Маренбурга. Отто поудобнее перехватил косу, Итрак уже закончил залечивать раны Гурка и вскарабкался наверх, чтобы занять свое место по правую руку от Отто. Братья были вновь готовы к сражению, готовы сражаться хоть с дюжиной армий, если того потребует случай, ведь легенда о Братьев Глот только начинала зарождаться.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ВОЙСКА РЕЙКЛАНДА

Продвижение чумной армады было невозможно остановить, но оно было очень медленным. После того, как эльфы сообщили о грозящей Империи опасности, Рексмаршал Курт Хелборг приказал армиям с западных провинций мобилизоваться в полном составе на защиту Маренбурга. Они опоздали на несколько часов...

Генерал Альдрэд Ван Каробург

Альдрэд ван Каробург был человеком, которого раздражало почти все вокруг. Он был просто взбешен, когда получил приказ от Курта Хэлборга возглавить оборону западного Рейка, ибо для него было привычнее патрулировать дворцовые палаты столицы, чем набитые москитами болота, граничащие с Маренбургом. Он был разгневан, когда Дозор Присягнувших Смерти принесли ему извести о приказе немедленно укрепить оборону Маренбурга, и пришел в еще большее бешенство, когда по прибытии на место, понял что город сдан, а ополчение бежало в страхе. Злоба и потеря самообладания несомненно придали ему сил, но так же и ослепили, не дав оценить обстановку должным образом.

Достойные Сыны

Джентльмены, живущие беззаботными жизнями в Золотом Квартале Альтдорфа, думали, что жизнь это сладкая сказка, состоящая из кутежа и сна. Так было пока их родственникам не надоели эти праздные нахлебники. Было решено – либо они станут мужественными воинами, либо пускай дохнут к чертовой матери. Таких джентльменов стали отправлять служить за пределы столицы. Те, кто выживал после таких испытаний, получали в довесок к шрамам особый статус Достойных Сынов, разрешение на ношение оружия и множество перспектив.

Позолоченные Шестеренки

Гордый полк алебардщиков известный как Золотые Шестеренки состоял из ветеранов в боях с наемниками, бандитами и прочими вооруженными формированиями, которые всегда тянуло к границам Маренбурга, как мух на труп. Им нетерпелось вступить в войну с захватчиками, до тех пор, пока они столкнулись с реалиями и не увидели врага своими глазами.

Пограничники

В отличие от остальных войск Каробурга, Пограничники предпочитали полные мошки дикие просторы комфортным казармам Рейкланда. Они занимались тем, что выслеживали и убивали своры мутантов, снующие по болотам. Вооруженные многозарядными винтовками, они были очень мобильны, могли мгновенно ретироваться и потом же мгновенно ударить, уничтожая врага без жалости. Имея приличную огневую мощь и опыт ежедневной полевой работы, они несомненно представляли ценную боевую единицу.

Бледные Клинки

Получившие прозвище за белый цвет своей униформы, Бледные Клинки имели огромный послужной список. Считалось, что они умеют управляться со своими огромными мечами так же легко, как повара с кухонными ножами. Так же на тот момент они считались самым лучшим полком двуручных мечников в Империи. С ними могли поспорить, разве что известные Каробургские Двуручники (The Carrobburg Greatswords), и то лишь в количестве злобы на одного солдата.

Каробургские Двуручники

Возможно самый знаменитый из видов пехоты, подразделения Каробургских Двуручников веками состояли на службе и защите Империи. Все как один, Корабуржцы были профессиональными воинами, прошедшие жесткую подготовку. Славная история Двуручников хранила память о победах Минотаврами, Троллями, Гигантами и даже Демонами. Идущие в битву под теми же цветами, что и в последнем сражении на стороне Карла Франца, они были твердой опорой армии Генерала Альдрэда, жесткие и стойкие воины.

Генерал Альдрэд Ван Каробург

Имперский генерал

Позолоченные Шестеренки

Полк алебардийщиков

Достойные Сыны

Кавалерийская бригада Пистольеров

Бледные Клинки

Полк Двуручников

Каробургские Двуручники

Полк Двуручников

Пограничники

Кавалерийская бригада Эскорта

Рейкмаркское Братство

Полк Мечников

Мастера меча

Полк Мечников

Орущие Менестрели

Полк Копейщиков

Мясники

Полк Алебардщиков

Восьмой Западный Рейкский патруль

Подразделение Лучников

Марширующие Каробуржцы

Отряд Лучников

Красные Стрелки

Отряд Лучников

Матерые

Смешанное подразделение

Комариный Пир

Смешанное подразделение

Избранные Альдрэда

Смешанное подразделение

Войска Рейкландский Вспомогательной, во главе с Альдрэдом ван Каробургом, подошли к границе Маренбурга. На языке чувствовался принесенный ветром с берега вкус гари и пепла. Огня и чего-то отвратительно знакомого.

Хотя он и убеждал себя, что проклятая жизнь несправедлива к нему, что он ненавидит идиотов, отдающими ему идиотские приказы, все же гнев Альдрэда был так же и щитом, закрывающим генерала от осознания того, что Рейксмаршал послал его на верную смерть. Его армия насчитывала чуть больше двух ста воинов (интересно, сколько же полк в их понимании? - примечание автора), и выглядела истинными героями в глазах Альтдорфа, все же это не играло никакой роли, когда ей предстояло сойтись в бою с силой, что опустошила один из самых богатых городов Старого Света меньше чем за один день.

Рядом с хмурящимся генералом маршировали его угрюмые воины, не сбавляя шагу под барабанный бой. Его войско как раз пересекало болотистую пустошь, что опоясывает с тыла подходы к городу-порту - бойцы напряженно вглядывались вдаль в поисках врага. Как и говорилось в депеше, город был взят штурмом армией небывалых размеров, запах пепелищ крови нестерпимо был в ноздри, а сам город был скорее похож на заброшенный склеп.

Стервятники кружили в смрадном душном воздухе, стараясь не попадать в столбы жирного черного дыма, что тянулись из-за городских стен в потем-

невшее небо. Не переставая, смердело разложением, едкий запах горелой плоти оседал на языках. Воины кашляли и осторожно перешептывались между собой. В сообщениях из Рейкланда говорилось о странных болезнях, что принесли с собой северяне, заболеваниях способных мгновенно подкосить самых стойких и храбрых. Солдаты генерала подготовили носовые платки, вымоченные в уксусе, на случай следов вспышки эпидемии чумы.

Картины разрушения сменяли одна другую, пока иррегулярные войска двигались вдоль приграничных городских земель. На глаза им попался Великий Храм Мананна (Great Temple of Manann), его витражи были выбиты, а знамениты резной купол смят и обвален вовнутрь. Они миновали дорогу на Остров Рикера (Rijkers Isle), ворота его крепости были распахнуты настежь, а заключенные, вероятней всего, сбежали. Статуи и каменные гаргулии лежали разбитые на мостовых, кругом были разбросаны тела, слишком обезображеные, чтоб разобрать, кому они принадлежат. Повсюду бросалась в глаза поросль черного мха, он был на стенах сданий, на крышах и карнизах домов, на каменной кладке мостовой, и неприятно чавкал под ногами. Город утонул в столетиях энтропии, произошедших за один день.

Войско обходило город по кругу в поисках хоть одной целой улицы, которую бы можно было оборонять. Генерал рявкнул, велев всем взять оружие наизготовку и быть внимательными к командам. Со стороны доков доносился

еле слышный лязг железа. Барабанщик дал сигнал к перестроению, под звуки барабанной дроби Золотые Шестернки сформировали широкий строй и заняли позицию по фронту, полностью покрыв ширину улицы. Встав во главе войска, опустив перед собой широкие лезвия алебард и сузив в напряжении глаза, подразделение начало продвигаться вниз по дороге к порту.

Орда северян с воплями мародерствовала в руинах полуразрушенных зданий в конце Суидштрассе. Завидев Альтдорфское войско, они сформировали слабое подобие строя, больше похожее на разрозненную толпу. Войны стали гикать и улюлюкать, стуча обнаженным оружием о щиты в такт крикам. Откуда не возьмись, появилось огромное нечто, оно предвигалось на двух ногах, перекошенное, громоздкое и неправильное. Казалось, существо состояло из наспех скрепленных ассиметричных кусков мускулатуры, покрытое гнилыми наростами, сощащимися дурно пахнущей жижей. На спине существа возвышались два уродливых Норсканца, они крепко вцепились в рога, что в большом количестве выступали из загривка твари, когда та, расставив огромные, точно стволы деревьев, провисающие конечности, с ревом бросилась на имперцев.

Альдрэд зарычал на людей, призываая сохранять строевой порядок, невероятное напряжение охватило его мышцы и сковало конечности. Его люди закричали в ответ, подбадривая себя перед боем. Алебарды, мечи, украшенные геральдикой щиты, син-

хронно поднялись вверх. Войско ощетинилось сталью навстречу сорвавшимся в безудержную атаку северянам и напряглось, готовясь вступить в бой. Натиск врага был силен, но воины Альдрэда встретили атаку безупречным строем, матерясь и кромсая незащищенные тела дикарей алебардами и мечами, не смотря на их свирепость и топоры, что одинаково легко прорубали как ключицы, так и щиты имперцев.

Безобразный чемпион северян, с ног до головы закованный в ржавое железо стал пробивать себе дорогу сквозь порядки генерала, он злобно выкрикивал призывы на своем варварском диалекте. Ван Каробург потащил из ножен свой фамильный двуручный меч и ринулся навстречу мерзкому воину Хаоса, выполнив безупречный Выпад Швадсхельма (Shwarzhelm Thrust). Удар пришелся на голову и прорубил лицевую пластину Норсканца, прямо промеж торчащих рогов. Но тот продолжал наступать и врезался прямо в адъютанта генерала, Хенса (Hens), завалившись, разбрызгивая кровь из руленной раны на голове, погребая под своим огромным телом несчастного адъютанта.

На правом фланге, вдалеке от генерала Достойные Сыны открыли огонь из своих пистолетов, посыпая серебряные пули в матировавшие тела и злобные лица дикарей. Выстрелы выбивали глаза, вырывали куски гнилой плоти из шкур наступающих. Имперцы спешно перезарядили свои пистолеты. Выждав, когда расстояние между ними и северянами приблизилось к крити-

ческому и уже грозило рукопашной, дворяне произвели залп почти в упор, в орущие рты дикарей. Пришпорив лошадей, они спешно ретировались, пока вторые ряды, потеряв скорость, пытались обогнать раненых товарищей.

К несчастью для них, их удача привлекла внимание закутанной в серую рвань, сгорбленной фигуры, сидящей на спине той самой уродливой твари, что поражала размерами и мерзостью. Фигура запрыгала точно жаба, на спине урода, потрясая в воздухе скрюченными руками и что-то лая на своем гортанном наречии. И вдруг лошади под дворянами остылбенели и на глазах ошарашенных всадников, со скакунов слезла кожа, мясо вспучилось, сухожилия прогнили и лопнули. Кони рассыпались под седоками, превратившись в груды костей и булькающего желе. Не успели Достойные Сыны побороть нахлынувший на них ужас, как были растоптаны и разорваны озверевшей толпой северян, что шла по пятам, с диким желанием отомстить.

Кавалерия пыталась сохранять дистанцию, избегая рукопашной, всеми возможными средствами, в то время, как пешие воины нерегулярной армии сражались только в ближнем бою. Орудия алебардами, копьями и мечами, солдаты думали лишь о том, как выжить, сохранить боевые позиции и способность уходить от смертельных атак. Вся надежда была только на синхронность и слаженность действий. Рядом сражались плечом к плечу Каробургские Двуручники и их извечные соперники Бледные Клинки, в бою

были позабыты все споры, они слаженно рубили врага, твердо веря, что исход битвы еще можно переломить в свою пользу.

Рядом по правому флангу бились Позолоченные Шестеренки, они действовали с той же слаженностью и выучкой, что и мечники, и яростное пламя Зигмара горело в глазах каждого из них. Это была настоящая война, ни какая-нибудь жалкая пограничная стычка. И некоторые из солдат, что дрались в тот день, осознали, что именно для этого дня они были рождены.

По команде своего капитана, строй одетых в форму бойцов, бывших ядром боевых порядков Империи, напрягли все свои мышцы до предела, конные отряды северян атаковали их без жалости, свирепо и жестко, пытаясь продавить их построение. Генерал покрепче перехватил свой фамильный клинок, и пришпорил коня в направлении конницы противника. Серебристая сталь вибрировала в руках, ее тяжесть придавала уверенность, и он выбирал для атаки только самые большие и бронированные цели. Цепы и молоты отскакивали от пластин его брони, прикрывавших ноги и бедра, рикошетя и калеча бока его лошади, заставляя животное вздрагивать при каждом попадании. Покрытый потом и кровью дикарей и кровью из своих собственных ран, генерал бился с гри-масой усталости и ненависти. Пока они еще не разбиты, нет. Невероятно, но мечники и алебардщики медленно теснили Норсканцев. Непрерывные тренировки с оружием, в которых

Империя ежедневно муштровала свои войска, принесли плоды, слаженность и эффективность в совокупности с силой брала верх над хаотичной бесконтрольной агрессией северян.

Имперцы все наступали и наступали, заставляя дикарей отступать, шаг за шагом и нести тяжелые потери. Отступающие в беспорядке воины северян, путались под ногами у тех, кто желал вступить в бой из задних рядов. Оборона из наступления переросла в резню. Почувствовав запах победы, Альдред издал боевой клич и со всего маху рубанул своим мечем поперек скалящейся морды мутанта, что подобрался слишком близко и пытался схватить его с лошади.

Но удача штука изменчивая. Тесня орду все глубже и глубже в доки, имперцы очутились на скользких покатых булыжниках мостовой, покрытой кровавой жижей и пластами черного мха вперемешку с расчлененными телами. Уставшие солдаты все чаще и чаще поскользывались, удерживать строй стало практически не возможно. Этого то и ждали Норсканцы. Увидев слабые звенья в обороне противника, орда хлынула на приступ очертя головы, издавая безумный рев.

Пока имперцы могли сохранять строй и тактически действовать, численное преимущество дикарей гасила их неорганизованность, и воины с легкостью громили разобщенную толпу. Но теперь, когда строй был поломан и битва переросла в беспорядочную рукопашную резню, Норсканцы оказа-

лись в своей стихии. Имея численное преимущество, они накинулись на солдат нерегулярной армии, и рвали их на куски, рубя и вырывая внутренности не давая возможности на перегруппировку или отступление.

Громыхая, подобно стаду диких животных огромный мутант размером с дом обрушился на сломанные порядки вспомогательных войск. Его огромное щупальце без разбору молотило Норсканцев и Имперцев, оказавшихся в поле его досягаемости, он злобно ревел, пуская желчные слюни. На его спине глухо хохотал грузный воин в бесформенном шлеме, он взмахивал своей чудовищной косой, рубя головы, и разбрызгивая на ряды неприятеля явно ядовитую, дурно пахнущую слизь, из шишкообразных наростов на своем мясистом брюхе. Такую войну северяне любили больше всего – грязную, жестокую и анархичную.

Выдержав чудовищную по своей силе атаку, Пограничникам, путем тяжелых потерь и нечеловеческих усилий, удалось таки отступить на безопасное расстояние, когда они поняли что их товарищей безвозвратно поглотила лавина Норсканцев. И они были единственным подразделением имперского войска, что уцелели в тот день. Остальных разорвали в клочья. Последними пали Каробургские Двуручники, они бились до последнего вояна против леса рубящей и жалящей стали, что обрушили на них дикие северные племена. Город-порт пал окончательно и с его падением Империя ощущила первый привкус горечи и потери, что

поглотит ее в течении следующих месяцев.

В отличном настроении, Братья Глот с удовлетворением созерцали последствия резни, что поглотила Маренбург. Отто отложил свою боевую косу, прислонив ее вертикально к просшей черным мхом стене Остдокского Храма (Oestdock Temple), отрывая склизкий листовидный отросток со складки на своем животе. Заражение черным мхом оказалось так не стабильно и агрессивно, что буквально разрушило городские стены до основания, затем переключилось и на городских жителей, посеяв воистину великолепную панику среди населения. И Братья Глот были обязаны большей частью своего успеха именно черному мху. Отто отодрал длинный пласт влажного мха с ближайшей стены и прилепил себе на подбородок, словно заправский фанатик Зигмарит и его борода, демонстрируя шутку Итраку, он злобно оскалился. Его брат лишь тряхнул головой и продолжил собирать огрызки трупов для будущих проклятий и снадобий.

Со всем своим пафосом и прославленным воинским мастерством защитников, Маренбург не смог продержаться долго. Как только его береговая оборона была сломлена, городским слабакам нечего больше было противопоставить бесчисленной сверепой орде воинов севера. Хотя появление нескольких тысяч живых трупов было неожиданным поворотом событий. В какой-то момент Братья Глот готовы были поверить в поражение. Мертвые значительно замедлили приход побе-

ды. Хотя все было уже кончено, все же последнее чего ожидали Братья, это мертвых, пришедших на помочь живым.

Хотя Маренбург был захвачен, разрушен самым основательным способом, Дедушка Нургл, как обычно, был так же капризен в своих проявлениях помощи, как и щедр в своих дарах. Но живые, все же, заставили мертвых лечь обратно в свои холодные могилы. Теперь северяне и южане лежали бок обок. Их кровь смешалась с грязью и превратилась в кровавую кашу на улицах, что больше походили на вскопанные для посева кладбища. И все это было частью плана Нургла. Теперь Братьев Глот окружали копошащиеся в кровавом черноземе побеги вновь проросших незнакомых растений. Взбухшие животы трупов, полу поглощенных разжиженной почвой то и дело судорожно подергивались, распираемые роящимися в них созданиями, готовящимися вылупиться на свет. На фоне чавкающих, словно живущих своей жизнью пластов черного мха, что покрыл почти весь проносились полчища жирных крылатых трупных насекомых, напоминающих мух, размером с кулак младенца. Мухи деловито и весело жужжали, пируя на разлагающихся телах людей и мутантов. Таково было таинственное величие Великого Круговорота (Great Cycle), который было можно замедлить, можно повернуть вспять, но невозможно остановить.

Гурк хрюкал, словно огромная свинья, жадно пожирая очередной прогнивший труп. По подсчетам Итрака

в его желудке уже развивалось около двенадцати будущих Утробников. Когда они полностью переварятся и переродятся в своей новой чудовищной форме, они будут в мучениях кидаться на все живое, с жаждой убийства других равной желанию собственной смерти. Дар его неестественного метаболизма, говорил о том насколько Нургл заботиться о своем чаде, и чем меньше человеческих черт оставалось у Гурка, тем уверенней можно было сказать, что Нургл следит за тройней самым внимательным образом.

За спинами Братьев, Норсканцы обшаривали причалы в поисках лучшего оружия или доспехов, их жажда крови немного утихла, и теперь они мародерствовали на телах павших. Некоторые из них брали в руки двуручные мечи Кробургжцев и дурачились, размахивая ими перед лицами товарищем. Вспыхивали драки и потасовки, но не более чем. Орда ожидала новых приказов от своих военноначальников, и у Братьев Глот был приготовлен для них четкий план дальнейших действий.

Когда солнце село, Маренбург еще догонал. Подсвеченные бликами пламени, войска под предводительством Братьев Глот продолжили свой поход. Тройня замышляла не просто наказать всех слабаков юга и сжечь их города, но так же и посеять семена новой жизни на руинах старой, распространить влияние Нургла как можно шире. Удушливый порядок правления Карла Франца слишком долго мозолил их глаза. Теперь пришло время разнузданного плодородия, хаотичного бесконтрольно процветания и разложения.

Орда северян поддержала идеи Братьев Глот и одорительно орала потрясая в воздухе оружием в знак согласия. С силой Чумы на их стороне, они с легкостью завоюют ослабевшую Империю. Даже Итрак не имел представления, что за странные дары скрыты в двух других урнах, что несут их союзники. Но они просто не могут потерпеть неудачу, когда сам Нургл наблюдает за ними своим отеческим, заботливым взором и радуется их победам.

В царстве снов, бог спешил сквозь невообразимо огромный лес. Густые, буйнорастущие волосы на его голове были растрепаны. Он был так высок, что ветви короны его оленых рогов задевали небосвод. Так могуч, что столетние дубы доходили ему лишь до колена, и шуршали далеко внизу, обволакивая листвой икры могучего великаны, словно зеленый ручеек. Он был сильнее своего молодого союзника Зигмара; более древним, чем седовласый Ульфрик, бог зимы и волчьих стай; намного смертельнее чем Морр, угрюмый страж загробной жизни. Его звали Таал, бог Природы, и он охотился.

Далеко на горизонте разразился шторм, он начал заволакивать янтарный закат тяжелыми жирными грозовыми тучами, похожими на бледно-зеленые жабы брюха. Деревья, над которыми двигались грозовые тучи, скрючивались, обращаясь в склизкие извивающиеся щупальца.

Таалу было плевать на людей, но ничто так не гневило его, как осквернение

его тихого и простого райского уголка. Бог перешел на бег и озера закипели под его поступью. Достигнув шторма, он заметил очертания нелепой толстой фигуры в самом его сердце.

- Убери свои грязные лапы с моего неба! - Прорычал бог, и молнии засверкали вокруг его шлема, выполненного в виде оленье головы. - Изгоняю тебя чужак из моих земель!

- Единственный чужак здесь - это ты, - пришел ответ из далека. То был шепот, похожий на жужжание миллиона мух.

Таал почувствовал вдруг, как зудит его кожа. Он глянул вниз широко распахнутыми глазами. Язвы разложения покрыли его кожу, и черный мох свисал пластами с его тела, уже запустив тонкие колкие корни в каждый сосуд его существа.

- Нет! Прекрати это, немедленно! - закричал Таал, срывая с себя лоскуты собственной плоти в попытке избавиться от заразы.

Единственным ответом ему был тихи булькающий смех, расползающийся по всему миру, подобно отзывам грома, которому суждено вскоре грянуть в полную мощь.

ГЛАВА 2

Поход на юг

Лето 2525

С борта Гнилого Чудовища, Гатрот Спюм окинул взором скалистые утесы береговой линии Нордланда. По обе стороны его непобедимого галеона, рассекали волны чумные корабли его флотилии, они могли с легкостью поспорить с лучшими шхунами, что Маренбург мог выставить против них. На палубах чумных барж, готовясь к высадке, собирались отряды Рыцарей Хаоса, Драконоогров (dragon ogre), полевые алтари (warshrine), поддерживающие слюнявыми уродливыми мутантами и боевые колесницы.

Глухой шлем Гатрота дернулся в знак одобрения того что он видел вокруг. Пучок полутора метровых ложноножек (pseudopods), заменявших ему всю левую сторону торса от бедра до плеча, стал беспокойно извиваться, когда Йогрик Мерзкий (Eogric the Vile), правая рука Гатрота, подошел чтобы доложить о начале высадки войск на берег.

- Разведка докладывает, никаких следов имперских слабаков не обнаружено, - глухо просипел Йогрик, жидкость, булькающая в его глотке, заставила его закашляться.

- Хм. Как странно, в прошлый раз, когда я привел свои войска на эти земли, их Император самолично, во главе армии, встречал меня, чтобы дать бой.

- Как же ему удалось сделать это? - хрипло поинтересовался его собеседник, стирая откашлянную черно-красную мокроту со своего покрытого язвами складчатого подбородка.

- При помощи Кислевской снежной ведьмы, - злобно прошипел Гатрот, когда воспоминания нахлынули на него, - Карл Франц спрятался за ее юбкой, в

мольбах заморозить море вокруг моей флотилии. Что за мужчина позволит женщине воевать вместо себя?

- Трус. - Отрезал Йогрик.

- Везучий трус. - Прошептал Спюм, скорее думая о своем, чем продолжая диалог со своим генералом. - Но не в этот раз... слышишь, в этот раз все будет иначе.

С треском палуба под ногами Гатрота раскололась, и огромное щупальце из недр Гнилого Зверя, обвилось вокруг его талии. Чудовищная осменожья конечность, подняла Гатрота в воздух, и водрузила на паланкин, что держали над палубой его уродливые мутировавшие подданные.

- В этот раз, - обратился он к Йогрику с высоты своего импровизированного трона, - В этот раз я лично прикончу недоноска.

Спюм вскинул высоко над собой древко своего ржавого боевого топора. Это послужило знаком, взревели сотни боевых рогов, трапы глухо ударили о скалистый берег и вторжение началось.

В то время, как Братья Глот разоряли Маренбург, флот Гатрота достиг берегов Нордланда и готовился вновь, как и несколько лет назад, бросить всю ярость севера на эти земли. Но в этот раз не было никаких эльфийских кораблей, мешающих развертыванию флота у береговой линии, никакой армии, чтобы преградить дорогу воинам Спюма. Сигнальные огни вспыхнули среди скал, когда армия Повелителя Щупалец выгружалась на берег.

Братство Ножа и Топора, кочевое племя, славящееся своими многочисленными набегами на Нордлэнд и хорошо разбирающееся в местной топографии, спешило отличиться перед Готротом, вызвалось провести разведку на местности, что была им хорошо знакома. Каждое лето они приходили в эти земли и грабили, убивали и жгли до тех пор, пока войска Карла Франца не выдворяли их восвояси. Взяв на себя функции передового полка, Братство Ножа и Топора оторвалось от основного войска и ушло далеко вперед, вдоль скалистых пляжей побережья, свернув в степь. Дорога привела их к окраине Ларелонского Леса (Laurelorn Forest). Странный далекий плач доносился из лесной чащи, в непроглядной тьме, средь ветвей деревьев мелькали загадочные огни. Те группы кочевников, что были слишком нетерпеливы и отправились в лес на разведку, не дождавшись подхода основных войск, пропали бесследно. Больше их никто никогда не видел.

Крутая тропа вела в обход лесной чащи, по границе Нордланда и выходила к городу-порту Маренбургу. Но Гатроту был не интересен город, который Братья Глот превратили бы в пепелища к его приходу. Вместо этого, Спюм планировал пробиться сквозь темный лес Мидлэнда (Middenlend – Сердиземье), пройти его за два дня, и вывести войско к стенам Альтдорфа со стороны северо-востока.

План, который разработали Братья Глот для каждой из двух оставшихся армий, заключался в том, что все они

как один должны быть под стенами Альтдорфа в канун Гехемнисахта. Но амбиции Спюма распространялись далеко за границы этого плана. Он хотел прибыть в назначенное место гораздо раньше союзников и единолично занять столицу, забрав всю славу себе.

Гатрот сильно рисковал, сойдя с прямой дороги и решившись пробиваться сквозь чудовищный лесной массив, под навесом которого царила вечная ночь, ибо кроны деревьев были настолько могучи и густы, что не пропускали солнечных лучей. Спюм был уверен в моци своей армии и способности его элитных отрядов справиться с любой опасностью, что могла противопоставить лесная чаща. Во что бы то ни стало, он проложит себе дорогу через этот лес и выйдет под стены Альтдорфа задолго до прибытия остальных.

Но в плане Гатрота была огромная дыра, которой главнокомандующий не видел. Леса Лорелона были не из тех мест, что можно было просто пройти насеквоздь. Северяне были закалены боями в степных пустошах и замерзших тундрах, но и понятия не имели, какие опасности может таить темнота лесной чащи.

По началу, дорога была довольно просторна, рыцари в полном боевом построении и тяжело бронированные колесницы могли свободно двигаться меж могучих стволов столетних деревьев. По пути попадались отряды имперских скаутов и лесничие, следившие за каждым шагом продвигающегося войска, и отправляющие гонцов с

донесениями своим феодалам. Но такие шпионы в свою очередь выслеживались зоркими разведчиками ордынцев, загонялись и уничтожались самым жестоким образом. Кочевые племена севера были прирожденными наездниками, рожденными и выросшими в седлах. Верхом на своих диких свирепых скакунах, они выслеживали имперских партизан, втаптывали в землю и рвали в клочья. Каждый раз, возвращаясь с удачно охоты, ордынские наездники приносили с собой отрезанные головы и отсеченные конечности и их ужасные тотемные знамена всегда были украшены свежими трофеями.

Но все-таки, был такой человек, которому удавалось совершать вылазки и при этом оставаться не пойманным. Маркус Вулфхарт (Markus Wulphart), известный герой Миднлэнда. Ветеран разведки, он обладал отличными навыками маскировки и был невидимкой для рыщущих по лесу ордынцев. Он сумел обойти войско захватчиков, и добравшись до Эстервелдского Пере-крестка (Esterwelds Crossroads), сквозь дикорастущую чащу, добраться до лесного лагеря Бориса Тодбрингера (Boris Todbringer – Борис Смертоносец) и передать информацию о надвигающихся войсках почитателей Хаоса.

К его удивлению, Граф Тодбрингер ответил, что давно в курсе происходящего. Послы из Ултуана посетили Графа Выборщика (Elector Count) прошлой ночью, но вскоре отбыли проч. Граф отказался покидать лесную чащу и уходит по Великой Северной Дороге (Great North Road), только не теперь,

когда он был так близко к тому, чтобы выследить и уничтожить свою немезиду, Кхазрака Одноглаза и положить, раз и навсегда конец, угрозе зверолюдей. Борис отмахнулся, угроза вторжения северян – обычное дело для этого времени года. Пограничье сталкивалось с вещами и похуже.

Вулфхарт описывал все ужасы и кошмар, что он увидел собственными глазами, пытаясь переубедить твердолобого Графа, но тот уже принял решение и не собирался от него отступать. Что-то было в глазах Бориса, что-то, отдающее помешательством и паранойей, и это что-то грозило выплыснуться наружу волной необузданного гнева. Решив, что дальнейшие убеждения Графа могут привести к нежелательным последствиям, Вульфхарт спешно отбыл в Альтдорф, надеясь, что там его предупреждения воспримут должным образом и со всей серьезностью.

К тому времени, как вести Хантсмаршала достигли Имперского Дворца, трое из уцелевших Графов Выборщиков требовали немедленной аудиенции Рейксмаршала, Курта Хелборга. Границы Империи захлестнули беспорядки, а армия Карла Франца была раскидана по стране и не собрана. Конечно, были среди Графов Выборщиков и те, кто остался на своих землях, поклявшись защищать их щитом и мечем до последнего, но эти хитрые политики были совсем другой породы. Гораздо безопаснее было ныть и скулить в приемной Императорского дворца, прося о помощи, чем

встать на защиту своих земель и пролить собственную кровь.

Графы Гаусер, Хаупт-Андерсен и вон Лейвиц, возбужденно тараторили, пытаясь перекричать друг друга, их придворные давно удалились, не в силах выдерживать боле напряженной дискуссии своих феодалов. Лишь Курт Хэлборг, надежная правая рука Карла Франца, занимающий эту должность, сколько себя помнил, терпеливо смотрел на вельмож, чьи шумные и сумбурные дебаты раскатывались громким эхом под сводами Великого Атриума (Great Atrium).

Слишком много дурных предзнаменований принесли ко Двору за последние несколько дней. Небольшие вспышки заболеваний, были зарегистрированы в некоторых районах Альтдорфа, незначительные по масштабам, но с плачевными последствиями. Случаи кровавого кашля (blood-cough) и легочной анемии (lungblight) стали учащаться среди населения, повсеместно увядали растения, а окна снаружи домов были залеплены жирными крылатыми паразитами. Население начинало впадать в панику. Паранойя захлестнула людей, когда некоторые из кварталов были оцеплены в зону карантина, вспыхивали метжи, которые Хэлборг был вынужден подавлять самолично.

Поползли слухи о жуткой участи Маренбурга. Говорили, будто он выжжен дотла, а воды Рейка поразила невиданная зараза в виде черного мха, который за сутки паразитировал великую реку до самых стен Карробур-

га (Carroburg). Новости с восточных окраин были так же неутешительны. Патрули из Бехафена (Bechafen) докладывали о небывалом всплеске активности немертвых. Ожившие трупы лезли из каждого склепа, из-под каждой могильной плиты. Попытки их упокоить сводились на нет скрывающимися некромантами. И совсем уж не радовала новость об огромном чумном корабле, идущем в сторону берега, что видели в Кислеском Заливе.

Хэлборг слишком хорошо был знаком с порождениями тьмы, чтобы отнести все эти известия как слухи и рассказы простолюдинов. Империя явно стояла на пороге вторжения, но не обычный враг грозил ей, а что-то гораздо могущественное и сверхъественное. И вскоре, потребуются все силы и средства, чтобы сохранить целостность и порядок имперских земель.

Исходя из того что поведал Двору Хантсмаршал, проблемы для Алтдорфа и Империи в целом только начинались. Армии Хаоса разоряли Рейкланд и Нордланд, оказавшиеся на их пути. И судя по той скорости, с которой орда преодолевала земли Империи, в течении года они наверняка уже будут под стенами столицы.

Но вести, что принес Вульфхарт, были отнюдь не самыми невероятными. На стол Рейксмаршала лег свиток, опечатанный восковой печатью с инициалами В.В.К. И это письмо содержало не только предупреждение, но и немыслимое предложение. Возможно,

если бы Хэлборг лучше понимал природу и возможности подручных Губительных Сил, что одинаково эффективно действовали как за городскими стенами, так и в их пределах, он наверняка не тянул бы с предстоящим в ближайшем будущем решением и не заставил бы таинственного В.В.К. так долго ждать с ответом.

Глубоко под землей, в катакомбах подвалов заброшенной ночлежки было тепло и тихо, и Доктору Фестусу это нравилось. Темный аптекарий (dark apothecary) напевал что-то, неразборчиво гнусавя себе под нос, копошась на заставленном склянками верстаке. Осторожно переливая только что полученный раствор чистейшего гноя (*pus-primaris*) из перегонного куба в пробирку с подогретой вороньей кровью, он повернул свою бочкообразную голову в сторону, набирая воздух последующего припева. Он услышал эту песенку от нурглингов (*nurglings*), когда посещал Великий Сад (Great Garden) своего повелителя. С тех самых пор она не как не желала покидать его воспаленный разум. Не то чтобы он был не рад этому, напротив, он даже дополнил ее стишками собственного сочинения: «Там-тарарам, сопильки-ля, кровь вскипятим, и вуаля...»

Фестус с довольным сопением втянул ноздрями отвратительную вонь, что исходила из семи углублений стоящего рядом медного агрегата, отдаленно напоминающего запаянную с верху кастрюлю. Уже совсем близко, но, все

же еще не готово, чтобы стать Шестым Ингредиентом. Но теперь, когда он снова работает в цивилизованном месте, у него оставалось все меньше и меньше сомнений в том, что ему удастся свершить запланированное.

Было крайне неудобно плодотворно заниматься исследованиями в занесенных промерзших пустошах севера, со всеми этими ледяными ветрами, пронизывающими до мозга костей. Хотя там, как нигде, Фестус не был стеснен в объектах своих экспериментов, не одно приготовленное им снадобье попросту заледенело и пропало на холода. Его пиявки постоянно жаловались на мороз, к тому же он мог легко повредить и разбить свое бесценное оборудование в бою. В итоге, неудобства надоели ему. Собрав все свои вещи, Фестус отправился на юг, в Альтдорф, город настолько шумный и занятой, что даже такому злобному и опасному существу, как он, удавалось творить в нем и оставаться при этом незамеченным. К своему приятному удивлению, по прибытию он обнаружил обжитую им в прошлом ночлежку не тронутой, такой же, как он и оставлял ее когда-то. Не теряя времени, той же ночью, он развернул свою лабораторию.

То время, что доктор провел среди диких северных племен, было весьма познавательным, многие ингредиенты были получены, много опытов было проведено, но этот маленький отпуск только замедлял его продвижение к истиной цели – завершению Великого Дела (Great Work). Нельзя взрастить

жизнелюбивое семя на мертвый холодной земле вечной смерти. Чтобы целиком отдаваться философии плодородия, нужно было на какое-то время оставить мир убийств и страданий, доктора это вполне устраивало. Сгребя в охапку полуразложившийся труп, держа вытянутой в сторону негнущуюся окоченелую руку, Повелитель Пиявок (Leechlord) неуклюже и нелепо пританцовывал в своей лаборатории, напевая: «Скрип-чичи, извивайся, кричи, пальцы кусай, молоко прокисай...»

Усаживая своего партнера по танцу напротив стула-для-испытания-водой (dunking-stool), доктор проворно выдернул кляп изо рта, трупа, что свисал вверх ногами, на привязанной к потолочным балкам веревке. Слизкая се-рая жижа тягучей струей потекла изо рта покойника. Фестусловко подставил под струю стеклянный сосуд с широким горлышком, не дав ни одной капли жидкости упасть на пол. Сосуд заполнился до краев, и все же одна капля оказалась лишней и зависла на кромке. Окинув ее полным негодования, идеалистическим взглядом, Фестус скрупулезно подтер остаток своим толстым пальцем. Он не смог удержаться и отхлебнул чуток, затем виновато оглянулся, ну кто сможет укорить его тягу к результатам своих трудов. Иногда он задумывался над тем, все ли его коллеги аптекарии, так же как и он, принимают вовнутрь лучшие составляющие их лекарственных препаратов. Но его размышления отвлекла зазвучавшая со стороны песенка.

«Дай чумы немножко каждому в окошко, рвотно, тошнотно – ух, и щекотно!»

В пузатом котле, что стоял в центре лаборатории на возвышении, окруженный семью рабочими верстаками, взбурлила жижа. Вспучившись на поверхности, с громким хлопком лопнула пара больших пузырей. Этот звук привлек внимание Фестуса. Он был уверен, что сегодня еще не разводил огня.

До слуха доктора донеслось еле слышное шипение. Вдруг, каждый труп в комнате повернул свое гнилое лицо, уставившись вытекшими глазницами на доктора и зашептал его имя. Комната наполнилась сильнейшим запахом разложения и гнили, аромат был знаком доктору с тех времен, когда он еще был человеком.

- Ах... - Вымолвил доктор, аккуратно отставляя склянку с жидкостью на поверхность ближайшего верстака. Холодный пот проступил на его скулах.

Но его страхи быстро развеялись, когда из котла показалась увенчанная олеными рогами голова с истекающей слизью зубастой улыбкой и черными блестящими глазами. Он узнал старого друга.

- Плодовитости! – визгнул гость.

- И тебе плодовитости, малыш. – Ответил Фестус с осторожностью. Он быстро огляделся, но трупы вновь лежали смирно на своих местах. Уродливый маленький демон покосился на Фестуса, прикусив толстую черную губу. Жидкость в котле снова булькнула.

- Я пынек новусти! – пропищало существо, раскинув свои кривые ручки в радостном жесте.

- Так поведай же их скорее, - про-

должал доктор, - клянусь твоими замечательными рожками, у меня предчувствие, что ты принес мне послание от самого Кугата (Ku'gath), я прав?

- Верно! Он говорит, доктор, доктор скорее сожги меня!

- Во имя Нургла, зачем же я буду так с тобой поступать?

- Гнойня уже совсем близко, о, круглый хозяин! Гнойня уже на подходе! – возбужденно тараторил демон, в это время рядом с ним, из жижи котла, показались еще две такие же головы. Они кивали в подтверждение слов своего собрата, лица их были карикатурами на детские серьезные гримасы.

- Гнойня... ты хотел сказать тройня? Братья Глот из Норски? – Рогатый нурглинг рьяно закивал в ответ. – Братья приближаются к Альтдорфу... - задумчиво пробормотал Фестус, - звучит сомнительно.

- Да-да-да они прислизняются! – захихикали демоны, напевая, – Большие и страшные Братья сломают старый Альдоф, а мелочь малая поможет построить новый!

- Хмм. Интересно. Так значит это вы трое... мелочь малая? Поэтому Кугат просит меня вас сжечь?

Первый нурглинг подмигнул и весело закивал головой. Его глаза выпучились от напряжения, а в правой ноздре стал раздуваться сопливый пузырь. С бульканьем он, наконец, облегченно испустил газы, поднявшись на поверхность котла и повисшие в воздухе грязно зеленой зловонной дымкой.

- Пуффф!!! Дыммм!!! – радостно подытожил пукнувший демон.

- Кажется я понял, - Фестус внимательно смотрел на трех маленьких демонов, плавающих в котле, - если я сожгу вас, это поможет городу преобразиться по вашему подобию и нашим представлениям о красоте. Так ли это?

- Новый, новый Альдоф! – улюлюкали нурглинги, кувыркаясь в жиже и брызгая друг друга.

- Конечно, конечно, - пробормотал Фестус, - чем ближе к идеалам нашего Повелителя, удастся нам переделать этот захудалый городишко, тем счастливее будем все мы. – Доктор зачерпнул добрую порцию зловонного варева из котла большим стеклянным сосудом, вместе с барахтающимися в нем нурглингами. – Ну что ж, мои самоотверженные друзья. Пришло время для вас гореть...

В то время, как правящая верхушка Альтдорфа была занята дележкой власти, Готрот Спюм и его войска без устали прокладывали себе путь сквозь чащи Дарквальдского (Darkwald) леса. Для более быстрого передвижения по пересеченной местности, воины спешились и нарушили построения. Стая Драконоогров работала своими чудовищными секирами в центре по фронту, расчищая дорогу для паланкина Готрота. Вскоре Повелитель Щупалец был вынужден так же спешиться и двигаться на своих двоих, лес будто ожил – корни деревьев норовили защемить ноги воинам, и всячески замедлить, а колючие ветви наклонялись, пытаясь выцарапать глаза.

Совсем скоро, орда, что не так давно полным ходом шла к поставленной цели, вынуждена была, чуть ли, не ползти. Леса Империи оказались преградой более эффективной, чем любая из ее армий. Дни сменялись ночами, а войско Готорта, все так же было безнадежно затеряно, среди крутых буреломов воюющего и шипящего со всех сторон леса.

Стоило кому-нибудь потерять бдительность и расслабиться, лес проглатывал таких без следа. Орда неоднократно высыпала перед собой развед-отряды, но не один воин не вернулся обратно. Все они были пожраны безликими тварями или повязаны зверолюдами, что тащили их на свои жертвенные капища, где мучили и убивали в своих диких кровавых обрядах. Ветви могучих дубов сплелись над головами, образуя живой колышущийся свод. По ночам, сквозь эту плотную стену ветвей и листьев, иногда можно было видеть, как мерцает на небе диск Маннслиб (Mannslieb), а, тусклая, апатичная Моррслиб стыдливо прячется в черных тучах. Такими ночами странные блуждающие огни появлялись и исчезали вдалеке между стволов деревьев, и дикие твари в безумии выли на луну Хаоса.

В один из дней, когда армия Спюма, прорубала дорогу через сплетение корней и стволов Дракенвальдского леса, воины из авангарда наткнулись на широкую лесную поляну. Большую часть свободного пространства здесь занимали скалистые формации, увенчанные покатыми каменистыми склонами. На склонах росли все те же де-

ревья, переходя как бы во второй ярус лесной чащобы. У подножия, в скалах темнел большущий проход, наполовину закрытый огромными валунами, в несколько ростов человека каждый. По тому, как ветер завывал в темноте прохода, можно было предположить о наличии системы подземных пещер.

На мгновение воины остановились, требовалось понять и принять решение о форсировании преграды. Секундного замешательства было достаточно, огромный валун в темноте прохода резко бросился вперед, превратившись на свету в нечто мясистое, местами покрытое хитином и состоящее, казалось, целиком из разинутой пасти, полной до краев кинжалоподобных огромных зубов. Гибрид насекомого и жабы был настолько чудовищен, что заставил матерых убийц Гатрота отступить в нерешительности. Липкий, усеянный шипами язык, длинный и толстый как канат выстрелил вперед, попав в толпу ближайших воинов, он свалил нескольких из них, приклеиваясь в мышечных конвульсиях к их коже и доспехам. В следующее мгновение с неимоверной силой и скоростью, отросток дернулся назад и воины оказались втянуты в чудовищную слюнявую утробу зверюги. Хищник издал торжествующий рев, чувствуя добычу в своем бездонном брюхе. Звук был настолько атонален и неестественно резок, что некоторые воины, находившиеся поблизости попадали на колени и били себя в лицо топорами и палицами, только бы изгнать из головы этот адский звук.

На рев зверя пришли зверолюди. Десяток за десятком, они стали появляться из зарослей на верхнем ярусе покатого склона, прямо над входом в пещеру чудовища. Меньшие из них держали наготове луки с наложенными на тетиву стрелами, остальные были вооружены тяжелыми двуручными топорами. С фырканьем и мычанием из чащи леса выходило все больше и больше зверолюдей, они появлялись со всех сторон, беря авангард Спюма в кольцо.

Расталкивая своих воинов, Гатрод вышел и встал перед собирающимися зверолюдьми. Некоторые из них издали нечленораздельные звуки, другие принялись жестикулировать, пытаясь общаться на самом низшем подобии Темного Слова.

Один из числа зверей, по виду шаман, указал на Спюма своим раздвоенным посохом, увешанным амулетами и что-то прогавкал своим соплеменникам. Затем шаман посмотрел на Гатрота, стукнув одна о другую, запястьями и локтями своих заскорузлых рук, соединяя их воедино перед собой в общепринятом жесте единства.

Словно читая знаки и понимая намерения собравшихся вокруг, огромное уродливое чудовище тяжело развернулось на месте и огромными шлепающими скачками исчезло в темноте пещеры. Гатрот жестом подозвал своих телохранителей к себе и двинулся в окружении своих свирепых воинов навстречу шаману, сквозь неохотно расступающуюся толпу зверолюдей. Было видно, что животное больше хотело разговаривать, чем завязывать бой и

Гатрот намеревался великодушно позволить ему говорить с собой. Ведь союзники, прекрасно ориентирующиеся в дебрях Дракенвальда, оказались бы теперь, как никогда, кстати.

Гатрот Спюм в сопровождении небольшого отряда своих элитных воинов, двигался уверенными шагами сквозь дикую поросль Дракенвальда. Зверолюди наводнили лес во всех направлениях. Отовсюду Гатрот ловил на себе их взгляды. В этих маленьких сверкающих черных бусинках глаз не было ничего человеческого, таилась какая-то пустая и всепоглощающая жестокость. В толпе поросших вонючей шерстью, сутуляющихся звериных тел, стояло существо, напоминавшее своим видом шамана, то, что приветствовало его на низшем наречии Темного Слова. Глаза существа сузились и сверкнули, следя за приближением Спюма.

- Странный прием. - Обратился Гатрот к твари, его щупальца нервно подрагивали и извивались. При виде мутации Спюма, прямоходящие твари стали о чем-то перешептываться между собой, низкие гортанные подывивания и мычание раздавались со всех сторон, лезвия топоров позвякивали под топот окованных железом копыт.

Животное-шаман ответила Гатроту серией бессмысленных гортанных звуков, похожих на лай охрипшего пса.

Воины из отряда Спюма, как один ощетинились сталью, валуны мышц в напряжении перекатывались под толстой дубленой кожей покрытой язвами

и бубонами. Элита Гатрота приготовилась дать бой диким скотам, что посмели выказать столь явное неуважение их повелителю и хозяину.

Видя, куда все идет, Спюм поднял свою руку в примирительном жесте, призывая свою охрану опустить оружие. Он снова заговорил:

- Да, да, все так и есть, я полностью согласен с тобой. Но, видишь ли, не все из моих компаньонов обладают столь широкими познаниями в языках. Не мог бы ты, все-таки, перейти на человеческий язык.

Шаман порылся в складках своей грязной робы и извлек маленький розовый пузырек. С исключительной осторожностью, он откупорил его и, поднеся к губам, позволил одной капле жидкости из пузырька упасть на свой дрожащий шершавый язык. Затем он слготнул, причмокнув.

- Предвестник (Harbinger) может. - Глухо прохрипел шаман, опираясь на свой посох.

- Превосходно, - кивнул Гатрот, - давай же поговорим о падении Империи.

- Ты Тот-кто-одарен-шупальцами. Избранный Праотцом, так сказал огонь Отцу Ворону прошлое новолунье.

- Так и есть. Я истинный чемпион Нургла, - ответил Гатрот величественно, - я выполняю волю своего повелителя и должен распространить его щедроты на южные земли. Ты, Предвестник поможешь мне или уйдешь с моего пути.

- Отец Ворон говорил правду. - Заключил шаман, опускаясь перед Гатротом на колени.

За забралом шлема, молочно белые глаза Спюма расширились в удивлении, когда тысячи зверолюдей приветствовали его, вопя и вскинув свое оружие над головами.

Племена зверолюдов, примкнувшие к армии Спюма, вели войско сквозь леса, сокрытыми тропами, которых бы северяне ни за что не отыскали бы самостоятельно. Теперь, когда они все глубже и глубже уходили в лесную чащу, изменения затронувшие растительность бросались в глаза. Огромные дубы стали сухими и скрюченными, их корни, похожие на частокол торчали в разные стороны, словно отвоевывая каждый шаг. Зеленый и коричневый цвета пропали, уступив место серому и белому, так как деревья здесь были от корней до вершины крон опутаны паутиной. Лес больше не шуршал листвой, птиц было не слышно, всюду царило гробовое молчание. И вскоре стало понятно почему. То там, то тут, в сетях паутины были заметны коконы из которых торчали птичьи клювы, лапки мелких животных. Некоторые коконы были настолько огромны, что без труда вместили бы в себя человеческий труп.

Но царившая вокруг атмосфера смерти и опасности вовсе не пугала двигающееся воинство. В бою северяне и зверолюди только станут сплоченнее, ибо ничто так не объединяет, как общий враг. К тому же, в бою есть шанс обратить на себя внимание богов, а это являлось наивысшей целью для каждого воина.

Внезапно тишину прорвал шквал резких улюлюкающих воплей. Сплете-

ния паутины по всей окруже, пришли в движение. Из нор в паутине начали выползать огромные уродливые пухи, на спинах пауков завывали лесные гоблины. Каждый зеленокожий наездник был украшен пирсингом из костей и перьев. Среди прочих выделялся тощий гоблин-вождь в разрисованной маске, утыканной разноцветными перьями. Глаза вождя гоблинов вспыхнули зеленым свечением, и огромный паук, служивший ему вместо боевого коня, ринулся в атаку, спешно скользя по ковру из паутины.

Заметив невдалеке клочок открытого пространства, Гатрот призвал своих людей двигаться в том направлении и принять бой на равнине. В клаустрофобных тисках лесной чащи огромная неповоротливая армия Спюма явно теряла львиную долю своего преимущества перед быстрым и маневренным противником, атакующим сверху, но если удастся выманить врага на открытое пространство и спустить его на землю, шансы на победу резко возрастают. Закованное в железо войско следовало за Гатротом, проламывая себе путь через скохшиеся деревья, стрелы, бившие им в спину, отскакивали от брони. Плечом к плечу, они вышли на искусственно созданную обширную поляну, не ведая, что новый враг спешил напасть на них, и враг этот был куда опаснее гоблинов.

РАЗЛАГАЮЩЕЕСЯ БРАТСТВО

Надеясь затмить воинскую славу Братьев Глот, Гатрот Спюм окружил себя самыми свирепыми воинами, которых только смог отыскать. Многие из его элиты сгинули в дремучих труднопроходимых лесах Дракенвальда, хотя его союз с зверолюдом, известным под именем Предвестника, помог его армии вновь восстановить численность.

Гатрот Спюм

Спюм завоевал свое уважение и величие многие десятилетия назад, ему удалось сколотить собственный флот из трофейных кораблей, и командовать этим флотом, позволено было лишь ему одному. Независимый и гордый воин, Повелитель Щупалец был известен по всем северным землям за пучок ложножек, что заменяли ему левую половину туловища от бедра до плеча. Многие утверждали, что Гатрот был любимцем Нурглы, потому что число щупалец на его теле равнялось семи, а семерка была числом Повелителя Разложения, к тому же эти ложножки, похоже, жили своей собственной жизнью. Дополнительное число конечностей, давало Спюму огромное преимущество в бою, позволяя обездвиживать нескольких врагов одновременно, прежде чем сразить их.

Йогрик Мерзкий

Жуткого вида громадный воин, никогда не снимавший своего полного шлема, являвшийся правой рукой Гатрота был известен по всей Норске, за свои зверские и безжалостные убийства. Он был не особо разговорчив, но его топор всегда говорил весьма красноречиво. Те, кто впадал в немилость Гатрота и приговаривался им к смерти, вне зависимости от своего статуса и силы, вскоре превращались в разделанные груды мертвой плоти с легкой руки этого свирепого мясника. О приближении Йогрика обычно узнавали по сильному смраду разложения, что исходил и незаживающей гноящейся воронки в его огромном брюхе, когда он заносил свой топор для удара, остановить его было уже невозможно.

Сыны Последней Чумы

Канонизирующие все формы инфекционных заболеваний, эти грозные воины не останавливались не перед чем, в погоне за новыми формами инфекций. Они не переставали конкурировать между собой в обладании следами самого отвратительного заражения или более искривленной мутации. В бою Сыны Последней Чумы были несомненно грозными противниками, так как с легкостью могли выдержать самые смертельные и калечащие увечия.

Предвестник

Самый могущественный шаман-предсказатель во всем Рейкальде, зверолюд, по прозвищу Предвестник возвысился после того, как провел ритуал призыва такой силы, что превратил в крошку родовой камень Рого-пыр (Ripper-horn) и открыл на его месте портал в измерение Хаоса. Способность Предвестника заключать пакты с демонами сделала его уважаемым среди мутантов и чудовищ Рейквальда.

Гниющие Всадники

Хотя броня печально известной конницы Спюма и была на вид тонкой коркой гноящегося металла, в битве их струпная кожа, сросшаяся с ржавым панцирем, была прочнее дубовой коры, что делало их трудно-уязвимыми опасными противниками.

Бивнерубы

Рядовые воины войск Гатрота считали, что, Бивнерубов удалось выманить из их древних пещер, просто пообещав им возможность вдоволь поубивать. Но настоящая причина их помохи в походе была намного темнее. Когда-то, в незапамятные времена, все они пообещали свои души Темным Богам и теперь готовы были на все, лишь бы не отдавать долг, даже чувствовать в приближении апокалипсиса.

Кровавое Бычье

Обладающие неестественно развитой мускулатурой и злобным нравом, Кровавое Бычье отвечало только перед Предвестником, ибо лишь он имел магические способности достаточной силы, чтобы притуплять жажду к убийствам и насилию, движущую этими минотаврами.

Валдерские Звери

Зверолюды Дракенвальда, поклонявшиеся Нурглу были самыми мерзкими на вид и дурно-пахнущими из всего своего рода. В ржавых прогнивших доспехах, пораженные омерзительными язвами, нарывами, дикие племена известные как Валдерские Звери, на своих шкурах демонстрировали самые гнусные формы почтания плодородия.

Гатрот Спюм, Повелитель Щупалец
Верхом на Боевом Алтаре

Йогрик Мерзкий
Повелитель Хаоса с отметиной Нургла

Гниющие Владники
Банда Рыцарей Хаоса с отметиной Нургла

Племя Чернокопытных
Банда Рыцарей Хаоса с отметиной Нургла

Сыны Последней Чумы
Банда Избранных с отметиной Нургла

Бивнерубы
Банда Драконьих Огров

Предвестник
Великий шаман-предсказатель

Мангелдер
Боевой гурт Бестигоров с отметиной Нургла

Валдерские звери
Боевой гурт Бестигоров с отметиной Нургла

Крадущиеся во Мраке
Полчище Горов с отметиной Нургла

Костедробители
Полчище Унгоров с отметиной Нургла

Несокрушимые
Полчище Унгоров с отметиной Нургла

Кровавое Бычье
Стадо Минотавров

Мычащие Зверюги
Гурт Минотавров

Рычащее Око
Сайгор

Четыре Топора
Гхоргон

Джаберслит

ОРДА ИЗ ЛЕСНОЙ ЧАЩИ

Зеленокожие из чащи Дракенвальда были настолько анархичны по своей природе, что воевали между собой почти так же часто, как и против войск Империи. Когда бронированные войска Спюма вторглись на их территорию, гоблины и орки сбились в ватаги и банды, чтобы похоронить непрошеных гостей.

Носящий Маску Предводитель

Соплеменники знали этого гоблина под именем Носящий Маску Предводитель, он обладал способностью общаться на чирикающем языке пауков, таков был дар Паучьего Бога, который избрал гоблина стать во главе лесных племен. Теперь он возглавлял многочисленное племя Отравленного Пера, и вел его в бой на Грибе, шипоногом Сером Кусаке, не уступающем в размерах даже Арахнарокам.

Тинитт Четыре Глаза

Гоблин шаман, Тинитт Четыре Глаза ехал верхом на зверюге, которую он называл Черная Грамадина. Он обладал магией, которая заставляла раздвигаться в стороны, даже самые толстые и непроходимые сплетения ветвей или корней, когда Тинитт желал пройти по этому пути. Многие обитатели Дракенвальда убегали в страхе, только завидев издали белую макушку Черной Грамадины, ибо это являлось не только предвестием скорой атаки Арахнароков, но и возможностью пасть жертвой смертельных шаманских заклинаний, которыми так любил разбрасываться Тинитт.

Грокка Кровавый Топор

Грокка Кровавый Топор представлял из себя ходячий вихрь насилия и был абсолютно безумен. Страшные перемены произошли с ним после того, как он из любопытства, сожрал целую грядку красной грибной плесени. Взбеленившись, он учинил в Дракенвальде погром такого масштаба, что несколько орочных племен сразу решили видеть его своим главарем. Они верили, что спятивший от грибов орк, являлся воплощением самого Горка. У гоблинов Дракенвальда существовали свои собственные легенды, якобы Грокка был воплощением силы разрушения и исчезнет, если высохнет кровь на лезвии его топора. Но, с огромным числом непрошеных гостей, что норовили безнаказанно пересечь Дракенвальд, их теорию так и не удалось проверить.

Ватаги Грокки

Хотя у каждого из племен диких орков, что следовали за отмеченным богами Гроккой, были свои собственные тотемы и традиции, энергия разрушительной силы, что переполняла Кровавого Топора, притягивала к нему всех их без разбору, как потоки воды движутся вслед нырнувшему левиафану. Вне зависимости от того, занималось ли племя простыми набегами лоб в лоб, устраивало ли засады из примитивных маскировочных лачуг на ветвях деревьев, или загоняло жертву верхом на клыкастых вепрях, все орки Дракенвальда называли себя Ватагами Грокки, в надежде, что, быть может, через название они смогут перенять толику той божественной силы, что снизошла на Грокку.

Топтыга

Здоровенный синий паучище Топтыга, получил прозвище за обыкновение давить свою добычу огромными хитиновыми ногами. Если Топтыга шел по лесу, за ним всегда тянулся кровавый след.

Красный Комок

Красный Комок был свирепой тварью. Только одному единственному гоблину удалось укротить и привести этого своенравного монстра в ряды племени. Его звали Хитрюга Боггинс, установив на спину мохнатой твари камнеметалку, Боггинс использовал своего боевого скакуна в качестве самоходного артиллерийского оружия.

Оперенные Моталы

Маленькие, но очень злобные гоблины, называющие себя Оперенные Моталы, буквально наводнили Дракенвальд. Если кто-то осмеливался посягнуть на их оплетенные паутиной владения, они молниеносно возникали из неоткуда, свисая со стволов деревьев, крепко вцепившиеся тощими зелеными ножками в спины своих ездовых пауков и поливали нарушителя дождем отравленных стрел.

Носящий Маску Предводитель

Лесной гоблин-вожак верхом на Гигантском Пауке

Тинитт Четыре Глаза

Великий гоблин-шаман верхом на Арахнороке

Оперенные Моталы

Племя Гоблинов Паучьих наездников

Редкозубые

Племя Гоблинов Паучьих наездников

Ядовитые Топоры

Племя Гоблинов Паучьих наездников

Лунные Паучары

Племя Гоблинов Паучьих наездников

Лесные Клыки

Племя Гоблинов Паучьих наездников

Древесные Кусаки

Племя Гоблинов Паучьих наездников

Красный Комок

Арахнорок

Топтыга

Арахнорок

Грокка Кровавый Топор

Дикий орк Варбосс

Змеекожие

Ватага Диких орков

Зеленые Зубаскалы

Ватага Диких орков

Кровавые Рубили

Ватага Диких орков

Жубарезы

Ватага Диких орков Парней на кабанах

Бивнеклан

Ватага Диких орков на кабанах

Озеленители

Ватага Диких орков Парней на кабанах

ДРАКЕНВАЛЬДСКАЯ БОЙНЯ

Гатрот Спюм шел в авангарде своего воинства, пробиваясь сквозь лес по направлению к пустырю, маячившему за деревьями. Слева от него, его главнокомандующий Йогрик подгонял уродливых мутантов, что все еще тащили на своих плечах полевой алтарь Спюма. Криворукые образины использовали массивную гранитную плиту в основании паланкина, как импровизированный таран, и на бегу ломали ей стволы мешавших деревьев, и рвали толстую паутину, развшанную повсюду, точно рыбацкие сети великана. Следом за ними всем стадом бежали боевые гурты зверолюдов. Драконоогры и Минотавры, обезумили от ярости, временами они останавливаясь, чтоб покромсать своими огромными топорами стаи слишком рьяных зеленокожих, что уже наступали им на пятки.

И Норсканцы и атакующие их гоблины отлично понимали, что у войска Хаоса есть единственная возможность противостоять многократно превосходящим полчищам зеленокожих. Успеть сгруппироваться и дать бой на открытой местности, что лежала уже совсем недалеко впереди. Только там северяне смогут навязать противнику свои правила ведения боя.

Отравленные Перья в прошлом уложили в землю не одну армию, используя свою невообразимую мобильность,

нападая молниеносно, и растворяясь в высоких кронах могучих деревьев. Дракенвальд всегда брал плату кровью со всех, кто забредал в тень его дремучих лесов. Но гоблины еще ни разу не сталкивались с таким упорным и мощным врагом, как воины Хаоса. Армия тяжело бронированных палачей и убийц, сметала на марше все, что попадалось на пути, ломала и рубила деревья, чьи кроны служили им домом, топтала и рвала паутину, служившую для них тропами, а теперь она намеревалась осквернить священную поляну, которую племена гоблинов использовали для поклонения своему Паучьему Богу. Головная часть войска оккупантов уже достигла священного места, теперь перестраивалась в ровные ряды, ощетинившись сталью и прикрываясь щитами.

Размеры войска Спюма были не маленькими и таили в себе ощутимый потенциал разрушительной мощи. Беспорядочная бойня, которую они устроили, продвигаясь через Дракенвальд, привлекла внимание еще одной силы, помимо Паучьих наездников. Прорываясь сквозь леса с тыльной стороны поляны под хруст ломающихся веток и дикое гиканье, неслась зеленая волна диких орочьих племен, потрясая на ходу своими примитивными каменными топорами и копьями. Огромный

зеленокожий, выделявшийся среди прочих чудовищными размерами и мускулатурой, бежал впереди всех, закатив глаза и высунув слюнявый язык, воя в боевом безумии. Хотя оркам предстояло пройти еще около мили, прежде чем они ударят в тыл готовящихся отражать атаку гоблинов войск Спюма, в итоге тем все же придется воевать на два фронта, и это будет настоящая бойня.

По всему фронту, с крон деревьев на порядки войск Гатрота, точно листопад из кошмаров, посыпались огромные паучьи тела. Земля под ногами солдат кишила маленькими арахnidами, что норовили влезть в обувь, в зазоры бронированных пластин, посеять панику в порядках северян, в то время, как напротив, под шуршание бесчисленных хитиновых конечностей собиралась их собственная армия.

Дротики и оперенные стрелы, смоченные ядом, впивались в мускулистую плоть зверолюдов, когда те с диким ревом пошли в атаку, с целью помешать формированию костяка гоблинской армии. Но из трех выстрелов, сделанных зеленокожими, лишь один находил свою цель, другие два либо били в молоко, либо отскакивали от ржавых доспехов. Почуяв запах собственной крови, боевые гурты зверолюдей с необузданной яростью врубились в ряды паучьих наездников. Хотя многим паукам удалось унести своих зеленых седоков на безопасное расстояние, тех, что все же достали топоры зверолюдов, постигла незавидная участь. Горы и бистигоры остервенело орудовали свои-

ми грубыми топорами, рубя гоблинов и их пауков, вымешая всю злость, пока несчастные не превращались в месиво из хитина и мяса, где уже нельзя было отличить ездока от его восьминогого скакуна.

Яростная битва захлестнула поляну целиком, и это было время, когда воинам давался шанс показать Темным Богам, что они достойны их внимания, либо кануть в небытие. Гатрот послал вперед три из своих щупалец и сдернул украшенного перьями гоблина, прямо со спины его паука, когда тот пытался проскользнуть мимо. Используя свой топор в качестве крюка, он зацепился им за край плиты своего паланкина, что возвышался сбоку. Помогая свободными ложножожками, он втянул себя наверх и вновь оказался на ногах. Взвесив гоблинского чемпиона в мускулистых объятиях щупалец, точно легкое сухое палено, он со всего маху впечатал зеленокожего в поверхность жертвенного алтаря. Громко предлагая свой дар Нурглу, Гатрот проломил грудную клетку полумертвого скулящего уродца и выдрал кусок пульсирующих горячих внутренностей, высоко воздев подношение над собой. Далеко в небе пророкотало, и в ответ на его подношения Спюм увидел, как над поляной начало сгущаться взявшееся из неоткуда черное облако.

Воодушевленные появлением союзных племен диких орков с противоположной стороны поляны, лесные гоблины атаковали с удвоенной силой. Узкие лезвия копий и заостренные хитиновые конечности находили зазо-

ры и прорези в броне пехоты Гатрота и глубоко кололи беззащитную плоть. Ядовитые хелицеры впивались в мягкие шеи, проникая между горжетами и шлемами воинов, жаля полуголые тела минотавров, что хватали своих обидчиков и мгновенно втаптывали в землю. Паучьи наездники гибли каждую секунду, взмах топора или удар палицы превращал и паука и гоблина мертвое изломанное недоразумение.

Но там, где гоблины не могли взять силой, они превозмогали численным перевесом. Кроны деревьев по всей окруже кишили паучьими наездниками, только готовящимися вступить в бой. Армия Гатрота насчитывала более тысячи воинов, но Дракенвальдских гоблинов было в десятки раз больше. Война на изнурение, явно закончилась бы в пользу зеленокожих, а объеденные останки армии Хаоса украсили бы паутинные сети местных обитателей.

В гуще сражения, Гатрот призвал своих воинов собраться с духом и атаковать как никогда раньше. Он взмахнул своим топором по кривой дуге, перерубая двух паучьих наездников и их пауков, что оказались слишком близко. Несмотря на то, что он занял удобную позицию на вершине своего полевого храма и мог выбирать мишени, его положение стремительно менялось от выгодного к опасно уязвимому. Все больше и больше паучьего десанта выбирало гранитную плиту совей целью, паучьи наездники целенаправленно атаковали мутантов, что удерживали паланкин Гатрота на своих плечах. Несчастные уроды, в попытке убежать

от терзающих их укусов, бросились к ближайшим деревьям, ища спасения между стволов, тем самым подставляя Гатрота прямо под низкий дремучий навес черных неприветливых крон. С диким визгом, гоблинская кавалерия обрушилась на Спюма из темноты пожухлой листвы. Нападавших было около дюжины, и Повелитель Щупалец почувствовал, как острия копий и паучьих хелицер, впиваются в его шею, бедра и ноги, некоторые попали в жесткую упругую плоть ложноножек. Это разозлило его, не больше. Нургл коснулся Спюма, ни одна телесная рана не сможет стать причиной смерти избранника Повелителя Чумы.

Откуда-то справа донеслось резкое шипение и липкий сгусток паутины повис на лезвии боевого топора Гатрота. Машинально повернув голову, тот заметил огромного паука, размером с телегу, изогнувшего свое брюхо, толстая нить паутины тянулась от его живота прямо к сжимаемому в руке оружию. Гоблин сидевший на спине паука, лягнул того ногами в бока и паук потянулся на себя, вырвав топор из руки Гатрота. Гоблин загоготал веселясь, но Спюм резко послал вдогон свое самое длинное щупальце и оно перехватило топор на лету. Следующим махом он разрубил надвое все еще гогочущее от радости гоблина. Крутясь вокруг и втянув щупальцу, он со всего размаха врезал закованным в железо кулаком правой руки в голову неистово тычащему ему в спину копьем гоблину. С чавкающим звуком череп гоблина провалился на всю глубину кулака Гатрота, и, почти обезглавленный труп

улетел вниз, к подножью паланкина. Замешкавшись на мгновение, Сплюм позволил еще одному паучьему наезднику обойти себя сзади, и тот сразу же всадил свой кривой зазубренный нож в сухожилия ноги чуть повыше икры Норсканца.

Вокруг кипела настоящая бойня. Лязг железа, остервенелые вопли убивающих и убиваемых слились в оглушительный шум. Гатрот лягался, бил наотмашь, рубил, ломал, душил и обезглавливал хитиновые и зеленокожие тела, что пытались повергнуть его на земь. С резким скрипом лезвие дротика прошло в узкую смотровую щель шлема Сплюма, пропороло скулу и застряло в нижней челюсти, заливая его гнилые зубы черной горячей кровью. Еще одно копье пробило навылет бедро, а в следующую секунду, Повелителя Щупалеца накрыл ковер из царапающихся и жалящих паучьих тел.

Большая порция яда поползла по венам Гатрота, но он даже не почувствовал этого. Зато жалящие его пауки, попробовав на вкус его наполненной священными вирусами крови, отскочили от него в разные стороны, давая воину время подняться на ноги. Два паука упали кверху брюхом и забились в предсмертных конвульсиях, однако остальные твари бросились вновь.

Гулкое жужжание донеслось откуда-то сверху, и тучный рой покрытых слизью мух спикировал на поле боя. Зависнув в десятке метров над окруженным Повелителем Щупалеца, рой начал извиваться и принял форму лица

с широко раскрытым ртом. Рябь прошла по поверхности лица и рот, искривившись, отрыгнул густой поток мух, что врезались в наседающих на Гатрота тварей, раскидав прочь с подножек паланкина, оставив Норсканца окровавленным, но непобежденным.

Под жуткий разрывающий слух скрип, четыре гигантские паучьи конечности прорвали полог паутины, что закрывал западный выход к поляне. Огромные конечности пробили насквозь двух зверолюдов, что в компании соплеменников, готовились обойти приближающихся диких орков по флангу и атаковать в тыл. Уцелевшие зверолюды остановились в нерешительности. Из лесной чащи выскочил здоровый синий паук, способный легко перешагнуть флагман Гнилое Чудовище. Следом за первым выскочили еще две похожие твари, одна красно-коричневая, другая черная. На спинах гигантских арахнидов были установлены деревянные платформы, которые несли орующих и улюлюкающих зеленокожих.

Протрубил боевой рог, и толпа бистигоров выплеснулась из-за деревьев, направляясь к ближайшему арахниду, потрясая топорами, готовясь подрубить его ноги. Но паук просто растоптал Валдерских Зверей, будто бы те были жалкими букашками. Два покрытых кровью минотавра обрушились на чудовища с разных сторон, но мгновения спустя один был перекусен пополам гигантскими мандибулами, а второй катался по земле с выпущенными наружу кишками, пробитый навылет

заостренными хитиновыми конечностями. Предвестник прокричал предупреждения своим низким утробным голосом, но большой красный паук уже атаковал порядки воинов Хаоса, выстрелив похожим на ядро, комком паутины, с катапульты, закрепленной на своей спине. Шаман-предсказатель выкрикнул несколько слогов на диком недочеловеческом языке, походившем на лай и карканье одновременно. Когда он закончил заклинание, красный паук вдруг завяз на месте, он попробовал сменить направление, но прямо под его лапами земля превратилась в жидкое болото. Паук пытался бежать, но жижа засасывала его все глубже, она начала бурлить, выпуская дурно пахнущие газы. С неимоверным усилием, пауку удалось высвободить половину своих конечностей с одного бока, но это лишь усугубило положение. В очередной попытке освободиться одна половина тела перевесила другую, и чудовище перевернулось на спину. Арахнид беспомощно барахтался в вязкой трясине, а его наездники с криками исчезли в чавкающей жиже под ним.

В полном составе, Бивнерубы кинулись наперерез самому большому из пауков-монстров, сметая союзных зверолюдов, что оказывались у них на пути. Небольшая группа зеленокожих набралась достаточно глупой храбрости, чтобы атаковать четырехногих существ и ударила им в бок. Шартак, самый огромный и свирепый из драконоогров, заметив приближающуюся с фланга опасность, с ревом неистовства, упредительно прыгнул навстречу. Роняя кровавую пену бешенства из

разинутой пасти, он убил троих одним махом своей широкой секиры. Следующего он раздавил передними лапами. Все произошло так быстро, что зеленокожие не успели и опомниться, как соплеменники Шартака разорвали их на части. Распаленный битвой, Шартак не стал останавливаться и, разогнавшись, впился всеми своими четырьмя лапами в покатый бок гигантского паука, заставив того паниковать. Не давая опомниться, он рубанул своей секирой и отсек одну из монструозных хитиновых конечностей. Из раны в теле арахнида брызнул зловонный ихор.

Существо с неимоверной скоростью отскочило в сторону и оказалось за широкими стволами раскидистых дубов, множество его блестящих глазок не упускали обидчика из виду. Паук изогнулся свое жирное брюхо и, в следующее мгновение, мощный поток вязкой паутины хлынул в морду драконоогра. Ослепленный, Шартак вздыбился, беспорядочно размахивая своим оружием. Арахнарок атаковал незамедлительно, поднырнув под очередной взмах огромной секиры, он сомкнул свои похожие на гильотины мандибулы, на талии драконоогра и перекусил того пополам. Четырехлапая половина Шартака еще продолжала движение вперед, когда другая его половина лежала в кровавой грязи поляны, пытаясь впихнуть обратно в себя вываливающиеся внутренности. Почувствовав свое преимущество, паук атаковал двух драконоогров, что оказались поблизости и неверяще смотрели на смерть своего чемпиона. Огромное, похожее на дом, тело арахнида повергло обоих

наземь. Стремительным движением своих хитиновых лап паук пригвоздил зверей к земле, равнодушно наблюдая за бьющимися в предсмертной агонии, истекающими кровью телами зверей.

Видя, как арахnid убивает драконоогров, Предвестник воздел свои когтистые узловатые руки к небу и монотонно заблеял. Лицо, состоящее из стай огромных мух, все еще жужжащих над поляной, отозвалось низким звенящим гулом. Рой демонических насекомых устремился по направлению к пауку. Окружив тварь со всех сторон, мухи отыскали легочные отверстия в его брюхе и устремились в них всем скопом. Паук на мгновение замер, в следующую секунду он вдруг взвился как ошпаренный. Конвульсивно дергая всеми своими конечностями, чудовище рухнуло на трупы только что убитых им драконоогров и вскоре испустило дух.

Предсмертное чириканье огромного арахнарока, прокатилось по всей поляне, и переросло в не менее громкий вопль целого хора глоток, когда Ватаги Грекки вклинились в битву. Они обрушились на Сынов Последней Чумы со своими кремневыми топорами и копьями, неистово рубя и тыкая закованых в панцирь рыцарей. Неуклюжие выпады зеленокожих парировались щитами или попросту отскакивали от железных пластин брони воинов Гатрота. Но сила орков была не в оружии, а в их необычайно развитой мускулатуре и безумной боевой ярости. Натиск диких лесных племен был настолько неудержим, что Сыны Последней Чумы

были просто оттеснены грубой физической силой нападавших. В то время, как рыцари пытались перегруппироваться, и выработать тактику против напирающих орков, им в тыл объединено ударили паучьи наездники.

Боевой гурт зверолюдов поспешил на подмогу попавшим в окружение Сынам, но был атакован орущими парнями на кабанах. Клыкастые вепри с диким хрюканьем рвали полуоголые тела Вальдерских Зверей своими кинжало-подобными бивнями. Их вопящие всадники рубили рогатые головы своими кремневыми топорами, кололи копьями в глазницы и раскрытые блеющие пасти. Зверолюды отбивались, как могли, но атака парней была неудержима. Первые ряды боевого гурта были уничтожены моментально, за ними пали вторые, потом третьи, а потом строй зверолюдов сломался и они побежали, оставляя своих северных союзников предоставленными самим себе.

Грокка Кровавый Топор несся на острие атаки зеленокожих. Широкое лезвие его кремневого топора было мокрым от крови почитателей Хаоса. Легенда жила, дикий орк рубил направо и налево, а врагов было так много, что не возможно было промахнуться. Норсканская сталь жалила его руки, ноги и даже морду. Но ему было совсем не больно, это лишь толкало его ярость на новый уровень. Зеленокожие вокруг него самозабвенно орали, черпая силу из разрушительной монси своего предводителя, и втаптывали измятые тела Сынов Последней Чумы в кровавую грязь.

Йогрик Мерзкий, пробивался сквозь гущу сражения, не выпуская из виду огромного свирепого зеленокожего, который чинил убийства среди его воинов, и, судя по всему, являлся чемпионом орков. Парировав атаку одно из зеленокожих, обратным взмахом Йогрик отрубил тому ноги и, когда тот с воплем повалился на землю, с силой впечатал бронированный сапог в его морду. Прешагнув труп и отпихнув одного из своих воинов в сторону, чемпион Ротгата оказался лицом к лицу с забрызганным кровью с головы до ног Греккой. Ослепленный боевой яростью орк прыгнул на Йогрика, не мешкая не секунды. Чумной воин качнулся в сторону и по широкой дуге срубил с плеч голову налетевшего орка. Удивительно, но обезглавленное тело орка, продолжало размахивать топором и успело зарубить двоих, прежде чем Йогрик рассек его на две части завершающим ударом. С чавкающим звуком своих вечно торчащих наружу внутренностей, Йогрик Мерзкий нагнулся и поднял отрубленную голову Грекки. Он воздел ее высоко над собой, прокричав славу своему богу. В небе громыхнуло в ответ, но грохот этот больше напоминал глухой раскатистый смешок.

Гниющие Всадники наконец-тошли в бой верхом на своих чумных скакунах. Вот уже несколько дней они были вынуждены двигаться по лесу в пешем порядке. Теперь они вновь были в седлах, их изъеденные коррозией, зазубренные мечи и копья глубоко впивались в незащищенные тела диких орков, выдирая куски мяса, калеча и убивая. Единым строем ржавого мета-

ла и зараженной плоти, Гниющие Всадники врезались в толпу орков, сминая порядки противника, превращая их в кровавое месиво изрубленной потоптанной копытами плоти. Их свирепые скакуны лягали врага, и вырывали куски орочьего мяса своими гнилыми острыми зубами. Энергия разрушения, что двигала орками изначально, начала иссякать, делая их неуверенную толпу легкой мишенью для ветеранов армии Гатрота.

В стороне, черный арахнарок подобрал все свои конечности под себя, спружинился и прыгнул, приземляясь прямо на голову порядков рыцарей Хаоса, давя и калеча воинов и их лошадей своими острыми, как копья и молотами, как бревна лапами. Из-под тента, закрепленного на спине паука, потрясал украшенным перьями копьем, и что-то злобно вопил на своем языке, маленький зеленокожий шаман. По воздуху над поляной пробежала рябь, материализуясь в необычайно огромного арахнида, состоящего, казалось, полностью из лунного свечения. В это же время рой демонических мух, призванный Гатротом перестал жужжать и растворился.

Лунный паук двинулся сквозь ряды воинов Спюма. Северяне, которых касались лапы призрачного арахнарока, вспыхивали зеленым пламенем и с воплями превращались в тлеющие головешки. Будь то испытанный в боях ветеран или трусливый унгор, без разницы – смертоносная магическая энергия, что нес лунный паук, превращала всех в обугленные трупы. Шаман на

спине черного арахнарока, трясясь и безумно хохотал, видя, как его заклинание делает свою работу.

Раскатистый рев прокатился по всей округе, когда джаберслит Предвестника шлепнулся на поляну, раздавив в кашу трех зазевавшихся унгров. Казалось, сама реальность дрожит и корчится от присутствия этого злобного темного существа. Тварь накинулась на диких орков, что оказались поблизости. Орки обезумили и накинулись друг на друга, рубя своих соплеменников на куски, когда извращенная аура чудовища коснулась их примитивного разума и моментально свела с ума. Джаберслит распахнул свою бездонную пасть, и его мясистый длинный язык с хлюпаньем выстрелил в хохотовшего шамана. Мгновенно облепив маленького зеленого колдуна, трепещущая мускулистая плоть ротового придатка начала сокращаться, и потащила гоблина в клокочущую утробу джаберслита. Шаман вопил и брыкался, пытаясь освободиться. Но, через мгновение, не смотря, на все попытки и ругань был заживо съеден. Заклятие не кому стало поддерживать и силуэт лунного паука, задрожав, растворился в ночи.

В центре поляны Гатрот скрестил оружия с гоблинским военноначальником в маске. Его чирикающий паук плевался ядовитой слюной, норовя пронзить всеми своими восемью конечностями. Рванувшись вперед своими семью щупальцами, Сплюм крепко вцепился в неистово лягающегося арахнида. Восьмая заостренная лапа

все-таки попала в цель, но оставила лишь неглубокую царапину на грудной пластине доспеха. В ответ Гатрот напряг всю мощь своих ложножек и, прижав арахнида к земле, со всего маху обрушил лезвие своего боевого топора на хитиновый панцирь, развалив надвое паучий череп. Гатрот разжал свои щупальца и отступил на шаг. Паучара яростно дергался, в предсмертной агонии, безуспешно пытаясь вытащить застрявшее в голове топорище.

Гоблин-вождь, облаченный в укрушенную перьями, расписанную маску, возник на вершине покатой спины остывающего паучьего трупа. Молниеносным движением гоблин вытащил из-за спины дротик с узким длинным кремневым лезвием и метнул, целясь в голову Гатрота. Главнокомандующий чуть отклонился в сторону, уходя от разящего копья, и поймал оружие на лету двумя щупальцами. Сдавив, он переломил дротик, словно соломинку и, фыркнув, отбросил в сторону ничтожное оружие.

Громко чирикая, словно взбесившись, гоблин спрыгнул прямо на грудь Гатрота и вцепился зубами в его незащищенное плече. Щупальца мгновенно обвили зеленокожего, крепко держа, но не отбрасывая. Зараженная бесчисленными вирусами гнойная кровь Повелителя Щупалец, хлынула из прокушенной раны прямо в глотку маленького зеленокожего кусаки.

Воистину, Повелитель Чумы внимательно следил за Гатротом в тот день, и щедро его одарил. Глаза гоблина под

маской округлились от боли и удивления, когда кровожадные бактерии и вирусы крови избранного чемпиона Нургla начали разрушать организм лесного вождя изнутри. Гоблин неистово забился в железной хватке щупальца Гатрота и завизжал, словно свинья на бойне, но было слишком поздно, ибо процесс размножения вирусного колдовства было невозможно остановить. С каждый секундой, благословление Нургla в виде тромбов, опухолей и нарывов все больше переполняло гоблина. Тельце его надулось, словно грибной мяч после дождя. Зеленая кожа покрылась водяными пузырями и почернела, маска слетела с распухшего до гротескных размеров лица, глаза выкатились из орбит, и с громким чавкающим хлопком, вождь взорвался, точно хлопушка, забрызгав все вокруг ошметками своего сгнившего тела.

Кучка зеленокожих, что находились поблизости и стали свидетелями бесславной и ужасной кончины своего вождя, заверещала и в страхе кинулась наутек в лесную чащу. Паника распространилась по рядам гоблинов с ошеломляющей быстротой. Гоблины бежали под спасительную тень раскидистых дубов, в чащу леса, прятались в потайные лазы между корнями; паучи наездники спасались, взираясь по паутинным лестницам на верхушки деревьев, даже огромные арахнаро-ки спешно покидали поле боя. Армия гоблинов скрылась из виду, растворившись в лесах Дракенвальда. Победный рев прокатился по рядам войска Гатрота. Некоторые особенно кровожадные, воины бросились в лесную чащу, дого-

няли недостаточно быстрых гоблинов и добивали, глумясь и рубя на куски.

Когда войска гоблинов бежали, армия Хаоса смогла полностью переключить свое внимание на остатки диких орков, что безуспешно, но все еще пытались атаковать. С потерей своего лидера, орки ослабли морально, и их боевой запал полностью исчез, теперь их теснили со всех сторон, давили, рубили и кололи. Отчаявшись в конец, орки, которым удалось выжить, так же бежали в леса, ища спасения.

Гатрот приказал уродам, поддерживавшим свой полевой алтарь, двигаться в направлении красного арахнорока, что завяз в разверзшемся под ним болоте, вызванном колдовством Предвестника. Мутанты послушно заковыляли к все еще трепыхающемуся паучаре. Гатрот грузно спрыгнул со ступеней своего паланкина прямо на грудь вяло сопротивляющегося чудовища. Произнеся семь любимых имен своего повелителя, Спюм размозжил череп паука обухом своего боевого топора. Арахnid забился в конвульсиях, одна из его хитиновых лап ударила Гатрота с такой силой, что послала того в полет. Пролетев несколько метров, тот со всего маху врезался в свой полевой алтарь, сотрясая его и, заставляя уродов напрячь все свои неестественно огромные мышцы, чтобы устоять на ногах.

Послышался треск разбившейся керамики. Резкий запах пришел из неоткуда, он был таким невыносимым, что даже самые искушенные почитате-

ли Владыки Гниения упали на колени, опорожняя свои желудки.

Серо-коричневый ручеек побежал из-под алтаря, находившегося в центре паланкина Готорота, жижа вытекала из разбитой чумной урны, что хранилась в недрах походного храма. Дымящееся ни с чем несравнимым смрадом, содержимое амфоры закапало на землю. Там, где жидкий подарок Нурглы проронил свои капли, землю прорвали толстые побеги, утыканые колючками они раздавались вперед, извиваясь, все удлиняясь и разрастаясь, вопреки законам логики. Чумные лозы ползали по поляне, словно слепые змеи, нащупывая, в поисках свежих трупов. Натыкаясь на тело, они обивали его, пуская корни в остывающее мясо. В свою очередь, новые молодые побеги через мгновение прорастали из тела-носителя, распространяясь таким образом все дальше и дальше.

Северяне смотрели с почтенным ошеломлением, как, по всей поляне, чумные лозы скручивают в своих ужасных объятиях мертвые тела орков, гоблинов, зверолюдов и Норсканцев без разбору, и увлекают их вверх, сплетаясь над землей в арки. Трупы висели над политой кровью и слизью почвой, точно гротескные подобия созревающих фруктов в саду маньяка. Растения-мутанты очень скоро заполнили всю поляну, образуя над войском Хаоса обширный шуршащий купол. Храм извращенного плодородия Нурглы был воздвигнут на том месте, армия Гатрота щедро посеяла семена смерти и страдания. В невежественные земли

языческого Паучьего Бога, наконец, пришло истинное просвещение.

Перебив армию лесных гоблинов и уничтожив зеленокожего шамана, что руководил ими, Гатрот освободил для своего повелителя эту часть Дракенвальдского леса, где каждый метр земли был пропитан энергией, копившейся десятилетия. Теперь это место было передано во власть Чумного Владыки, и это была большая победа, ибо власть Бога Паука была осквернена, а его последователи убиты и паразитированы вирусом буйного плодородия.

Глядя на то, как разрастается этот сад извращенной жизни, воины Хаоса ликовали, они видели, что их победа не осталась незамеченной. Знаки благосклонности Нурглы цвели насколько хватало глаз. Кто знает, какие подарки еще припасены для них у Чумного Бога, и они готовы были убить больше, чтобы выяснить это.

Воины Гатрота осквернили каждый труп зеленокожего, что смогли отыскать в сплетениях побегов-мутантов, на скользкой от крови лесной поляне. Мечами, когтями, ножами и топорами, животы орков и гоблинов были распороты и выпотрошены, и дурно пахнущие склизкие внутренности свисали теперь как ужасные гирлянды на этом извращенном празднике жизни.

— Теперь это священное место. — Произнес Гатрот Спюм, счищая щупальцами, корку из засохшей крови и налипших внутренностей со своих доспехов.

- Несомненно. – Ответил Йогрик, его бас рождал низкое жужжащее эхо, внутри его полного шлема, давно уже сросшегося с плотью. – Но в этом лесу еще предостаточно деревьев и наш путь все еще не свободен.

С последними словами Йогрика, чумная поросль вдруг пришла в хаотическое движение. Толстые шипастые побеги принялись обвивать и душить местную поросль. С треском и скрипом, чумные лозы стали выгибать столетние дубы, надламывая стволы, сминая меньшие деревья, образовывая подобие коридора, что постепенно становился все длиннее и длиннее. Сплетаясь между собой, они превратились в плотную твердую стену, что, как бы, оттесняла Дракенвальдский лес в стороны, открывая для войска Спюма свободную дорогу на юг.

- Почитай богов должным образом, и они отблагодарят взамен. – Подытожил Гатрот, гордо выпятив широкую грудь.

- Если эта тропа ведет туда, куда я подумал, - глухо произнес Йогрик, - нам, возможно, удастся даже опередить Братьев Глот.

- А я уверен в этом. – Отрезал Повелитель Щупалец. Он перевернул свой топор и с силой ударил несколько раз обухом в гранитную поверхность паланкина под ногами, прерывая всеобщие разговоры и требуя немедленного внимания своих воинов. – Сегодня мы порадовали нашего отца, и он отблагодарил нас в ответ. – Зычно проговорил Гатрот, его слова прокатились по рядам закованных в железо воинов и резонировали с подергивающимися живыми

стенами чумной поросли, что окружали войско со всех сторон. – Узрите же, как его рука переделывает этот мир под наши нужды. Но знайте, это лишь малая толика тех даров и той славы, что мы сможем получить на улицах Альтдорфа!

Все как один, воины одобрительно заревели, они трясли в воздухе своими клинками, топали копытами и ревели, а за их спинами, растения-мутанты беспокойно шевелились, полностью разделяя их кровожадный настрой.

ГЛАВА 3

Захват Талабхейма

Лето 2525

Далеко на севере, расталкивая в стороны массивные льдины, громадный корабль заходил в Кислевский Залив. Он был похож на погруженный во тьму плавучий остров, и подобно гигантскому слизняку, оставлял за собой на воде жирный след копошащегося паразитического планктона. Оскол был не обычной шхуной, а являлся, по сути реинкарнацией известного в прошлом флагмана, что затонул когда-то у побережья Остланда. Гнилая посудина была поднята со дна гигантским кракеном, находящимся в услужении Повелителя Щупалец. Оскол вытащили на берег и передали в распоряжение чемпионов Ледяного Отрога.

С незапамятных времен, дикие племена Ледяного Отрога поклонялись Нурглу. Потусторонний мир, где царствовал их повелитель, совсем не казался им чуждым или непривычным. Грань между реальностью и миром эфира была особенно тонкой на заснеженных вершинах этих земель. Все здесь было уже поражено имматериумом на протяжении долгих лет, и с каждым десятилетием влияние Хаоса в этих землях становилось все сильнее. Воины, выживавшие в суровых условиях высокогорий Ледяного Отрога, были столь выносливы и суровы, что стоили десятка обычных чемпионов.

Среди вождей племен, обитающих на Отроге, выделялись трое, чьи тела и души Владыка Разложения затронул особым образом. Все трое были одарены настолько необычными изменениями, что смогли прожить уже несколько

веков. За долгое время их неестественной жизни, их тела превратились в сюрреалистичную смесь заразы и исковерканной плоти. Первый среди троих, Орготтс Демонорвот, известный также, как Король Полукровка (Bastard King), воин, чью кровь заменяла демоническая желчь. Вторым был Блоб Гнилород (Bloab Rotspawned), навечно вросший в опустевшую раковину огромного моллюска-мутанта, что покрывала теперь его гнойную, пораженную личинками плоть, подобно броне. Блоб обладал силой призыва роя демонических мух и успешно использовал его еще в далеком 2303, когда воевал на стороне Орготтса в Битве за Кислевские Врата. Последним в их троице являлся Морбидекс Дваждырожденный, гнилобрюхий весельчак, предводитель нурглингов. Выводки этих низших демонов сопровождали его повсюду. Все трое были благодарны Вечноизбранному, за шанс участвовать в походе и намеривались, во что бы то ни стало, подчинить южные земли воли своего повелителя.

Отто Глот передал под командование трех лициночных наездников цепкий гарнизон фанатиков Повелителя Чумы, что должны были пополнить их ряды в Бронзовой Крепи (Brass Keep), как только всадники достигнут Серединных Гор (Middle Mountains). Орготтс с радостью принял на себя обязанности командовать войском, так как давно мечтал укрепить свое положение среди излюбленных чемпионов Нурглы и, отбросив наконец остатки человечности, принять демоничество.

Жаждущие славы, но болезненно не желавшие делиться ею с кем бы то ни было, оседлав своих тучных, долговязых личиочных скакунов, чемпионы Ледяного Отрога, не мешкая, двинулись в путь.

Палуба Оскала, несомненно, видала и лучшие времена, но вполне годилась для целей Орготтса. С помощью колдовства, Блоб Гнилород заставил прогнившие ребра бортов потопленного судна вновь срастись. Затем он нарастил поверх них толстый слой зловонного воспаленного мяса. Вместо парусов были натянуты свежесодраные шкуры мамутов (mammut), что были весьма прочными и могли выдержать яростный напор северных ветров. По приказу Гатрота, чудовищный кракен сопровождал возрожденный корабль всю дорогу в море, он даже потопил пару Имперских судов и Эльфийских морских патрулей, что пытались напасть на чумную посудину. И вот, спустя несколько недель плавания, Оскал, наконец-то, подошел к берегам Кислевского Залива.

Если армада Братьев Глот включала тысячи татуированных дикарей, а войско Повелителя Щупалец насчитывало более тысячи тяжело бронированных ветеранов Норски, то вся армия Демонорвота, состояла пока, лишь из трех воинов. Но воины эти пришли с далеких окраин севера, оттуда, где мир смертных соприкасается с энтропийной мощью энергий мира Хаоса, и они несли в себе отголоски этой моцки.

Имея лишь один корабль в своем распоряжении, Орготтс и его люди, становились легкой мишенью для орудийных батарей береговой обороны Остланда. Поэтому они избрали другой путь, через Кислевский Залив, земли, что были ослаблены и разорены недавним вторжением войск Губительных Сил.

Высадившись с Оскала на берег, вблизи осажденного Эренграда (Erengrad), личиочные наездники миновали его позолоченные купола и двинулись дальше, по направлению к Талабхейму. Прорубив себе дорогу сквозь чащу Остландских лесов, они пересекли Серединные Горы, получив обещанное пополнение в Бронзовой Крепи. Теперь всадники Ледяного Отрога планировали выйти к стенам Альтдорфа с западной стороны, как и планировалось, в день Гехеминснахта.

Когда воины Орготтса двигались по тундре к западу от Эренграда, скауты немедленно доложили об их приближении своим боярам, но те предпочли не ввязываться в бой, а пропустить их беспрепятственно. Эренград только начинал восстанавливаться после изнурительной кровопролитной войны, и Кислевиты вовсе не желали навлечь чуму на прошедшее сквозь недавние ужасы войны, изможденное городское население.

В то время как Эренградских ветеранов больше заботила их собственная безопасность, всадники Демонорвота свободно пересекли Серединные Горы и углубились в земли Империи. Выса-

дившись в самой южной точке Кислевского Залива, они избежали не только столкновения с орудийными батареями береговой защиты Остланда, но и миновали дремучие чащи его непроходимых лесов.

Изначально Орготтс предполагал выйти под стены Альтдорфа к концу осени, плечом к плечу с Братьями Глот, чтобы поддержать их атаку. Но его нетерпение росло, и он уже не мог ждать следующего времени года, чтобы пролить кровь. Нет, он не будет дожидаться Гехемниснахта, а начнет резню сразу же, как только войска Бронзовой Крепи окажутся под его командованием.

Имея в своем распоряжении лишь одну армию и двух военноначальников, было весьма амбициозно рассчитывать взять штурмом город, считавшийся одним из самых неприступных городов-крепостей Империи. Но амбиции это как раз то, чего у Орготтса имелось в избытке – амбиций и непреодолимого желания доказать свое могущество достойное демоничества.

В сырости переполненной миазмами лаборатории Фестуса, котел, полный варева из плоти и желчи начинал закипать. Бесформенная, жабоподобная физиономия с любопытством склонилась над дымящейся и булькающей жижой котла. Жирные слюнявые губы были чуть приоткрыты. Хриплое каркающее дыхание вырывалось из узкой щели между ними, когда физиономия вдыхала и выдыхала исходящую от

варева смрадную вонь. Выражение на лице сменилось горделивым пониманием своего дела, когда Доктор Фестус, подобно повару при дворе Императора, отрезал кисть у ближайшего трупа и подкинул ее в мерзкий кипящий бульон:

- Кинь руку просящего в жидкую муть, - проурчал Кугат сквозь клубы едкого пара, - да только осечь ее не забудь.

- Конечно, конечно. - Отмахиваясь от доброжелательного совета, пробубнил Фестус. – К вашему сведению, я весь последний год провел, изучая седьмой ингредиент.

- Но достаточно ли твой рецепт животворен, дорогой мой?

- Не так как хотелось бы, Кугат. Хотя маленькие козявки оказались весьма полезными.

- О, они справляются. То ли еще будет!

- Пританцовывая пробулькал Кугат.

- Мелочь помогла извлечь толику магии Нургла, необходимую на данном этапе. – Продолжал Фестус. – Переулки Альтдорфа задыхаются в удушливом смраде, и скользкая жизнь рвется наружу из всех щелей. К вечеру тени корчатся так знакомо. Я почти чувствую, как сад расцветает.

- Твоя правда плодоносна, заклинатель пиявок! – отвечал Кугат. – И наши союзники уже близко. Глотики и Гатротики больше не медленные улитки, нет, с тех пор как распустился Папин живой тоннель. Я так же предвижу пополнение в рядах Демонокровного (Daemonbleeder). – Кугат злобно оскалобился, и мутная черная жижа заструилась промеж его кривых острых зубов, стекая по подбородку. –

О, да – мы так же ожидаем и Счетовода!

- Так значит... Демонорвоту ожидать пополнения, да? Пополнением станет Эпидемиус Счетовод (Epidemius the Tallyman)? Тогда все замечательно и пройдет как надо. Если, конечно, ты, хотя бы на время, прекратишь бухтеть у меня под ухом и разрешишь поработать в тишине.

Возбужденное гримасничанье Кугата сменила кислая мина:

- Виноват, раскаиваюсь и никаких боле сторонних разговоров! – с громким хлопком Кугат растворился в воздухе.

- Премного благодарен, - пробурчал Фестус, зачерпывая поварешкой из котла. – Ну что, козявки, - он вперил в кишащую заразой мутную жижу свой немигающий жабий взгляд, - идите же к Фестусу.

В то время, как наездники с Ледяного Отрога вторглись в Империю, Влад вон Карстен ехал по Стирской Дороге (Stir Road) в седле своего костлявого жеребца. Его аристократичные черты лица исказила гримаса отвращения. Еще несколько дней тому назад, шпионы донесли ему, что вторгшиеся с севера Империи, армии захватчиков пропали в горных чащобах Дракенвальдских лесов и угроза Чумного Бога нейтрализована. Но по возвращению из Золотого Бастиона он впал в шок, найдя леса его предков обезображенными и измененными до неузнаваемости.

Там, где стояли раньше могучие раскидистые дубы, где чащи были настолько мрачны и непроходимы, что в их черной тени, заблудшая душа могла раствориться и избежать гнева богооборцев-инквизиторов, ничего не было прежним теперь. Теперь эти места кишили чужеродной гадостью, шипастые побеги, точно огромные змеи, задушили в своих объятиях некогда мощные и гордые дубы, прогрызая кору и высасывая все соки, превращая деревья в трухлявые паленья. Зеленые побеги так же душили друг друга, в погоне за лучшим местом более сильные давили более слабых. Чумные лозы приходили в движение, когда Влад проезжал мимо слишком близко, они начинали вслепую шарить по сторонам своими скрюченными почерневшими гнилыми концами. Кривя свои тонкие губы в отвращении, вон Карстен двигался дальше, держа дистанцию.

У вампира не было никакого желания вступать в лишенную смысла борьбу с примитивным растением, как и не было желания, окончить свое существование одним из висящих повсюду в большом количестве трупов.

Трупы висели и там и здесь, изломанные, лишенные конечностей, свидетельства своей жуткой и бесславной кончины. Количество свисающих с хищных лиан тел поражало, Владу даже удалось отыскать на некоторых из мертвецов отметины своего владыки Нагаша. Прошло немногим больше недели с тех пор, как последний ритуал некромантии вынул мертвецов на этих землях из их могил. Но мерзкие побе-

ги отвоевывали все больше и больше пространства с каждым днем, и ожившая нежить как видно, была им явно не помехой.

Но еще больше раздосадовало вампира то, что рядом с полусгнившими телами нежити, висели и свежие трупы, чуть затронутые разложением. По виду, крестьяне и лесничие. Попадались и тела зверолюдов, что абсолютно не трогало Влада, так как эти твари всегда приносили только проблемы. Однако, будущие перспективы всего этого ничуть не радовали вампира.

Горло каждого из подвешенных, было туго обвито жирной чумной лозой, огибая подбородок она исчезала в глубине широко раскрытого рта трупа. Владу было понятно, что поганые растения питаются внутренностями и мясом этих несчастных, на манер кровососущих паразитов. Такое зрелище было богохульно по отношению к древнему проклятию крови, которым был поражен весь вампирский род. Хотя Влад давно справлялся со своей красной жаждой с помощью своего питающегося клинка (feeding-sword), неприятные ощущения, все же накатывали на него, при взгляде на то, что творилось вокруг.

Произнеся заклятие на Некхакхарском наречии, Влад стал легким и почти неосозаемым как туман. Собрав волю в кулак, он подплыл вплотную к одной из растительных щупальц. В этот раз щупальце не обратило на него никакого внимания, неспешно продол-

жая ужасный процесс питания. Заинтригованный, Влад потянул из ножен свой призрачный меч и рассек побег на две части. Жидкость, брызнувшая из разрубленной лозы, была столь зловонной, что, даже находясь в призрачной форме, вампир отпрянул назад.

Определенно все это не могло быть делом рук человека. Чтобы сотворить настолько мерзкое и темное заклятие, требовалась сущность куда более могущественная, чем простой смертный. Разнужданное плодородие, бесконтрольно захлестнувшее все, до чего могло дотянуться, изменяющее и коверкающее любой намек на упорядоченность. Сила способная сотворить такое была, но лишь одна. И имя ей - Хаос.

Вернувшись на дорогу к своему жеребцу и прервав заклинание левитации, Влад пришпорил своего скакуна и помчался прочь на север, с мыслью страшного осознания в своей голове. Пускай, Сильвания невосприимчива к черному колдовству такого рода, но остальная Империя рискует вскоре быть поглощенной Хаосом. Хотя ему ужасно не хотелось оставлять свои земли сейчас, после столь долгих лет потраченных на их процветание, в данный момент безопасность Империи в целом была наивысшим приоритетом. На кон был поставлен порядок в самом прямом смысле этого слова. И по донесениям его разведчиков, побеги чумных лоз были не единственной проблемой, с которой столкнулись близлежащие провинции.

Вампир понимал теперь, что нападение на Золотой Бастион было всего лишь отвлекающим маневром. Приманкой для сил порядка, стянувшей их к границам Кислева и отвлекающей от реальной угрозы, что исходила изнутри. Безликие диверсанты тайно ослабляли Империю, подготавливая к грядущему вторжению. Но действовать нужно было немедля, пройдет еще много времени, прежде чем имперские болваны поймут, с чем столкнулись, но будет уже поздно. И если Старый Свет поглотит Хаос, то ему уже никогда не отыскать Изабеллу (Isabella), свою утраченную любовь. Хуже того, когда, подчинение и сдержанность станут лишь пустыми словами, все за что так долго боролся вон Карстен, превратиться в прах.

Резко натянув удила, Влад остановил своего костлявого жеребца. Он приподнялся в стременах и обернулся, еще раз взглянув на инфицированные чумной порослью леса своих предков. Время нанести ответный удар. Вампир вынул листок пергамента из складок своей дорожной накидки, достал перо и, проколов им свою вену, написал кровью второе послание с предложением союза смертным владыкам Империи.

Быстрым уверенным шагом, Курт Хэлборг шел по коридорам Имперского дворца. В воздухе висел чад от горящих по стенам факелов. Рейкскапитан Ханс Зинтлер (Reikscaptain Hans Zintler) изо всех сил пытался не отставать от своего повелителя, и тяжело дыша, семенил следом. На эфесе клинка Хэлборга, что подрагивал на поясе,

была кровь. Его латные перчатки так же были в крови. Держась немного позади, следовали тридцать Рейксвардейцев (Reiksguard), резерв, что Зинтлер настоял держать при себе все время.

На фоне пронзительного колокольного звона, что доносился с башни Глокентор (Glockentor), Ханс отчетливо слышал вой бунтующей черни, доносившийся с городских улиц. Доспехи гвардейцев были покрыты грязными мокрыми следами от гнилых помидоров и стухших яиц, что разъяренная толпа принесла с собой. Лица некоторых были перепачканы запекшейся кровью.

То и дело спотыкаясь, по правую руку от Зинтлера бежал веснушчатый юноша, его беспокойный взгляд был сосредоточен на странице пергамента, что сжимал Хэлборг в своей окровавленной рукавице. Юношу звали Гантолд (Gunthold) и он был гонцом, доставившим послание во дворец.

- Мой господин, фамильный герб, что отображен на печати, без сомнения, принадлежит семье вон Карстен. И инициалы В.В.К...

С мрачным лицом, Рейксмаршал обернулся на посла. Молодой человек отшатнулся от свирепого взгляда Хэлборга. Сам Зинтлер, за последние несколько дней, неоднократно испытал на себе этот колючий холодный взгляд. Старый Волкмар (Volkmar) был единственным человеком, кто мог спокойно выносить этот взгляд.

- Тогда не трать наше время попусту и выкладывай. – Сухо отрезал Курт

Хэлборг, резко заворачивая и входя в тронный зал. Последние из гвардейцев притворили двустворчатые резные двери, оставляя компанию наедине. – Давайте же послушаем, что этот изворотливый кровососущий негодяй хочет сказать в этот раз.

В зале наступила тишина, люди Хэлборга переглядывались между собой в недоумении. Первым, кто нарушил неловкое молчание, был Зинтлер:

– Трудно поверить в то, что это действительно написал Влад...

– Мне тоже кажется, что это просто чай-то розыгрыш, блеф. – Возбужденно предположил осмелевший гонец.

– А вот я думаю совсем иначе, – произнес Хэлборг холодно, – довольно глупых предположений, Гантолд. Читай что написано в гребаной депеше.

Гонец спешно закивал и, развернув перед собой свиток пергамента, вцепился в него дрожащими руками:

– Мои дорогие Графы Выборщики, – начал он робко, – или, кто бы там не был сейчас у власти.

При этих словах Хэлборг хмыкнул, на его лице появилась мрачная улыбка. И это было самым полным из подтверждений своего самопровозглашенного правления, которое Зинтлер слышал от него за все время.

– Несомненно, вы уже заметили, – продолжал Гантолд. Его голос стал каким-то глухим, а взор затуманился, когда он начинал говорить от лица вон Карстена, – что наша возлюбленная Родина подверглась нападению извне. Чума поражает земли от Кислева до

Маренбурга. Паразитическая жизнь теперь угрожает даже моей дорогой Сильвании. И эту войну вряд ли удастся выиграть с помощью грубой силы и острого клинка.

– Он во многом прав... – задумчиво промолвил Хэлборг, но гонец продолжил чтение, прервав своего повелителя на полуслове.

– Похоже, мы недооценивали изобретательность наших северных противников, – голос Гантолда стал хриплым и торжественным, его глаза уже не смотрели в лист пергамента, а были широко раскрыты и глядели в пустоту перед собой. – И теперь нам предстоит много тяжелой работы, если мы хотим восстановить порядок и очистить наши земли от чумной заразы, что мы уже впустили. – Лицо юноши побледнело, весь он вытянулся в струну. Зубы его громко клацали, когда он продолжил, – И что же ты предлагаешь делать со всем этим, спросите вы меня. Я предлагаю вам перемирие. Больше того, я предлагаю вам объединение. Союз. Вместе мы спустим шкуру с этих Хоситских собак! – Кровавая пена выступила на губах Гантолда. – Вместе мы покажем этому дикарскому сброду их место, которое они позабыли, ступив своими грязными ногами на порог нашего дома. Вместе мы восстановим пошатнувшийся порядок!

Гонец стоял, опустив руки по швам, его кисти были странно вывернуты, пергамент давно смят и зажат в сведенном судорогой кулаке. Голова завалилась набок, его окровавленные губы перекосила страшная довольная улыбка. Взгляд по-прежнему был пуст. Зинтлер

беспокойно переглянулся с Хэлборгом, но Рейксмаршал сделал жест рукой, приказывая своему помощнику не предпринимать никаких действий без его приказа.

- Хорошенько обдумайте то, что я сказал. – Прохрипел молодой посол. – Я не ожидаю от вас немедленного ответа. Вы, смертные, все еще боитесь холодных объятий смерти, так же, как дети боятся темноты. И все же, если вы надумаете принять мое предложение, пусть ваши люди разожгут огонь на вершине сигнальной башни города в час полуночи. И знайте, что с той поры, вам не надобно более бояться мертвых. Но, если же, вы решите проигнорировать меня, боюсь, судьба будет к вам менее благосклонна. Живы вы будете или мертвы, в любом случае, в ближайшем будущем мы с вами увидимся.

До скорой встречи, ваш преданный друг и повелитель крови, Влад вон Карстен.

С этими словами, посол рухнул на пол, хватая ртом воздух, точно освободился наконец, из чьих то удушливых объятий. Трясущимися руками он пытался найти опору и подняться на ноги, его безумный взгляд бегал по сторонам. Кровь тонкими струйками текла из его ноздрей. Щеки его впали, а губы посинели. Волосы на голове посидели. Он будто постарел на пол жизни.

- Сжечь письмо, немедленно. – Распорядился Рексмаршал. – Отведите несчастного глупца в Храм Шали (Temple of Sallya). Сделайте это, даже если придется прорубаться сквозь толпу про-

каженных (fog-lepers). Да, и объясните сестрам всю деликатность его состояния.

Зинтлер кивнул в знак понимания и, подозвав своих людей, быстро отдал соответствующие приказы. Он нервно пощипывал свою бородку, глядя в след посидевшему старцу, бывшему юношему несколько минут назад, которого теперь уносили под руки:

- Это послание, сир. Как вы считаете, его действительно написал Граф вон Карстен?

Рейксмаршал лишь фыркнул в ответ, его лицо выражало нетерпение и гнев. Но Зинтлер хорошо понимал, что за этой маской Хэлборг хорошо скрывает свою озадаченность.

- Меня мало волнует, написано ли это письмо кровососом вон Карстеном или каким-нибудь балбесом из Аметистового Колледжа (Amethyst College). – Ответил Хэлборг. – Но будь я проклят, если запятнаю себя союзом с этим живым трупом. Это не обсуждается. А теперь, бегом выполнять свои обязанности. Эти проклятая чернь слишком распоясалась на улицах. Наведите порядок в городе, если потребуется, огнем и мечем.

Зинтлер кивнул с пониманием, и подал знак своим людям покинуть залу. Закрывая за собой двери, он мельком взглянул на Рейксмаршала. Тот тяжело опустился на ступени перед троном Карла Франца. Последние ночи, что он провел на ногах, изрядно его вымотали.

- Ханс, - кинул устало Хэлборг вслед своему капитану, - Не подведи меня, Ханс.

С приходом лета, поползли слухи о страшных бедах, что обрушились на земли Карла Франца. С одной стороны ужасный черный мох осушал речные каналы, заполняя их до краев хлюпающими пластами заразы; с другой плотоядная чумная поросль уничтожала лесные чащи, расползаясь по земле во всех направлениях, точно кровожадные слепые змеи. Люди боялись, и страх парализовал их. Высокие стены и крепкие засовы не спасали от чумных поветрий. Даже самые жадные из купцов не решались торговать в пределах зараженных неизвестными болезнями земель, а капитаны речных судов предпочитали оставаться на берегу, нежели ходить по мутной черной жиже, в которую превратилась вода.

Бедолаги, которым не повезло испить из вод Рейка, вскоре сами покрывались коростой черного мха, что высасывал и убивал их за считанные дни. Зараза не щадила так же и тех, кто пытался оказывать помощь несчастным. Исключением были лишь сестры милосердия Храма Шали, они каким-то чудесным образом оставались не тронутыми инфекцией. Течение Рейка изменилось, и Талабек превратился в мрачное место отчаяния и смерти. Болезни поразили тех, что проживал на берегах реки. Их кожа почернела, и они бежали в город, ища помощи. Люди сторонились прокаженных мхом (moss-lepers), кто-то пытался покинуть территорию города, в надежде перебраться в незараженную часть страны. Переселенцы быстро находили ужасную смерть в сплетениях плотоядных лоз, что тяну-

лись из леса, из каждой канавы, перекрывая дороги целиком.

Болезнь выкашивала людей целыми селами, их попросту некому было хоронить. Дела обстояли совсем плохо, там, где колдовство Нагаша, что еще не было полностью рассеяно с момента его последнего воскрешения, давало о себе знать. Пораженные чумой трупы рыскали по округе в поисках живых, чтобы вымести на них всю свою злобу и горечь. Не кому было пахать поля, не кому молоть зерно, скотина дохла не опустевших нивах, голод обрушился на земли Империи. Кое-где были даже зафиксированы вспышки каннибализма. В паранойе, люди искали виноватых, сосед подозревал соседа, селянин винил горожанина. Люди начали убивали друг друга, не уступая чуме по эффективности.

Вести об ужасах, что захлестнули империю, дошли и до благородных рыцарей Бретонии (Bretonnia). Лоуэн Лионкэр (Louen Leoncoeur) вернулся с Серебряного Шпиля (Sillverspire) в самый разгар весны. Израненный, но несломленный после того, как потерпел поражение в схватке с Малобудом (Mallobaude), он стал правой рукой Зеленого Рыцаря. Лоуэн едва успел отчистить свои доспехи от кровавых следов недавних боев, когда призыв о помощи, отправленный Хэлборгом достиг его покоев. Проведя долгое время в молитвах, обращенных к Леди, он, наконец, облачился в доспех и собрал войско из доблестных гордых рыцарей, которые пожелали протянуть руку помощи братскому народу Империи.

Когда рыцари Бретонии двинулись в марше на Альтдорф, Демонорвот и его чемпионы как раз пересекали заснеженные просторы Серединных Гор. Им пришлось прорываться сквозь бушующие ледяные метели; они подвергались постоянным атакам химер (chimera), чей белый мех, делал их фактически не видимыми на снегу; скалистые вершины обрушивали на них целые стаи кричащих горных орлов. Но никакие трудности не могли их остановить. В начале лета они уже были под стенами Бронзовой Крепи. Но воинственные племена почитателей Нургла напали на них, не желая слушать. В ходе сражения, Орготтс смог доказать местному лидеру, что оба они служат одной силе. Продемонстрировав все красоту своего измененного тела, Демонорвот разжег священный трепет в гниющей душе вожака местных племен. Гарнизон Бронзовой Крепи в полном составе встал под знамена всадников Ледяного Отрога.

В середине лета 2525 луны-блезняшки столкнулись в небе. А внизу, на земле, толпы зверолюдов стекались из лесных чащоб, чтобы стать свидетелями отвратительного ритуала. Завывая, блея и пожирая свою кровавую пищу, бесчисленная орда потных, вонючих звериных тел, лысых и покрытых шерстью, кишила, точно живой ковер. В небесах Луна Хаоса закрыла собой Маннслиб, тьма поглотила ореол света. Во главе нечестивого празднества стоял Предвестник, он руководил этой воистину черной и богомерзкой вечерей. Высоко вскинув свои заскорузлые волосатые руки, он склонился над дол-

меном (dolmen - дольмен древние погребальные и культовые сооружения, относящиеся к категории металитов (то есть к сооружениям, сложенным из больших камней)), покрытым вязью кривых смазанных рун. Позади него, в центре поляны, возвышалась огромная гора изувеченных трупов, в ее глубине, покрытый кровью и склизкими внутренностями находился родовой камень (herdstone). Вонь, что исходила от горы разлагающихся мертвых тел была невыносима, но для шамана-предсказателя этот запах предвещал лишь величие, ожидавшее его впереди.

Когда затмение вошло в зенит, Предвестник извлек маленькую склянку из складок своей потрепанной грязной накидки, и вылил ровно три капли резко пахнувшей жидкости на свои морщинистые черные губы. Спустя мгновение он согнулся пополам в судорогах и стал бессвязно орать на Темном Наречии, он именно орал, каркал и рычал, ибо в звуках этих не было не порядка ни логики, и походили они больше на крики ужаса и отвращения, чем на слова наполненные смыслом. Капилляры его глаз полопались, застилая белки красной пеленой, кровь брызнула промеж кривых желтых зубов на грязную бороду, похожую на связку крысиных хвостов.

Высоко в небе странная темно-зеленая вспышка осветила Моррслиб. Луна Хаоса пролила на землю тонкие струи этого свечения, что ползли вниз с шипением ядовитых змей. Заряды нечистой энергии упали по всему Дракненвальдскому лесу, но самый жирный и

грязный сгусток попал в гору трупов в центре поляны.

Мир вокруг на мгновение поблек и стал абсолютно бесцветным, так ярко было болезненное зеленое свечение, ударившее из-под наваленных в кучу мертвых тел. Затем гора гнилого мяса разом впитала в себя все свечение до последней капли. Вновь обретший краски мир сотряс оглушительный чавкающий грохот, когда родовой камень, находящийся внутри, переполнился силой Хаоса и взорвался ошметками мяса и костей. По всему лесу сотни меньших родовых камней так же взорвались, оставляя на своем месте, колышущиеся в воздухе, грязно-зеленые пятна порталов в другой мир.

Влажное пульсирующее тепло поползло по поляне от места, где раньше находился родовой камень. Когда звон в головах зверолюдов прошел, на место него пришли завывание и гогот бессмертных сущностей. Монотонный колокольный перезвон зазвучал со всех сторон, и миллионы жирных демонических мух вырвались в реальное пространство. Зверолюды ликовали, и потрясали своим оружием в дикарских жестах приветствия, славя своих богов, они приветствовали появляющихся из портала тварей.

Один за другим, вереница кривоногих пузатых демонов потянулась из рваной дыры в пространстве, что образовалась на месте родового камня. Они быстро заполняли поляну, вызванные ритуалом Пред-

вестника, им не было конца, и сила их была невероятна. Каждый демон имел один рог, один глаз и одно предназначение привести этот мир в эру чумы, которая будет длиться вечность.

Грегор Мартак тихонько застонал, ворочаясь во сне на куче пахнущего мочой сена. Он был переназначен с должности военного советника и теперь носил сан Великого Патриарха (Supreme Patriarch). Ему была до одури противна роскошь Имперского Дворца, что прилагалась в довесок к новому чину и так ценилась его меркантильным предшественником Гелтом (Gelt). Плюнув на все, Мартак отправился спать на конюшни. Янтарный волшебник (the Amber wizard) чувствовал себя намного комфортнее, окруженный запахом навоза, кусающейся мошкой и покалывающим бока сеном.

Но даже здесь Мартак не мог расслабиться, его сны были беспокойными и напряженными. Они были полны знамениями и видениями о будущем и не давали его измученному разуму ни облегчения ни отдыха.

В его разуме проносились видения огромной фигуры, мощного телосложения, закованной в заговоренную броню из древесной коры. Воин лежал, обливаясь холодным потом на вязанке из увядших ив, его глаза закатились, показывая дрожащие белки, преследуя фантомы, видимые лишь ему одному. Ноги титана до самых бедер были покрыты коростой могильного мха. Тело его было усыпано черными нарывами

и спутано, словно змеями, извивающимися грязно-зелеными побегами.

Возле его тела стояла небесная дева несказанной красоты. Один взгляд на нее мог залечить разбитое сердце, а ее прикосновение исцелило бы самые ужасные из ран. За ее спиной висела открытая клетка, сплетение из черных металлических прутьев с распахнутой настежь дверью.

Богиня упала на колени, причитая и оплакивая участь, что выпала ей и ее любимому. Она гладила ладонями изувеченное тело воина, но эти раны были слишком тяжелы даже для ее дара исцеления.

«Таал, - плакала дева, - Таал, любовь моя, крепись...»

Со страшным криком, Мартак проснулся в сене на Альтдорфских конюшнях, он был мокрым от пота, и животные по всем конюшням кричали вместе с ним.

Тем временем, в начале лета 2525, Орготтс Демонорвот и его вновь преобретенные союзники продолжали свой путь через Серединные Горы. В местах, откуда пришли всадники Ледяного Отрога, реальность порой, вдруг, уступала жестокости потустороннего мира эфира и демонических сущностей. На их родной земле, каждый прожитый час, мог считаться отдельным подвигом. И переход по морозным нагорьям Остланда, был для лициночных всадников все лишь легкой прогулкой. Их мерзкие верховые твари цеплялись

за острые скалистые уступы своими мясистыми лапами, оставляя жирные липкие кляксы, что тут же замерзали на холодном не дружелюбном ветру. Их крючковатые когти глубоко вгрызались в промерзшую землю, даря им необычайно прочное сцепление с обледенелой поверхностью, когда они, словно обезьяны в джунглях, прыгали по горным выступам. С вершины часто сходили лавины, но всадники Орготтса были всегда на шаг впереди. За ними двигались Искашенные (Repugnauts), племя воинов, что присоединилось к наездникам после небольшой стычки под стенами Бронзовой Крепи. На загривке каждой лициночной твари имелся шишкообразный нарост не чувствительной плоти. Каждый всадник ехал, глубоко погрузив лезвие своего клинка, в этот нарост, тем самым фиксируя себя на покатой скользкой спине ездовой твари. Нургл, так же одарил наездников отвратительным смрадом, схожим с запахом комковатой желчи, что твари то и дело изрыгали из своих утроб. Зловоние заставляло образин думать, что всадники были частью них, в противном случае, те рисковали быть пожраны своими собственными скакунами.

Небольшое войско Демонорвота без труда пересекло горы и заручилось поддержкой Искашенных, как и планировали Братья Глот. Всадники держали хороший темп, обычной армии пришлось бы потратить не меньше года, чтобы преодолеть пройденное ими расстояние. Хотя их пестрая процессия была не раз замечена зоркими Остландскими разведчиками, на фоне

ужасов тех масштабов, что обрушились на Империю за последнее время, никто из них не придал особого значения маленькому войску воинов Хаоса. Тем ни менее, Орготтс был уже не так далеко от намеченной цели, с планом, который любой вменяемый командир посчитал бы чистейшей воды безумием.

На пути Демонорвота лежал Талабхейм (Talabheim), так же известный, как Лесное Око (Eye of the Forest). Он находился в окружении дремучих лесов, населенных всевозможными дикими тварями. Сам город был построен в жерле мертвого вулкана, прочные высокие стены кратера служили ему отличной природной защитой. В город вела лишь одна дорога, через надежно защищенный тоннель, охраняемый военной заставой, именуемой Тлагаад (Talagaad). С тех пор, как участились случаи нападения живой мертвичины, а вспышки неизвестных болезней поразили добрую половину имперских земель, застава Тлагаада была находилась на военном положении и была усиlena большим отрядом городской стражи, а так же личным войском Графа Выборщика. Тоннель был наглухо забаррикадирован и даже опечатан заклинаниями на случай магических атак. Люди Талабхейма имели достаточное количество подсобного хозяйства, чтобы продержаться в изоляции стен кратера, пока не закончатся разрывавшие страну беспорядки.

Но все эти преграды мало что значили для всадников Ледяного Отрога

и их чудовищных боевых скакунов. Дождавшись прихода ночи, Орготтс и его чемпионы, направили своих ездовых образин вверх, по стенам остывшего вулкана. В тусклом лунном свете они обрушились на стражу, патрулирующую башенные укрепления на вершине кратера. Конечно же, люди никак не ожидали атаки со стороны пропасти, тем более атаки тварей из их худших кошмаров.

Среди застигнутых врасплох часовых началась настоящая паника. Огромные уродливые твари набросились на них из темноты летней ночи. Стрелы, мечи и огонь их не брали. Один их вид вызывал остоянение а запах исходивший от них – моментальную тошноту.

Морбидекс ликовал, когда его зверь по прозвищу Трехъязыкий, хватал бегущих в панике солдат и швырял за стену, в пропасть, навстречу неизбежной смерти. Ездовое чудовище Гнилорода изрыгало на солдат потоки дымящейся желчи, которая с шипением разъедала их кожу и выжигала глаза. Орготтс хрипло рычал восхваления Нурглу, когда его скакун хватал очередного солдата и без труда перекусывал надвое. Чумные всадники гулко хохотали, видя, как быстро сопротивление имперцев превратилось в трусливое бегство. Они догнали и убили каждого, не давая возможности поднять тревогу.

Всадники быстро спустились к подножию внутренних стен и, перебив оставшуюся стражу, освободили для Искаженных дорогу внутрь.

Такая стремительная атака воинов Хаоса, явилась для городских защитников абсолютной неожиданностью. Хотя, как раз за день до этого, Стража Талабхеймского Кратера (the Talabheim Caldera Guard) получила предупреждение от Светлого Волшебника Герованжиона (Celestial Wizard Gerovangion) о возможном нападении извне. Однако не все было так просто, и, достигнув городской черты, чумные всадники попали под обстрел подразделений лучников и арбалетчиков.

Не замедляясь, под обстрелом со стороны, Орготтс и его люди двинулись вглубь городских окраин под защиту стен и крыш домов. Тут-то их и встретило, собранное на скорую руку сторожевое войско Талабхайма. Всадники с ревом послали своих личиочных тварей в атаку. Смертным воинам нечего было и пытаться сопротивляться, когда плечом к плечу, верхом на своих огромных мутировавших чудовищах, чумные всадники врезались в их построения. Орготтс был безжалостен, сея смерть налево и направо, в то время как Блоб дал волю своим отвратительным заклинанием гнили и разложения. Рядом Морбидекс орудовал своей чудовищной косой. Твари не отставали от своих наездников и кровожадно сеяли смерть, раздирая с одинаковой легкостью плоть и броню обороняющихся людей.

Но даже у воинов Ледяного Отрога были свои пределы. Каждая попавшая в цель стрела, каждая рана оставленная лезвием алебарды, все больше и боль-

ше замедляло их свирепую атаку. Всадники оставили за собой горы трупов, среди которых уже деловито сновали неказистые, толстопузые нурглинги, следовавшие по пятам за Морбидексом Дваждырожденным. Шум боя пробудил спящий город.

Улицы медленно баррикадировались. На тех улицах, что не были перекрыты городскими войсками, горящая порубленная мебель, наваленная в человеческий рост, ярко пылала, образуя стены непроходимого пламени. Атаками кавалерии местных рыцарских орденов удалось уничтожить множество Искаженных, рассеявшихся по Храмовому Району (Temple District). Всадники атаковали единой лавиной, выставив вперед полутораметровые копья, пробивая навылет гниющую плоть оккупантов. Оставшихся в живых добивали, с расстояния, прикрывавшие кавалерию, знаменитые подразделения мушкетеров Бронзовые шары. Те, кого, по чистой случайности миновало острие копья, или пощадил винтовочный выстрел, попадали в руки бдительных городских охотников на ведьм и сжигались там же, в наскоро сооруженных очищающих кострах. Обугленные и окровавленные трупы захватчиков говорили лишь об одном - вторжение возможно остановить.

Окруженный трупами своих союзников, видя, как один из самых неприступных городов-крепостей Империи медленно восстает против него, Орготтс приказал трубить отступление. Были среди воинов Бронзовой Крепи и те, кто ослушался приказа и остался на

улицах города, чтобы быть заколотым или застреленным его защитниками. Оставшиеся же, во главе с тремя всадниками, спешно бежали за городские стены. Вдогон им громыхали выстрелы, свистели стрелы и болты. Оказавшихся в спасительной тени ночного леса, Орготтса и остатки его воинства, ждала неожиданная, но приятная встреча.

Многочисленная армия чумных демонов маршировала сквозь Талабхеймские леса, и воздух над ними кишел жирными зелеными мухами. Монотонный загробный перезвон колокольцев и флегматичное гудение, считающих вслух чумоносцев (*plaguebearers*), заполнило всю округу. Самые привилегированные из их числа, летели над остальными, верхом на огромных гниющих мухах. С вспученных опухолями студенистых брюх крылатых насекомых свисали дряблые склизкие конечности, оканчивающиеся крючковатыми лапами. Похожие на комья слизи и чего-то еще невообразимо мерзкого, вслед чумоносцам, ползли звери Нургла (*beasts of Nurgle*). За ними тянулся мокрый след гнили и амниотической слякоти. И во главе этого воинства в паланкине, поддерживаемом сворой нурглингов, ехал Король Личинок Эпидемиус (*Maggot King Epidemius*).

Приветливо скалясь, Орготтс направил своего монструозного жеребца навстречу Эпидемиусу. Кивнув, в знак извинения, что прерывает его великий труд, Демонорвот, поведал Королю Личинок о многочисленной городской защите и опасностях, что тот в себе

тает. Орготтс красноречиво расписывался, рассказывая, как велики стены города-крепости, что всего в нескольких шагах и уже созрел для вторжения. Что конечно, вряд ли пешая армия чумоносцев сможет что-то сделать тут, а город-то полон человеческих жизней, чьи тела можно превратить в превосходные инкубаторы для новых форм болезней и паразитов. Он что есть сил бил по самолюбию Эпидемиуса и не промахнулся.

С подчеркнутой медлительностью, Король Личинок отложил гусиное перо в сторону, подняв глаза на Орготтса, и взглянув на него так, будто заметил только что. С низким утробным хрипом он прогудел по слогам: « Если мы не можем добраться до защитников, что прячутся за высокой стеной, пусть защитники сами лезут к нам через эту стену».

Спешившись со своего паланкина, Эпидемиус долго кружил вокруг ездовой твари Орготтса, что-то выискивая и постоянно записывая в пергамент из кожи. Затем он, вдруг остановился и коснулся дорожной сумки, на боку чудовища. Откинув верх мешка своим гнилым нестриженным ногтем, он с любопытством заглянул во внутрь сумы. На дне лежала амфора с чумой, что передали Братья Глот. Вот он ключ к решению всех проблем, вот как им удастся сломить защиту Талабхейма.

До того, как луны вошли в зенит, Орготтс приказал соорудить огромное костровище под стенами Талабхейма, при этом щедро используя гнилую дре-

весину, чтобы костер больше дымил, чем горел. Вскоре дерево подожгли. Как и было задумано, гнилая и сырая древесина не горела, а испускала вонючий удушливый дым, что стал подниматься в небо широким столбом. Демонрвот откупорил керамическую урну и высыпал ее содержимое в тлеющий костер. Дым моментально изменил свой цвет. Из темно-серого, он стал коричнево-зеленым. Жирным столбом он повалил в небо, набирая скорость, разрастаясь и закручиваясь в воронку грязного смерча. Изрыгнув под облака поток нечистот, костер вновь стал обычным и продолжал тлеть. А тем временем заразная мерзость, поднявшаяся с дымом в небо, сформировала над городом плотную завесу черных туч. Под оглушительный грохот тучи прорвало, и начался потоп.

Эпидемиус алчно хохотал, когда потоки гноя и зараженной крови пролились на крыши и улицы Талабхейма из чумных туч. Его слух ласкали крики ужаса и отчаяния городских жителей, что еще недавно чувствовали себя в полной безопасности за высокой стеной. Все произошло так внезапно, и было так нереально, что город тут же захлестнула паника. Когда канализации переполнились, и улицы начало затоплять, преимущество города-внутри-вулкана впервые обернулось против него. Вирусный дождь лил, не прекращаясь, с неестественной плотностью. Люди в панике выбегали на затопленные улицы, а тем временем зараженная нечистотами дождевая вода стала доходить почти до колен.

Вонь, что источала падающая с неба дрянь, повергала в ужас самых стойких из жителей, люди толкали друг друга, топтали и лезли по головам, пытаясь найти сухое место вне жидкой заразы, что постепенно затопляла их город. Большинство из жителей тут же поддались основному из природных инстинктов при наступлении угрозы и побежали. Они карабкались через городские стены кратера в надежде на спасение.

Военная элита Талабхейма быстро пришла к выводам, что обрушившийся на их город поток был делом рук захватчиков, что они недавно изгнали за городские стены. Казалось очевидным, пока живы враги, этот ад не прекратиться. Собрав все боеспособные воинские подразделения, под звуки боевых рожков, регулярная армия Талабхейма вышла через тоннель Талагаада чтобы дать бой неприятелю.

Поступив столь опрометчиво, защитники Талабхейма добровольно передали себя в лапы смерти. Ловушка Эпидемиуса захлопнулась.

ДЕМОНИЧЕСКАЯ БРАТИЯ

Своевременная встреча с армией Эпидемиуса помогла Орготтсу Демонорвоту успешно завершить штурм Талабхейма. С помощью силы, скрытой в чумной амфоре, личночному наезднику удалось выманить защитников из безопасности городских стен прямо в лапы демонической орды.

Орготтс Демонорвот

Был лидером среди трех личночных наездников, возглавивших атаку на Талабхейм. Тех, кому удавалось пробить шкуру Демонорвота, ждал неприятный сюрприз. Когда, под неестественным давлением из раны, их обдавало потоком шипящего демонического ихора, разъедавшего плоть и доставлявшего заразу прямо в кровь. Часто бывало, что враги Орготтса умирали до того, как его лезвие касалось их.

Эпидемиус

Эпидемиус пользовался большой благосклонностью у Отца Нургla. Все заразные твари и чумные отродья, будь то личинка или чумоносец, с уважением замолкали в его присутствии. Ибо Эпидемиусу требовалось наивысшая сосредоточенность, чтобы записывать каждую новую болезнь, что Чумной Владыка сумел обрушить на мир смертных. Единственные звуки в его присутствии были чирканье пера о бумагу и вопли умирающих зараженных.

Блоб Гнилород

Колдун Блоб получил такое количество даров от Нургla, что единственное, что осталось у него от человека, которым он был когда-то, это его кожа. Но даже она была покрыта укусами и волдырями. Дело в том, что демонические мухи, которых он призывал, используя свои заклинания, сильно кусались, когда нетерпеливо рвались в материальный мир, выполняя из яиц, бугрящихся под его кожей.

Морбидекс Дважды-рожденный

Морбидекс воспринимал войну, как своеобразный спектакль. Когда он шел в бой, вид чемпиона Хаоса верхом на громоздкой уродливой твари, в сопровождении толпы беснующихся нурглингов, мог обратить в бегство небольшую армию. В купе с его ужасающей внешностью, злобное хихиканье, что издавала толпа нурглингов, когда их повелитель шел в бой, могли сломить волю самого стойкого врага.

Клинки Счетовода

Ударную силу армии Эпидемиуса составляли чумоносцы. В прошлом смертные, добровольно отдавшие себя во власть разложения и гнили, чтобы переродиться в столь ужасной и черной форме. Призванные в мир смертных ритуалом Предвестника, они надеялись записать болезни, поразившие Империю. Но, вряд ли им это когда-нибудь удастся, ведь каждый из них является рассадником новых инфекций и заболеваний.

Искаженные из Бронзовой Крепи

Воины, вставшие под знамена Орготтса в Бронзовой Крепи, как один, были ветеранами сражений, и все до единого, были поражены демоническими мутациями. Каждый из них, хотя бы однажды, но побывал в прошлом на тропинках зараженных садов Нургла. Так же как и их новые союзники, они были готовы на все, лишь бы увидеть этот мир переродившимся по образу и подобию загрязненного рая своего повелителя.

Гнойные Трутни

Эти высокопоставленные чумоносцы, помогали Счетоводу в записи особо сложных форм заболеваний и инфекций. Способность передвигаться по воздуху, давала им возможность обозревать большие территории, но также делала их смертельными врагами. Гнойные Трутни могли обрушиться на ничего неподозревающего противника с воздуха, изрубить и покусать до смерти.

Приятели Морбидекса

Хотя сам Морбидекс, едва ли знал имени нескольких из них, ковер булькающих, копошащихся и хмыкающих нурглингов следовал за ним, куда бы тот не отправился. Сбиваясь в многочисленную кучу, они могли справится даже с самым опасным и стойким врагом.

Орготтс Демонорвот
Личночный наездник

Блоб Гнилород
Личночный наездник

Морбидекс рожденный
Личночный наездник

Искаженные из Бронзовой Крепи
Клан прогнивших Королей Гниения

Эпидемиус, Счетовод Нургала

Клинки Счетовода
Толпа Чумоносцев

Гниющие Певцы
Орда Чумоносцев

Пагубные Клинки
Орда Чумоносцев

Нелепые
Орда Чумоносцев

Гнилостный Карнавал
Шесть Орд Чумоносцев

Несущие Слизь
Три Зверя Нургла

Звери-Проходчи
Семь Зверей Нургла

Гнойные Трутни
Три стаи Чумных Трутней

Трижды Разаженные
Стая Чумных Трутней

Пагубные Приятели
Стая Нургликов

Приятели Морбидекса
Стая Нургликов

Колыхающиеся Бубоны
Стая Нургликов

ВОЗМЕЗДИЕ ТАЛАБХЕЙМА

Мужчины Талабхейма, вымокшие в заразной жиже, что пролилась с неба, чихающие и кашляющие от инфекций, что наводнили улицы, бежали за стены своего города. Но они вовсе не намеревались оставлять город на разорение захватчиков. Они страстно желали поквитаться с демонической мерзостью, что ждала их под стенами снаружи. Ярость мщения наполняла их сердца, ненависть к захватчикам направляла их мечи.

Адрик Гринвуд

Отшельник, известный в трущобах Талабхейма, как Адрик Гринвуд был могущественным оборотнем. Большинство свободного времени Адрик проводил сидя на ветвях деревьев, но легко мог обращаться мантикой или химерой, когда его помощь была необходима для защиты близких ему людей.

Ребан Грисс

Грисс был человеком с дурным характером, и Великий Потоп только способствовал его дальнейшему ухудшению. Хотя его манера брюзжать и ставить все под сомнение не позволили ему обзавестись достаточным количеством друзей за всю его долгую карьеру военного, он был весьма талантливым и уважаемым командиром.

Мастер Инженер вон Стрейхоф

Инженер вон Стрейхов украл паровой танк Мираглиано из Талабхаймской Инженерной Школы, когда случился Великий Потоп. Управляя хитроумным изобретением, вон Стрейхов вывел машину за стены города, чтобы присоединиться к сражению.

Бронзовые Шары

Мушкетеры, патрулирующие стены кратера называли себя Бронзовыми шарами, люди знали, что это название они носят из-за металла, из которого сделаны пули их мушкетов, хотя сами стрелки объясняли свое прозвище совершенно другим образом. Во главе стрелков был Лутигер Свифт, ветеран Сильванской компании.

Талабхаймские Дворняги

Вульгарные и дурно-пахнущие воины, Дворняги были самым многочисленным и распущенным воинским формированием Талабхейма. Их грубое братство славилось своей выносливостью и способностью сражаться в самых жестких и грязных условиях.

Пушки Сутстона

Легендарный артиллерист Бенек Сутстон, после возвращения из Сильвании, был пристреленным ветераном. Теперь он обучал артиллеристов-новичков Талабхейма лучшим способам уничтожения живой или мертвый силы противника. Каждое ядро его пушки было гравировано священным символом Хэльденхамера и наполнено трижды благословленной серебренной картечью.

Лезвия Кратера

Каждый полк Талабхема имел свою символику и цвета, но в основной своей массе они назывались Лезвиями Кратера. За всю славную историю, Лезвия Кратера защищали Талабхейм от Ваагх!, вторжения крысоловов, а так же от магма-монстров Коракаграка, колдуна дварфов Хаоса.

Взбесенные Бродяги

За месяц до наступления войск Орготтса толпы босоногих нищих фанатиков наводнили город. Они слонялись по улицам, предрекая грядущий конец света. Они громко орали о том, что город прогнил и погряз в поро-ке. Однако, когда пришло время, присоединились к защитникам в гряду-щем сражении.

Ребан Грисс
Имперский Генерал

Адрик Гринвуд
Боевой Маг Янтарного колед-
жа

Бретус вон Стрейхоф
Мастер Инженер пилотирую-
щий Паровой Танк

1 - 11-й Талабхеймский, «Лезвия Кратера»
Тринадцать подразделений
Штатный войск

13-й Талабхеймский, «Бронзовые Шары»
Три подразделения Мушкетеров

Большая Талабхеймская Артиллерийская Батарея
Четыре батареи Большых пушек,
три батареи Мортир, одна батарея
Хеллблasterов

**14-й Талабхеймский, «Та-
лабхеймские Дворяги»**
Три подразделения Копейщиков

Взбесенные Бродяги
Компания Флагеллянтов

Привратники
Подразделение, вооруженное
двуручными мечами

**15-й Талабхеймский «Еге-
ри»**
Группа лучников

**16-й Талабхеймский «Ох-
ранники Калдера»**
Группа лучников

**23-й Талабхеймский «Бер-
дыши Восточной Башни»**
Подразделение вооруженное
бердышами, добавленное муш-
кетерами

**24-й Талабхеймский «Мар-
шерующие Храмовники»**
Полк мечников

**20-й Талабхеймский
«Красные дула»**
Полк мушкетеров

Шулера Кратерных Улиц
Смешенное подразделение

Уличные Девы
Смешенное подразделение

Промокшие
Смешенное подразделение

БИТВА ЗА ТАЛАБХЕЙМ

Войско защитников, вышедшее из ворот Талабхейма, насчитывало более тысячи суворых, испытанных в боях, воинов. Со стен кратера их прикрывала артиллерия и стрелковые подразделения, кроме того, на выходе из города к ним присоединились толпы фанатиков и один паровой танк. И все-таки, войскоказалось смехотворным, на фоне полчищ демонов, что ожидали их снаружи. Чумоносцы, потоком разлагающейся плоти, мыча и богохульствуя вслух, хлынули к западной стене города-кратера, чтобы перехватить и уничтожить защитников. Их одноглазые рыхлые лица оставались абсолютно равнодушными, когда они, словно вытаптывали, в потоках льющегося с неба белого гноя, потрясая в воздухе своими ржавыми короткими мечами, прославляя своего щедрого Праотца.

Некоторые из демонов складывали свои ладони чашечкой, наблюдая, как там скапливается льющаяся с неба зараза. Они самозабвенно пересчитывали инфекции, плавающие в гнойной жиже. Первые ряды чумной фаланги уверенно ковыляли вперед на своих кривых ногах, сутулясь, выпячивая прогнившие насквозь животы. Их вели в бой три всадника Ледяного Отрога, что в нетерпении ощупывали эфесы и древка своих оружий, хохоча над переменчивой удачей.

Когда орда чумоносцев пошла в наступление, защитники Талабхейма, видя, что отступать им, в общем-то,

некуда, обнажили свои клинки и с криком ринулись в бой по разжиженной грязной земле.

Чумное войско столкнулось с рядами защитников, это была не яростная атака северян и не безумная рубка орков, а вязкий пресс гнилой плоти и ржавого металла. Отрыгивая на противника вонючую ядовитую жижу, и рубя тупыми ржавыми треугольными мечами, демоны медленно оттесняли людей назад. Копья Талабхеймских Дворняг безошибочно пробивали вспученные животы и покрытые опухолями грудные клетки, некоторые демоны лопались, как пузыри, не оставляя после себя ничего кроме дымящихся луж нечистот. Но тварям просто не было конца. Передние ряды чумоносцев, даже не пытались защищаться. Они напарывались на пики и бердыши, продолжая упорно идти вперед, даже когда лезвия выходили навылет позади их ссутулиных спин. Демоны монотонно бормотали свои нечестивые молитвы, пытаясь свести людей с ума, и тянули свои крючковатые пальцы с разложившимися ногтями к лицам солдат. Их тела, кишащие паразитами и инфекцией, были сами по себе оружием. Кто-то из защитников кашлял, кого-то рвало, а кто-то уже бился в агонии на земле, в грязных наполненных нечистотами лужах.

Ряды защитников готовы были сломаться, когда раздался громкий командный голос, призывавший людей не ныть, быть мужчинами и собрать

свою волю в кулак, для защиты своей Родины. Ребан Грисс пробивался к передней линии обороны. Оказавшись в передних рядах, он яростно размахивал своим мечем, личным примером воодушевляя солдат. Его воля была сильна, а решимость непоколебима, демоны под ударами его клинка вспыхивали зеленым огнем и покидали реальность, возвращаясь восвояси. Копейщики, окружавшие Грисса, прониклись его рвением и прокричали своим товарищам в четвертых и пятых рядах, подпереть концы древок их копий ногами. Накренив копья чуть вверх и удерживая их на сгибах локтей, копейщики достали короткие мечи и кинжалы, завязался жестокий ближний бой. Клинки кололи заросшие катарктой глазницы и секли вязкую разложившуюся плоть, в ответ ржавые тупы мечи дробили людские кости и рвали кожу, сея заражение и смерть. Мечники и алебардщики атаковали прокаженных уродов с правого края, яростно истреляя гнилые отродья, не жалея сил и не щадя себя. То, что начиналось, как добровольное самоубийство, плавно переросло в отчаянную мясорубку, когда имперская машина вцепилась в противника мертвой хваткой.

Спустя час с начала сражения, одна десятая часть войск Эпидемиуса была уничтожена и превратилась в грязные лужи дымящегося ихора.

Используя свое преимущество, Бронзовые шары, открыли огонь с вершины стены по приближающимся со стороны противника по воздуху грузным крылатым тварям. Сержант

мушкетеров, Лутигер Свифт, скомандовал целиться в сочленения крыльев и головы чумоносцев, сидящих верхом, на шелушащихся струпных головогрудях огромных мух. Хотя большинство выстрелов на возымели эффекта, некоторые все же сделали свое дело, и пара демонических летунов, потеряв крылья и своих седоков, спикировали вниз, словно гротескные семена явора.

Но вот обозленные трутни обрушились на головы стрелков. Их крючковатые многосуставчатые лапы рвали плоть, а ржавые клинки их наездников срывали скальпы и дробили черепа. Бронзовые шары огрызнулись залпом, а затем использовали свои мушкеты как дубинки, отбиваясь окованными железом прикладами от брезвально напирающих флегматичных гнилых уродов. Здоровая жирная крылатая тварь оказалась в метре над площадкой, вплотную к сержанту Свифту. Ее извивающийся склизкий хоботок присосался к лицу зазевавшегося Лутигера, мгновенно заглотив его голову по плечи и подняв трепыхающееся тело в воздух. Неестественно растягиваясь, утроба трутня за считанные секунды пожрала оставшееся тело, а с ним и остатки мужества Бронзовых шаров. Больше трутней опустились на площадку, и мушкетеры бежали в ужасе.

С глухим жужжанием твари преследовали убегающие жертвы. Настигая, они поднимали солдат в воздух, где цепко держа, вспарывали животы и с наслаждением копались в теплых внутренностях. Прогремел оглушительный залп, и с десяток трутней пре-

вратилось в грязный дождь оторванных конечностей и вонючих кишок. Из укрытой в нижнем ярусе кратера амбразуры, Бенек Суттсон скомандовал расчетам перезарядить пушки и работать по новым целям. Вновь заговорили орудия батареи Сутсона, разя медленных жирных трутней. Одному из чумоносцев, сидящему на спине летающего гада, ядро начисто сорвало голову, обезглавленное тело задергалось, вслепую размахивая ржавым клинком и вонзило его прямо между фасеточных глаз несущего его трутня. Летающая тварь задергалась в агонии, кидаясь из стороны в сторону, врезаясь в летящих по бокам соплеменников. Мгновение позже повторный залп прервал мучения, разорвали ее в клочья.

Внизу, паровой танк Мираглиано с шипением и чавканьем полз по передним рядам противника. Отдача пушечного залпа, чуть качнула его назад, когда в облаке белого дыма танк отрыгнул свистящее ядро, что, перелетев через несколько рядов чумоносцев, врезалось в боевого скакуна Морбидекса, Трехъязыкого, оторвав тому правую лапу и часть туловища, так, что сквозь обломки ребер стали видны его пульсирующие внутренности. Несмотря на страшнейшее увечье, тварь продолжила свое движение вперед, даже не замедлившись. И когда Трехъязыкий атаковал порядки имперских защитников, его страшная рана уже затянулась фиолетовой коростой, а на месте оторванной лапы торчала новая, скрученная, отрастающая конечность.

Рядом с Морбидексом бесновались Блоб и Орготтс. Как волки в стадо овец, троица ворвалась в толпу фанатиков Зигмаритов, что пытались преградить им дорогу. Цепы безрезультатно били по толстой белесой плоти огромных матировавших скакунов, некоторым даже удавалось достать по ногам их всадников. Но эти удары были смешными царапинами, по сравнению с теми ранами, которые чемпионы Повелителя Разложений переживали в вереницах боев, на протяжении последних сотен лет. Морбидекс занес свое похожее на косу древковое оружие и, со свистом рассекаемого воздуха, опустил кривое лезвие на головы толпящихся под ногами фанатиков, сразу же обезглавив двоих и смертельно покалечив еще четырех. Павших на землю раненных, быстро поглотила волна хохочущих, хрюкающих нурглингов. Рядом, Блоб взмахнул своими раздутыми тучными руками, и рой плотоядных мух устремился из складок его гниющей одежды прямо в толпу флагелиантов. Облепляя несчастных фанатиков, мухи оставляли за собой лишь окровавленные кости. Орготтс взмахнул своим заговоренным оружием, двусторонним топором Гнилорубом (Rotaxe), и ржавая сталь, со звериным рычанием сняла голову с плеч карабкающегося на бок его скакуна фанатика. Его ездовое чудовище, Кнутоглот (Whippermaw), разинуло свою бездонную пасть, выплевывая длинный опухший язык. Попав в ближайшего Зигмарита, язык плотно обвился вокруг его глотки и медленно потащил орущего человека к двойным челюстям, что пережевали того как гранитные жернова.

За минуты все было кончено. От толпы верующих осталось лишь окровавленное тряпье их одежд, да груды изувеченной плоти. Демонорвот и его чемпионы двинулись на поиски более достойных противников.

И вскоре они встретили такого вра- га в лице Янтарного мага Адрика Грин- вуда. На вершине кратера возникла человеческая фигура, ореол, что она излучала, потрескивал от волшебных энергий. Фигура начала увеличиваться в размерах и менять форму, поглощая магическое свечение. И вот, ревущая мантикора бросилась вниз, расправив свои широкие кожистые крылья. Спи- кировав за спину Орготтсу, крылатая зверюга вонзила в него свои когти раз- мером с кинжал. Орготтс взревел в гне- ве, когда с треском его плоть на спине отслоилась, оголяя позвоночный столб, он взмахнул своим топором пытаясь достать хищника. Ездовая тварь Демо- норвота с необычайным проворством развернулась на сто восемьдесят гра- дусов, и мантикоре пришлось взмыть в воздух, чтобы избежать смертоносных объятий склизкого языка.

Морбидекс ринулся в атаку с вы- соко поднятой косой, но мантикора ушла от удара, взмыв выше на своих кожистых крыльях и атаковала Бло- ба Гнилорода. Вцепившись в дряблую кожу Блоба, мантикора рванула вверх, напрягая каждый мускул своего звери- ного тела. Кожа Гнилорода прорвалась в нескольких местах, выпуская наружу потоки мутного гнойного ихора и в это время его личиночный скакун изры- гнул вверх фонтан густой слизи. Попав

на шкуру крылатого чудовища, пище- варительные соки с шипением нача- ли проедать плоть. Мантикора с воем отпрянула в сторону, где ее встретил победоносно ревущий Морбидекс. В широком замахе он обрушил кривое лезвие косы на голову зверя.

Мантикора поднырнула под удар, и лезвие лишь срезало ей полови- ну хвоста. Лавирия и уходя от атак всадников, крылатый зверь оказался слишком близко к земле, на которой продолжали идти ожесточенные бои. Огромный чумной воин племени Ис- каженных Бронзовой Крепи, вскинул вверх широкое лезвие своего серпо- видного клинка, и всадил его глубоко промеж ребер пролетающей над ним мантикоры. Крылатый зверь громко взывал, не в силах затормозить полет, распарывая свою грудную клетку о ржавую сталь. Рванувшись, истекаю- щему кровью хищнику все же удалось освободиться и набрать высоту. В это время Орготтс нагнулся и вырвал бер- дыш из коченеющих пальцев мертвого городского стражи. Взвесив оружие в руке, он с силой метнул его в сторону раненного крылатого зверя. И на этот раз промаха не последовало. Длинное узкое навершие вошло точно в левую глазницу мантикоры, удар развернул зверя в воздухе, прежде чем тот рух- нул на землю. Крылья и звериная шку- ра пропали, теперь это был всего лишь захлебывающийся кровью Янтарный маг. Ликующие, пританцовывающие нурглинги, обступили умирающего со всех сторон и дружно накинулись вол- шебнику, сделав последние минуты его жизни настоящей агонией боли.

Эпидемиус вполглаза следил за разворачивающейся перед ним бойней, непрерывно шкрябая пером по кожаной странице пергамента. Он сосредоточенно подсчитывал количество новых болезней, что были рождены в резне и убийствах, учиненных здесь его воинами. Нурглинги, как раз проносили его паланкин мимо трех Развалин, безуспешно пытавшихся атаковать имперский паровой танк. Укрытая листами брони со всех сторон, тяжеловесная машина, ползла сквозь ряды чумоносцев, не встречая особого сопротивления, размазывая их тела по земле. Эпидемиус отдал короткий приказ, и одна из Развалин бросилась на танк, Орудие Мираглиано рявкнуло, и демона разорвало пополам выплетевшим из пушки ядром.

Эпидемиус покачал головой в печальном разочаровании и подал знак нурглингам, махнув гусиным пером в направлении паровой машины. Свора толстых неуклюжих демонят со всех сторон облепила остановившийся танк. Один из маленьких уродцев демонстративно впихнул свои мясистые зеленые ягодицы в дуло пушки, закупорив ими жерло короткого башенного орудия. Он таращился по сторонам, хихикал и деловито ковырял пальцем в носу. Пушка вновь выстрелила. Но в этот раз ядро не покинуло дула, внутри машины что-то громыхнуло, и танк разорвало пополам. Железные осколки брызнули в разные стороны, поражая солдат, что использовали танк в качестве опорного пункта, некоторых обварило паром из заклинивших механизмов. Люди кричали,

катясь по земле с обваренной кожей, что слезала пластами, рядом стонали те, кому стальными осколками срезало руку или ногу. Один из таких осколков угодил прямо в горло Ребана Грисса, навечно запечатав его крикливый рот, и укротив его буйный темперамент.

С гибелю их командира, и потерей самой мощной военной машины, войска Талабхейма растеряли последние крупицы боевого духа и были окончательно сломлены. Показав врагу спину, они в панике бежали через Талагаад и влились в толпы беженцев, что текли по направлению к Альтдорфу. Празднуя победу, купаясь в гнойном заразном ливне, что все не прекращал, демонические отродья шли следом за ними.

В то время, как Тлабхеймские беженцы наводнили берега Реки Талабек ища спасения в направлении Альтдорфа, грузная фигура двигалась сквозь заразный туман, повисший теперь на улицах столицы. Фигура двигалась неспешно, по хозяйски осматриваясь, напевая себе под нос сиплым низким голосом какую-то веселую песенку. На его тучных плечах сутилась пара коричнево-зеленых нурглингов. Они держали в своих коротких лапках тяжелый черпак, которым помешивали варево, бурлившее в странном похожем на котел аппарате, пристегнутом ремнями к спине напевавшего. Фигура заглядывала в каждое окно каждого дома. Маленькие помощники, ловко орудуя огромной поварешкой,

с готовностью зачерпывали порцию гнилой пузырящейся жижи из котла, передавая в опухшие руки своего хозяина. А он, в свою очередь, аккуратно размазывал ее по каждому подоконнику, каждого дома, что попадался им на пути. За спиной, по всей улице, из окон домов валил грязно-коричневый смог, когда колдовская жидкость вступала в реакцию с окружающей реальностью, которая начинала уже дергаться и искаляться. Смог расползался по земле и стенам домов, извиваясь, точно побеги какого-то змеевидного демонического растения.

В ста милях к западу, Рейк покрылся черным ковром влажных хлюпающих пластов зараженного мха. На его берегу стояли трое, с отеческой любовью и гордостью они смотрели на колышущуюся массу инфицированной поросли. Двое из них были воинами, облаченными в ржавый доспех и гниющую ветошь, третий же был горой разлагающихся мускулов, размером с двухэтажный особняк. Далеко на горизонте пылал Карробург, прибрежный город, что держал осаду в течении нескольких месяцев, прежде чем пасть в немилосердные руки захватчиков. Нескончаемый поток татуированных мускулистых тел двигался по реке в направлении Альтдорфа, не на кораблях или баржах, они шли пешком. Мок паразитировал всю реку от Маренбурга до Рейквальда. То там, то тут, среди островов губкообразной замшелой пакости, виднелись перевернутые прогнившие оставы некогда прекрасных речных судов, напоминавшие теперь тихие

мрачные склепы. Замшелый ковер был настолько крепким, что даже тяжело бронированные воины в полном снаряжении могли без проблем перемещаться по его поверхности. Войско прошло не малый путь, и теперь было, как некогда близко к своей цели. Высоко подняв над собой, Норсканцы несли трофейные знамена, увешенные отрезанными головами и частями тел, своих поверженных противников. Запекшаяся кровь покрывала угрюмые, полные решимости лица северян. Воины скалились в предвкушении финальной резни.

В Серых Горах Бронированная колонна двигалась вперед, не сбавляя темпа, времени на задержки не оставалось. Во главе войска ехал верхом на своем гипогрифе, суровый воин. Ему почти исполнилось сто лет, но он выглядел, как мужчина на пике своих физических возможностей (не стал переводить «в полном расцвете сил» из-за ассоциации с Карлсоном – примечание автора). В его войске было достаточно рыцарей, чтобы полностью перекрыть Рубленный Проход (Axe Bite Pass). Пегасы рассекали облака своими сильными белоснежными крыльями над головой короля. Рядом с ним ехали в седлах достойнейшие и благороднейшие из мужей его страны. И хотя, в последнее время, на долю этих воинов пришлось так много кровопролитных сражений, они снова были готовы идти в битву, ведь их союзники остро нуждались в помощи. Рыцари Бретонии жили по законам чести, и честь требовала, если понадобится, отдать свои жизни за друга, что оказался в беде.

В потоках льющего гнойного дождя, демонические твари карабкались через стены кратера опустевшего Талабхейма. В свете удачно проведенных компаний, личиночным наездникам удалось заключить немало выгодных союзов. Запах крови и смерти привлекал в их ряды всевозможных богомерзких тварей со всей округи. Последним в числе примкнувших, было племя дикарей, чей безумный вожак смог привлечь на свою сторону кровожадного бронзового быка, посулив тому реки крови. Были среди вновь присоединившихся твари настолько уродливые и бесчеловечные, что шли лишь на запах присутствующих демонов. Близился час кровавого пиршества и насилия.

Высокий южанин брел по Остландским пустошам, его бесценный рунный меч покоился в ножнах на его бедре. Черты его благородного лица исказила гримаса усталости и боли. Сломанные кости постепенно срастались, но его верный грифон был еще слишком слаб, чтобы лететь. Воля человека с юга была нерушимой как громрил (gromril), а пламя что бушевало в его груди, было способно растопить десяток Кислевских зим. Во что бы то ни стало, он вновь займет свой трон и встанет во главу своей армии, чтобы увидеть, как враг падет под натиском имперских войск. Пусть даже это будет последнее, что он увидит в своей жизни.

Далеко на севере, на склоне фьорда, в потоках свирепого ледяного ветра, дувшего с Моря Когтей, в седле своего демонического скакуна сидел воин, закованный в искусно выделанную ста-

ринную броню. Король наблюдал, как сотни Курганских (Kurgan) дракаров покидают залив и выходят в открытые воды. Хотя черты его лица были скрыты за однорогим глухим шлемом, уголки его рта были растянуты в улыбке, холодной, как черные глубины океана. Предписанное судьбой невозможно было остановить, и ему нравилось, как звучит эта фраза.

В глубине буйно гноящихся зарослей чумных садов Нургла, кусок гниющего мяса поудобней примостился в своем любимом серном болоте. Воздух был смрадным и тяжелым, но касание его было теплым и мягким, как воспаленная плацента. Жижа вокруг пузырилась и приятно щекотала лопнувшие нарывы и края гноящихся ран. Еще один долгий день подходил к концу, очередной в длинной веренице, что он пытался приблизить этот уродливый мир к тому идеалу, что удовлетворил бы его Отца. Но эта кропотливая работа, была сама по себе наградой. Демон чуть отклонился назад, приятно ощущая, как теплая бурлящая слизь обволакивает его торчащий наружу позвоночный столб. Он в наслаждении прикрыл глаза, мечтая о том, как изменит мир смертных, сделав его точной копией этого рая.

Небольшой кавалерийский отряд, шел во главе войска маньяков, убийц и монстров, что двигалось через Дракенвальдскую чащу. Корни деревьев и лесные заросли больше не замедляли их шаг. Толстые шипастые побеги скручивались в спираль, достаточно широкую и высокую, что внутри нее,

конные воины могли двигаться свободно в несколько рядов. Чумная лоза вырвала кустарники и деревья, разбросав их в стороны, образовав огороженную просеку, и войско Хаоса двигалось по этому живому змеящемуся коридору. Во главе марширующей армии, стоя на вершине своего походного алтаря и напряженно вглядываясь в горизонт, Гатрот Спюм в нетерпении теребил свои щупальца.

Тroe женщин, закутанные в белоснежные шелка, неотразимые в своей красоте, но черные сердцем, презрительно зашипели, глядя на зеленые побеги, паразитирующие на деревьях окружавшего их Дракенвальдского леса. Магистр, что ехал во главе войска, резко приказал им закрыть свои рты и молчать. Несдержанность дам не только могла унизить его в глазах величайших из вон Карстенов, но, также и навлечь гнев самого Нагаша. Близилось время правления его богоподобного господина, и ценой за малейшую оплошность или неточность было полное уничтожение. Магистр не мог допустить не малейшего отклонения от планов, только не сейчас. В холодных реалиях войны ошибки бывают лишь роковыми, и вампирам только предстояло разыграть свою карту.

В мире снов звезды мерцали в соломенных прядях волос небесной девы. Слезы капали, срываясь с длинных ресниц, и ее ничем не прикрытая скорбь отдавалась раскатами грома в небесах мира смертных. Двое молча наблюдали за плачущей девой со стороны, мать – облаченная в зелень и седовласый бо-

родатый мужчина в накидке из волчьей шкуры. Их лица были переполнены печалью, но они не хотели мешать и держались на расстоянии. Перед девой лежал ее богоподобный любовник, пораженный треклятой инфекцией. Он еле слышно стонал в тяжелом бреду, на губах его пузырился гной, судороги пробегали по бледному лицу. Старый Свет ощущал каждую новую судорогу сраженного бога, и в своих кроватях крестьяне, патриархи, купцы и солдаты плакали, терзаемые ужасными сновидениями.

Лишенный сна, могучий воин вышел на балкон Императорского Дворца и окинул Альтдорф своим напряженным взглядом. Столица находилась на грани краха. Затмевая свет уличных фонарей, горели костры, в которых сжигали зараженные трупы. Пожары полыхали и в местах вспыхнувших беспорядков, где обезумившая толпа в бессилии и панике громила все вокруг. Воин извлек из инкрустированных драгоценными камнями ножен свой меч. Он взмахнул выкованным дварфами клинком, вслушиваясь в свист с которым тот рассекает воздух. Тяжесть оружия в руке успокаивала воина. Он взмахнул им еще раз. Как жаль, что храбрости и острой стали недостаточно, чтобы излечить ужасные заболевания или стереть из памяти стоны гниющих заживо людей, что долетали до его слуха сквозь пелену черного дыма, накрывшего город.

Колокола на Глокенторе пробили полночь. В шумном перезвоне, он как будто бы смог расслышать прон-

зительный женский визг. Перезвон прекратился, его эхо последний раз прокатилось под потолком и затихло. Неожиданно на фоне звуков доносящихся с улице, что давно слились в низкий гул вновь закричала женщина. Ее крик захлебнулся в плаче и перешел в завывание. Откуда-то он понял, что это мать оплакивает свое мертвое чадо и ему вдруг стало не по себе. С глухим стуком пергамент упал на пол со стола за его спиной.

Седой воин напрягся всем телом и глубоко выдохнул. Затем он вдруг сорвал со стены ближайший факел и выбежал прочь из своих покоев. Он спешил по винтовой лестнице на вершину сигнальной башни Императорского Дворца, чтобы зажечь самый главный костер в этой ночи.

Northern Wastes

Legend

Chaos Invasion

Vlad Von Carstein's Journey

Bretonnian Crusade

ГЛАВА 4

Вторжение в Альтдорф

Осень 2525

С каждой ночью, желто-зеленый туман, распространявшийся по улицам Альтдорфа, становился все более насыщенным. К наступлению Зигмарзита он стал настолько плотным, что людям приходилось выходить из домов, предварительно обвязавшись длинной веревкой, чтобы суметь отыскать дорогу обратно. Стража патрулировала город так же, обвязываясь между собой веревками, чтобы не потерять друг друга из виду в забитых зеленым смогом переулках. Вдобавок к практически нулевой видимости, то тут, то там, в тумане сновали бесформенные уродливые силуэты. Похожие на пауков и горбатых слизней, они тотчас же исчезали при первом же появлении уличных патрулей. По прошествии каждого часа, раздавался глухой перезвон колоколов, он скорее походил на чумную тревогу, чем обычный звон городовых.

Туман высасывал из людей жизненную силу, делая вялыми и флегматичными даже самых стойких и атлетически развитых. Дети и старики увядали на глазах. Воды рейка застоялись и стухли, забитые порослью черного мха, переполненные инфекциями, что тот в себе таил. Воздух гудел от роившихся в нем кровососущих гадов, что не давали сомкнуть глаз, превращая ночи в бессонный кошмар. Даже самые чистейшие из дев, теперь горбились, кашляли, растирая грязными пальцами свои покрасневшие слезящиеся глаза. Их кожа посерела, сами они стали больше походить на старух. Рексмаршал и его люди работали не покладая рук, чтобы обнаружить и ликвидировать источник заразы, прочно унездившейся в

их родном городе. Но их усилия были тщетны, так как они сражались с невидимым противником.

Курт Хэлборг был не из тех людей, кто будет спокойно смотреть, как его город превращается в руины. Он жестоко пресекал зачатки любого бунта, давая четко понять, что при любом раскладе у людей есть лишь два варианта – либо порядок либо кровавая смерть от меча. И ему удалось сохранить порядок, правда, многие остались лежать в лужах крови на грязных городских мостовых. В лучшие времена, Хэлборг был бы разжалован за такую бесчеловечность, или хуже того, отправился бы прямиком на виселицу. Но сейчас, Империя балансировала на грани пропасти, и меч Рейксмаршала был единственной силой, что удерживал всю систему от полного развала. В эти дни людям удавалось подняться по карьерной лестнице как никогда раньше. Солдаты становились сержантами, желторотые лейтенанты – капитанами, смерть косила без оглядки на высокое положение и чину. Была объявлена всеобщая воинская повинность. Детей купцов и вельмож забирали из их семей и ставили в строй. Недовольство политикой Хэлборга росло с каждым днем.

Там, где Рейксмаршал видел малейшее неповиновение, он сразу рубил с плеча, и летели головы. Разведчики спешили ко двору, чтобы доложить Хэлборгу тревожные известия, со всех концов страны. Одни рассказывали о демонах, несших заразу и смерть, другие о беснующихся стадах кровожад-

ных зверолюдов. Трети говорили о закованных в ржавую броню воинах Хаоса, что жгли города и деревни, убивали и мучили. Все донесения, полученные за последнее время, ясно указывали на то, что в страну вторглись как минимум три скоординированные армии. И все они, примерно одинаковыми темпами, двигались по направлению к Альтдорфу.

Хэлборг понимал, что осады не избежать. Он спешно вооружал каждого мужчину в городе, формируя полуоевые подразделения из беженцев, что пришли в Альтдорф из Талабхайма, Маренбурга и Карробурга. Так же он разослал депеши с просьбой о помощи братским народам Тайлии, Стэйлии, Кислева, заносчивым Бретонцам и даже нелюдимым дварфам Края Мира. Но до сих пор, никто из них не ответил на его призыв. Похоже, все старые союзники отвернулись от Империи в трудную минуту.

Бессонными ночами Рейксмаршал координировал приготовления к обороне столицы всеми возможными способами и используя все доступные источники. Маги Огненного Колледжа (Bright College) заговорили каждый кусок дерева в костровищах, разложенных на сторожевых башнях и стенах города, чтобы огонь вспыхивал по одному только произнесенному слову. Воины-жрецы культа Зигмара благословили каждую статую и монумент города. Маги Колледжа Света (Light College), где это было возможно, разгоняли облака грязно-зеленого тумана, используя магическую энергию пер-

возданного света. Серые волшебники (Grey wizards), плели свои защитные заклинания вдали от посторонних глаз. А Небесные провидцы (Celestial astromancers) проводили свои ритуалы, пытаясь определить точное время нападения прислужников Хаоса. Жрицы-целительницы (healer-priestesses) из храма Шали окружили свой небриский храм палаточным городком, в котором готовы были принять раненых и больных для их дальнейшего исцеления и возвращения в строй. Кое-кто даже уверял, что своими глазами видел приведений, вызванных магами Аметистового Колледжа для защиты города.

Напряжение среди жителей Альтдорфа росло с каждым днем, и уже было почти осязаемо, как и густой зеленый смог. В каждом доме, поместье и сливной канаве были готовы к войне. Приказ Хэлборга прекратить заниматься похоронами мертвых и укреплять стены города, чтобы защитить живых, был воспринят обществом как бесчеловечный или безумный. Все же люди оставили трупы своих родных и близких и приступили к укреплению и возведению городских фортификаций. Ведь никто, кроме Рейксмаршала и его особо приближенных даже не догадывался, что мертвые были первыми, кто откликнулся на призыв о помощи и эти не захороненные трупы станут союзниками имперцев в грядущей битве.

Дни, что столица проживала в суете и шуме сменялись один за другим. Время, что было определено Небесными провидцами, как Час Великого Мще-

ния, приближалось. Двухвостая комета оставалась теперь видна в небе даже в утренний час рассвета. По ночам, город окутывала пелена нереальности, где время останавливалось, а улицы больше походили на потусторонний призрачный мир, чем на центр цивилизации. Тем временем, даже ночью на стенах приготовления к штурму не прекращались. Воины устанавливали на краю стен огромные чугунные котлы, разводили под ними костры и заполняли их рыбьим жиром или смолой. Котлы поддерживались в постоянном кипении на медленном огне, готовые лить горячую смерть на головы оккупантов. Мастера Инженерного Колледжа проверяли готовность своих артиллерийских батарей. Воины-жрецы ходили от солдата к солдату и пламенными речами укрепляли боевой дух людей.

Были и те, из числа торговцев, чиновников и зажиточных предпринимателей, что собрав свое добро, бежали из города дальше на юг, ища безопасных мест, надеясь переждать грядущую бурю в укромном месте. Но, в первую же ночь, застигшую караван в лесу, они были все передушены людоедскими побегами чумных лоз, а их трупы были подвешены над землей и заняли свое место в жуткой пищевой цепочке инфицированной лесной чащи. Те же, кто не побоялся и остался в городе, готовились к самому худшему. Хотя люди пытались перешучиваться и подбадривали друг друга непристойностями, каждый из них уже попрощался со своими близкими, и мысленно похоронил себя.

Лишенный достаточного количе-

ства продовольствия и питьевой воды, Альтдорф не мог выдержать продолжительной осады. Защитники были полны решимости умереть на этой земле. Но, покинутые своими союзниками, люди были уверены – как бы самоотверженно они не сражались, столицу уже не спасти, и война фактически проиграна.

Одинокая фигура в полном боевом облачении приклонила колено в Рейсхраме (Reikstemple). Со всех сторон на молящегося смотрели каменные лица двенадцати вождей Зигмара. Статуи были так высоки, что дым от горящих свечей едва доходил им до колен. Слабый луч света пробился сквозь тучи и упал на мозаичное стекло под куполом храма, изображавшее Зигмара Вознесшегося (Sigmar Ascendant). Пройдя сквозь витраж, свет преломился в причудливую разноцветную палитуру и накрыл коленопреклоненного воина, заставляя его доспех переливаться сияющими всполохами красного, зеленого, синего.

Вынув свой рунный клык из ножен, Курт Хэлборг упер его вертикально лезвием в пол и оперевшись руками на защитные ручки эфеса, опустился перед ним на одно колено, низко склонив голову. Его губы беззвучно шептали. Позабыв гордыню, он молился Зигмару впервые за долгие десятилетия.

В глубокой пещере, далеко за стенами Альтдорфа, двое мужчин спали на каменистой земле у догорающего костра. Глухое сопение грифонов, чьи огромные туши виднелись в тени по

углам, нарушало утреннюю тишину. Но вот чахлые блики солнца поползли из-за горизонта, с трудом пробиваясь сквозь дым пожарищ и грязно-зеленый туман, окутавшие имперские земли.

Первым проснулся Карл Франц, он быстро поднялся на ноги и встревожено посмотрел на стонущего во сне Матрака, что беспокойно ворочался рядом. С помощью своих летающих разведчиков, Великому Патриарху все же удалось обнаружить принца-воина и его раненного грифона Когтя. Оседлав своего грифона, Янтарный маг отправился навстречу Карлу Францу, и с помощью волшебства полностью исцелил сломанное крыло Когтя, вернув тому былую силу. Но истратив свою энергию на лечение зверя, Мартак сам получил серьезные ментальные раны и проспал всю ночь в страшном бреду, восстанавливая потраченные силы.

Карл Франц тихонько потормошил мага за плече:

- Карл, - маг тяжело задышал, еще до конца не прия в себя, - Карл Франц, ты все еще жив?

- Я здесь, со мной все в порядке. - Отвечал тот.

- Мне... мне снился еще один сон. Сам Таал приходил в нем ко мне, но... но выглядел он просто ужасно, Карл! Он был весь покрыт струпной коркой и гнойными нарывами.

- Понятно. - Глухо ответил Император.

- Он... он сказал, что умирает, Карл, и только смертные смогут помочь ему. Только истинные сыновья Зигмара.

- Тогда мы спасем его.

- Но... но цена...

- Продолжай. - Спокойно ответил Карл Франц.

- Мой повелитель... Таал, он сказал... будь то император или крестьянин... если но вступит в противостояние с Силами Тьмы - он умрет страшной смертью.

Карл Франц на мгновение задержал свой взгляд на рассвете, затем, пристегнул ножны к поясу и быстрыми шагами отправился будить Когтя.

Дурно пахнущие мутные воды подземной канализации Альтдорфа отбрасывали темные блики на покрытые плесеню низкие своды потолка. Сквозь решетку сточной канавы района скотобоен, что находился прямо над головой, Моррслиб выпутила свое гнойно-зеленое око, словно вуайерист, подглядывающий в замочную скважину.

Глубоко внизу, в кишащем скользкими водорослями атриуме, Доктор Фестус, непрерывно бормоча, хлопотал над огромным котлом, закипающим на тлеющих под ним головешках. Рядом, вплотную к центральной несущей колонне атриума была навалена куча трупов инфицированных. На телах были видны следы разных стадий разложения. Жертвы кровавой дизентерии были навалены на трупы, чью кожу разъел черный мох; под ними лежали тела умерших от удушья серой мокротой и, наконец, в самом низу лежали тела, под кожей которых что-то не-

прерывно и медленно передвигалось. В зазорах между телами копошились огромные плотоядные пиявки, пожирающие крыс, что имели неосторожность подобраться слишком близко.

- Ну же, козявки, настал ваш черед, город травите и пусть он падет. – Пропел Фестус. С этими словами, он аккуратно зачерпнул всех трех нурглингов своей поварешкой, а затем вылил содержимое черпака в потрескивающий под котлом костер. Толстый столб черного дыма взвился к луне сквозь решетку канализационного стока, смешиваясь с грязно-зеленым туманом, что уже господствовал на улицах столицы.

Фестус чувствовал сильную усталость. Он провел непрерывные месяцы, темными ночами пряча семена садов Нургла по закоулкам Альтдорфа. Его дряблые мышцы ныли, а опухшие зеленые веки стали настолько тяжелыми, что держать глаза открытыми было теперь настоящим испытанием. Предстоящий ритуал призыва потребует от него всех его сил. И, хотя, он никогда не признался бы в этом даже своим пиявкам, Фестус не был уверен, хватит ли ему этих его сил, чтобы сотворить задуманное.

Фестус прекратил напевать и вслушивался теперь в звуки, наполняющие атриум. Он слышал как где то там, в темноте, глухо капает жидкость. Доктор повернулся опухшую голову по направлению к звуку. В нем он безошибочно распознал вязкие шлепки жидкого гноя и на мгновение прикрыл глаза. Как же прекрасны дары Великого Отца, что тот явил миру. Фестус наслаждался хлюпающими

звуками тем, что осталось от его ушей.

Движение со стороны привлекло его внимание. Обернувшись, он увидел, как на поверхности котла всучивается огромный пузырь и с каждой секундой становится все больше и больше. Он с интересом наблюдал, как на поверхности пузыря отражается его лицо, опухшее, порытое нарывами и фурункулами. Фестус отвратительно улыбнулся сам себе в отражении. Что-то мелькнуло по ту сторону пузыря, что-то большое и грунное.

Пузырь продолжал раздуваться, уже превысив ширину и высоту котла в несколько раз. Фестус даже отступил на шаг назад. И тут пузырь неожиданно лопнул. Перед Доктором предстала огромная рогатая голова, глубоко погоженная в покатые плечи, из которых росли толстые как брюхо огра, дряблые руки.

- Желаю плодоносить! – проухал Кугат Отец Чумы, гнилая маска его лица расплылась в злобной улыбке.

- Или, желаю здравствовать, как говорят в Альтдорфе. – Фестус выдавил из себя ответную улыбку, - ну, или, по крайней мере, будут говорить так еще пару часов.

- Так оно и будет! – кивнул Великий Нечистый. – То ли еще будет! – Он клацнул своими широкими челюстями. – Сад должен зацвести и он готов. Наш отец усмаркивает огромный потенциал в тебе, маленький доктор. Он предвидит некие... перекосы. Возможно зеленые пальцы вместо красных, что скажешь, а? Может быть, в конце пути, тебя все-таки ждет рай?

- Это была бы честь для меня, - осто-

рожно сказал Фестус, на его лице было написано, что он мало понял из того, что услышал. – Грядет время жатвы. Семена пустили корни в глотке каждого трупа, что я смог отыскать. – Грузный доктор указал наверх своим распухшим пальцем.

– Великие дела ты сотворил. Но творил, также и я, недооценивать не стоит меня! Трое козявок уж ведут три армии, мой друг, и все те воины как один передо мной в долгу. Кто с севера из них идет, кто с запада – с востока, с татуировкой, однорог, ну и чумы немного.

– Так значит Братья Глот уже совсем близко? – спросил Фестус, его глаза засияли. – Чтобы рецепт сработал, важно соблюсти время. Это должно случиться сегодня, в канун Гехемниахта, когда луна будет в своей низшей точке.

– Тройня уже в пределах видимости западных стеблей, милый пиявочник. – Пробубнил демон глухо. – Как только малютка Гатрот к стенам подойдет, Демоноплюй прискакет следом за победой, и Счетовод их строй замкнет. Но Эпидемус также небеса заставит разродиться, чумным дождышкой город этот окропиться. Все на своих местах, мой маленький друг, волноваться не стоит тебе.

Фестус глубоко вдохнул и медленно выдохнул, надувая свои рыхлые по-желтевшие щеки. Напряжение впервые за многие дни покинула его плечи. Ради следующих нескольких часов он трудился все прошлые месяцы.

– А теперь об этих... замечательных сосудах с новой жизнью, – указал на гору разлагающихся трупов Кугат. –

Маленькие друзья-считоводики таких очень любят. В них есть чего посчитать. Они тоже помогайки?

– Да, что-то вроде того, они помогут нам. Хотя они об этом и не знают. Воздух достаточно прогнил, а грань между мирами истончилась. Семена раздора взращены, и смог душит каждую улицу. Козявки почти дрогнули. А эти, ну они что-то вроде козявок, только более земные, понимаешь. Только боюсь у меня не осталось сил, чтобы поднять их и раскрыть врата сада в одиночку.

– Нет нужды дергать за струны сердечные, доктор. Ведь я виолу позабыл свою и потерял давно! – Рассмеялся Отец Чумы. – Судьбу мы встретим за дверями этими, не бойся, мы мимо не пройдем. Тройня Глот играет свои роли справно. И много стали принесут они в это в будущем прекрасное гнездо.

Кугат издал булькающий хрип и с натужным оскалом приподнял свое громоздкое тело. Он перешагнул край котла, переворачивая его и разливая по полу дымящееся смердящее варево.

– Бульк! – Кугат изобразил виноватую мину, прикусив как бы в испуге свою толстую черную губу, напоминающую гнилого угря. – Соплю о пощаде, доктор, я вылил весь ваш пруд, где еще совсем недавно плавали нурглиниги.

– Не имеет значения, ведь варево уже сыграло свою роль. – Ответил Фестус, махнув в сторону Кугата своей белесой рукой. – А теперь, если ты не возражаешь, немного мирского труда, – продолжал доктор, направляясь к куче гниющих тел, – давай-ка подкинем эти сочные трупики прямо в огонь.

Погибель Альтдорфа пришла вовсе не из-за городских стен снаружи, она пришла изнутри.

Из большого колодца, что находился на окарине района скотобоен, повалил густой дым. Люди с ужасом смотрели, на неестественно плотный и грязный смог, вдруг появившийся из-под земли. Дым нес с собой запах паленого мяса и чего-то еще столь же отвратительного и мерзкого. Столб дыма вырос до самых небес и походил на ствол исполинского дерева с кроной из облаков. Тошнотворный запах стал невыносим, и не многим в округе, на расстоянии полукилометра, удавалось сохранить содержание своих желудков в себе. Горожане падали на колени, их тошило желчью и кровью.

На своей вершине, колонна смога стала расходиться по небосводу в разные стороны тонкими змеящимися отростками, все больше и больше напоминая растение. Вскоре странный дым почти целиком поглотил небо над столицей. Исключением был клочок небосвода, где мерцала двухвостая комета. Щупальца, было, потянулись к ней, но, тут же отпрянули в стороны и больше не приближались.

Страшные догадки и ропот звучали отовсюду, но, ни солдаты на городских стенах, ни воины-жрецы, ни горожане на баррикадах не смели покинуть свои позиции. Они были готовы к обороне. Только что вернулись гонцы с передовой и донесли, что войска противника на подходе к столице. Стоя во главе своих элитных воинов на Централь-

но площади Альтдорфа, Курт Хэлборг, призвал имперцев не обращать внимания на оккультные знаки и дым в небе, а сосредоточить свое внимание на реальной угрозе, что приближалась по земле с каждым биением сердца.

Как только смрадный дым покрыл небосвод своими серо-зелеными волнами, на головы защитников закапало. Поначалу дождь лишь моросил. Солдаты с омерзением смотрели на мутные белые капли, что стекали по их кирасам и шлемам. В небе зарокотало. Раскат грома был каким-то глухим и хриплым, словно злобный смех глумливого бога.

А потом Дедушка Нургл разогнал завесу грязных облаков и опрокинул в реальность содержимое своего огромного котла.

Мутная вязкая жижа молочного цвета хлынула с неба настоящим потопом. Она заливало улицы. Промокшие трупы, укрытые в тайниках по всему Альтдорфу, вздувались, их разрывало на части быстрыми и изворотливыми, как черви побегами, что тут же сплетались, формируя стволы уродливых искривленных деревьев. Деревья тянулись вверх, покрытые ошметками кожи и плоти своих инкубаторов. Они достигали крыш за считанные секунды. Кора их влажно блестела, медленно покрываясь нарывами и пульсирующими злокачественными опухолями. Опустевшие мостовые покрыл ковер из перекручивающихся между собой коричнево-зеленых побегов, что, от нехватки места, жались друг к другу с мерзким хлюпаньем, выделяя гной,

смрад и прочую гадость, булькающую и копошащуюся в темной слизи под ними. Появились жирные демонические мухи, что сразу же принялись рыться в перегное между побегами, выискивая места потеплее и погаже для своих будущих кладок. Горожане, что позволили себе замешкаться при виде наступивших чудовищных перемен, были сразу же схвачены людоедским ковром чумной растительности. Грязно зеленые щупальца тянули людей под полог, в копошащуюся, шуршащую гниющую массу извивающихся тел, хлюпающих ложно-ртов и гнойных хитиновых лапок, кормом для которых им предстояло стать. Ближе к центру Альтдорфа чумные джунгли становились все гуще и непроходимее, дома там начали рушиться и оседать под землю, а реальность подернулась и стала уступать место демоническому миру Садов Повелителя Разложения.

Показавшаяся в переделах видимости с городских стен, черная масса воинов видела теперь свою конечную цель и, издав громкий рев, перешла на бег. В это время клубы смога над столицей стали закручиваться спиралью, затем приняли форму огромного вращающегося тора и стали опускаться на центральную площадь. Сквозь жирную дымку тумана, стали отчетливо слышны нечеловеческие вопли и стонсы, исходившие из ее глубины. Сотни демонов выли в нетерпении, чуя человеческое мясо и души.

В одно мгновение, с пронзительным скрежетом кольцо грязного дыма взорвалось комьями пепла и пало к лапам,

копытам и щупальцам демонов извивающейся и переливающейся гнойной слизью армии Нургла, что стояла на месте тумана во всем своем мерзком величии и бесконечном количестве.

С юга на горизонте засверкала серебряная кромка. Она становилась все толще и толще, пока не превратилась в реку переливающегося на солнце металла, текущую по направлению к столице Империи. Широкие и тяжелые, словно гобелены, расшитые великолепными картинами прaporha хлопали на ветру. Конная армия Бретонии шла в бой. За время похода цветастые конские попоны перепачкались грязью, как и поножи всадников. Воины гордо держались в седлах, руки в решимости сжимали оружия, а глаза в напряжении смотрели вперед. Фамильные гербы украшали щиты и нагрудные пластины. Каждый из благородных рыцарей, являя собой образец мужественности и благочестия. Хотя Лоуэн Лионкер открыто объявил о предстоящем неравном сражении и о возможности не вернуться из этого похода, многие рыцари, следя кодексу чести, что соблюдался их дедами и прадедами на протяжении поколений, все же откликнулись на его призыв и теперь ехали в едином строю.

Не прошло и года с тех пор, как Бретония пережила страшнейшую гражданскую войну. Когда устои ее общества были почти разрушены до основания некромантскими кознями Нагаша. Многие из знатных домов сочли безрассудным отправляться воевать в соседнее королевство, в то время как их собственное фактически лежало в

руинах и требовало восстановления. Но Лоуэн как Придворный Паладин Бритонии дал абсолютно четко понять, что его мнение в корне различается с мнением большинства знатных семей. Он объявил что рыцарь, пекущийся о собственном благосостоянии, в то время как братский народ соседнего государства гибнет в неравной захватнической войне, не достоин своего титула.

Пятнадцатидневный маршбросок, без остановок и отдыха, скорее всего, убил бы любую лошадь, но боевые жеребцы Бретонии были выносливы и готовы нести своих седоков в гущу битвы. Под предводительством Лоуэна, конная армия продолжала двигаться даже по ночам, рыцари спали прямо в седлах, поочередно сменяя друг друга на дежурстве. Все прекрасно осознавали, любая остановка будет стоить гражданам Империи сотен, быть может, даже тысяч смертей.

Приближаясь к Альтдорфу, рыцари не могли не заметить произошедшие в Имперских землях перемены. Небо было серым и угрюмым. Птиц не было слышно, трава почернела и стелилась по земле мертвым ковром, деревья стали скохшимися и искривленными, их кора покрылась чужеродными нарывами и скользкой коростой. Из темноты зараженных лесов на рыцарей смотрели обозленные налитые кровью глаза мерзких тварей, но те были достаточно сообразительны, чтобы не пробовать напасть на конную армию такого размера. Каждое утро и на закате дня, Лоуэн призывал своих братьев молиться Леди, чтобы наполнила тела их скво-

кунов скоростью и выносливостью, а сердца рыцарей мужеством и непоколебимостью перед битвой, что ожидала их впереди.

Конное войско растянулось более чем на пол мили в длину, так велико оно было. И это был самый масштабный Крестовый Поход, со временем путешествия в пустынные земли Аравии. Остаться было разрешено лишь Рыцарям Грааля, что должны были, не смыкая глаз, стеречь сердце их священных земель.

Несмотря на оперативность, с которой двигались Лоуэн и его воины, выйдя под стены Альтдорфа, им все же стало ясно, что они опоздали.

Бретонцы пересекли Гребень Кровавой Сосны в канун Гехемнисахта. Воины были поражены той картиной, что предстала перед их взором, здесь, в сердце Империи, где касание Хаоса, проявлялось во всей своей извращенной сути. Столицу осаждали не только с земли, но и с воздуха. Воздух кишел жирными неестественно большими демоническими мухами. Вся долина, в которой находился громоздкий Имперский мегаполис, была заполнена войсками почитателей Хаоса. Над равниной стоял гул. Это вопили, ревели и выли монстры и чудовища, пришедшие отведать человеческой крови. Нечистивые грязные стяги развивались над местами стоянок бесчисленных племен северных дикарей. На фоне этого океана из живой плоти и стали Альтдорф казался маленьким островком, безнадежно утраченного порядка.

Большая волна Норсканцев двигалась в сторону Альтдорфа с запада. Они шли в городские доки по ковру из черного мха, что полностью поглотил воды Рейка. Во главе были Братья Глот, два воина верхом на огромном ходячем куске изуродованной плоти. Следом за братьями, формируя ударную часть, шли закованные в железо мясники и убийцы, в сопровождении кровожадных четвероногих косматых тварей, отдаленно напоминавших боевых псов. Морды зверюг были сплошной мешаниной из шрамов, их глаза остекленели и безумно сверкали, горячи пасти, усеянные кривыми клыками роняли на землю клочья пены. Далее двигалось остальное войско, легковооруженных полуголых воинов в звериных шкурах, в глубине его несли три огромных тарана; стволы исполинских деревьев, облепленных порослью черного мха. Замыкали шествие толпы уродливых муттировавших тварей, что орали и завывали в предвкушении резни.

К северу, из странной арки, что сформировал дремучий раскидистый лес Дракенвальда, выплеснулась орда зверолюдов. Во главе толп беснующихся полулюдей-полутварей, двигался конный отряд грязно-зеленых всадников Норски. Их топорщащаяся гнилая броня искала силуэты, сливая коней и всадников в гротеские сгустки чего-то неестественно чужеродного и демонического. По бокам неслись ми-нотавры и драконоогры, потрясая над собой своими чудовищными тесаками и двусторонними секирами. В центре этой воистину мерзкой вакханалии на вершине полевого алтаря стоял Гатрот

Спюм. Его ложножожки в нетерпении извивались, указывая направление атаки его войскам - Северные Ворота (North Gate) Альтдорфа. Готорот глухо приветствовал Отца Нургла, призывая его следить за кровопролитием, которое, уже совсем скоро, он устроит в его честь.

Но самое мерзкое зрелище представляла собой армия, что пришла с востока. Орготтс, Морбидекс и Блоб Гнилород вели свое войско вперед. Их лициночные ездовые гады шипели и хлюпали, то и дело, выплевывая и втягивая обратно свои гротеские языки, пробуя на вкус здешний воздух. Всадники чувствовали нетерпение своих скакунов и полностью его разделяли. Следом ковыляло войско чумоносцев в главе со Счетоводом. Демоны монотонно гудели, затянув прославления своему Чумному Владыке.

Над самим городом висела коричнево-зеленая дымка заражения. Отравляющий туман все еще господствовал в застенках, делая почти не возможным нахождение на улицах и крепостных стенах. Но защитники, все же, были тут, каждый на своем месте, готовые умереть.

Ровными построениями, войска Альтдорфа начали покидать городские ворота, разворачиваясь в боевые порядки. Тут были закованные с ног до головы в сияющую сталь воины городской стражи, рыцарские ордены, конклавы боевых магов и даже артиллерийские батареи с паровыми танками. Рядом с геральдическими цветами

Альтдорфа маячили цвета Талабхейма и еще дюжины других провинций Империи.

Рейксмаршал и его капитаны решили дать бой под городскими стенами, чтобы иметь возможность распределить свою армию поровну между проходами в столицу. Таким образом, каждые ворота получат необходимый буфер, достаточный чтобы сдержать северян от проникновения внутрь города. Несмотря на отсутствия Императора, воины Карла Франца не падали духом и были готовы сражаться за свое Отечество.

За спинами обороняющихся выселись стены Альтдорфа. Столица претерпела огромные изменения за последние недели. Кирпичная кладка местами просела вовнутрь или высыпалась целыми кусками, уступив место поросли черного мха. Сама структура камня была поражена заболеванием, делая его блеклым с оттенками серо-зеленого, словно заброшенный мавзолей. Черно-серые тучи полностью затянули небо над городом. Из центра зараженной столицы в небо непрерывно валил винтообразный столб жирного черного смога, не давая солнцу пробиться ни на секунду. В глубине облаков непрерывно рокотало, сверкали чуждые зеленые молнии, и ветер с визгом вгрызался в башни, вырывая флюгеры с корнем.

Вихри зеленых энергий, разрывали мрак небосвода. В их отблесках угадывались черты невообразимо огромного злобного лица, нависшего над столицей. Жестокая ухмылка разделила полосы жирных некрозных губ, об-

нажая бесконечное количество острых как иглы зубов, скрюченная пятерня потянулась из-за туч к городским площадям, словно намереваясь сравнять добрую четверть города с землей. Но замерла высоко-высоко, с кончиков заскорузлых ногтей сорвались всполохи зеленых молний и ударили в мостовые и крыши домов в разных частях столицы. И сразу же в местах их попадания, сквозь черепицу крыш и кладку мостовых взметнулись вверх толстые гноящиеся побеги шипастых людоедских растений. Скрипя, потянулись к небу скрученные изуродованные недодеревьевья. И идкая кашица чумного наземного планктона, кишащая безумной пародией на живые организмы, поползла изпод их корней. Карнавал извращенной жизни распространялся по городу, завоевывая с каждой секундой новые улицы, дома и подвалы. Погребая под собой телеги, столы, шкафы и воняющих людей, что оказались в пределах досягаемости и не успели покинуть зараженных улиц.

Бросая свои равнодушные блики, Моррслиб, налившись, как никогда раньше, своим губительным бледно-зеленым свечением, взирала с небосклона на этот разгул безумия и зверства. В контрасте с луной Хаоса, с другой стороны горизонта продолжала мерцать двухвостая комета, как бы разделяя мир на две части, не давая имперским землям полностью погрузиться во мрак.

Альтдорф впервые смотрел в бездну, упав в которую, он навечно канет в забытье.

Прозвучали боевые горны. Масса чудовищ, монстров, мутантов, кровожадных воинов и демонических тварей, наводнивших долину, разом всколыхнулась и ринулась на штурм.

ОБЪЕДИНЕННЫЕ СИЛЫ ПОРЯДКА

Большинство горожан бежали в страхе, но храбрецы из числа защитников все же остались, чтобы защитить столицу Империи любой ценой. Воодушевленные внезапным подкреплением Бритонской кавалерии мужчины и женщины Старого Света выстоят или сгинут в небытие.

Курт Хэлборг и Резервные Войска Рейхсгвардии

Хотя большая часть Рейхсгвардии пала на защите Золотого Бастиона, Хэлборгу удалось сколотить из оставшихся трех ста с небольшим конников, твердый оборонительный костяк. Во главу этого небольшого воинства Рейксмаршал поставил своего капитана Зинтлера, сам же, как главнокомандующий, остался руководить сражением со стороны.

Рыцарские Ордена

Рыцарские ордена Альтдорфа выступили в полном составе на защиту города. Альтдорфские рыцари не могли ударить в грязь лицом перед всадниками Бретонии и дрались с удвоенным рвением.

Имперские Клинки

Имперские городские войска были известны своими пышным и изысканным обмундированием, но воины, вышедшие из ворот полуразрушенной столицы не имели теперь с ними ничего общего. Это были промокшие, чихающие и кашляющие изможденные люди. Тем не менее, каждый из них был полон решимости вступить в бой. Под предводительством Роты Почета, городские войска шли вперед, держа копья наперевес.

Имперская Инженерная Школа

Школа Имперских Инженеров так же выступила на защиту полным составом. Инженеры использовали всевозможные смертоносные изобретения, чтобы поддержать огнем оборонительные порядки полевой артиллерии у главных ворот столицы. Инженерам удалось поставить на колеса четыре паровых танка. Маневренные, тяжело бронированные короткоствольные боевые машины имели неплохое преимущество, расстреливая толпы полуголых воинов северных племен.

Верховный Паладин Лоуэн Лионкер

Освободившийся от своих должностных обязанностей придворного рыцаря, с возвращением Гиллеса Объединителя, Лоуэн применил все свое мастерство полководца, чтобы в кратчайшие сроки собрать и привести в Империю подкрепление, в котором она так нуждалась. Он бесстрашно сражался под стенами Альтдорфа, повергая чемпионов Хаоса и простых воинов десятками, врубаясь в их нестройные боевые порядки, сея смерть и панику с именем благочестивой Леди на устах.

Крестоносцы Бретонии

Кавалеристы Бретонии были полной противоположностью изможденным грязным оборванцам, что вышли на защиту из ворот своего города; Бретонцы двигались в идеальном построении, сверкая начищенными латами, прямо держась в седлах своих скакунов. Двухвостая комета в небе освещала стальные пластины на головах лошадей и цветастые тяжелые попоны. Но каждого рыцаря окружала также и аура света, исходящего из нутрии, от чистоты помыслов и твердости духа. Решимости, во что бы то ни стало взять зло и тьму на остриях тысяч копий и освободить народ Империи, увековечив славу доблестных воинов, что пришли на помощь и победили, в самый трудный и черный день.

Небесная Стая

Когда Бриония атаковала, она шла на врага по всем фронтам, по земле и по небу, тем самым показывая свое полное доминирование. Верховный Паладин Лоуэн Лионкер верхом на своем гиппогрифе возглавлял отряд из восьмидесяти Рыцарей на Пегасах. Многие из них были чемпионами Паррвонских воздушных поединков или победителями Небесных Состязаний Короны. В глазах этих благородных всадников не было ни тени страха или сомнения, когда они мчались вперед по воздуху, направляя своих крылатых жеребцов в глубину черного шторма, что разразился над крышами Альтдорфа. Многие нечеловеческие твари и уродливые мутанты окончили свои мерзкие жизни на остриях их копий.

Рейхсмаршал Курт Хелборг

Резервные Войска

Рейхсгвардии

Восемь подразделений
Рейхсгвардских рыцарей

Рыцари Солнечного Заката

Полк Рыцарей Внутреннего круга
и два полка Имперских Рыцарей

Рыцари Крови Зигмара

Полк Рыцарей Внутреннего круга
и три полка Имперских Рыцарей

Рыцари Солнечного Заката

Полк Рыцарей Внутреннего круга
и два полка Имперских Рыцарей

Рыцари Пантеры

Полк Рыцарей Внутреннего круга,
два полка

Рыцари Грифона

Два полка Имперских Рыцарей и
три полка Рыцарей Демигрифа

Рота Почета

Один полк Имперских Алебардщиков

Основной Гарнизон Альтдорфа

Сорок восемь полков Альтдорфской национальной гвардии и девятнадцать подразделений усиления

Войска Беженцев Талабхейма

Шесть полков национальной гвардии Талабхейма и три подразделения усиления

Переброшенные Миденхаймские

Три полка Миденхаймской национальной гвардии и два подразделения усиления

Имперская Инженерная Школа

Тринадцать Имперских Инженеров, четырнадцать Имперских Батарей, четыре Паровых танка

Лоуэн Лионкер

Верховный Паладин

Крестоносцы Бретонии

Пятьдесят три копья Рыцарей Королевства, тридцать два копья Странствующих рыцаря, тринадцать копий Рыцарей Поиска

Небесная Стая

Двенадцать копий Рыцарей на Пегасах

ОРДЫ ХАОСА

Армия, обрушившаяся на Альтдорф в канун Гехеминсахта состояла фактически равно из демонов, северян и зверолюдов. Разношерстное воинство включало в себя сотни непохожих друг на друга тварей, но все они служили единой цели и, как один, поклонялись Повелителю Разложения.

Личночные Наездники Ледяного Отрога

Орготтс Демонорвот и его чемпионы атаковали Альтдорф с востока, уничтожая наскоро возведенные защитные укрепления и расчищая дорогу для следующего за ними авангарда из гниющих воинов Бронзовой Крепи и армии чумоносцев.

Братья Глott

Излучавшая гнилостное благословение Праотца всеми своими телами, тройня с успехом провела возложенное на них объединение северных племен. Обеспечив своевременную явку всех трех армий под стены столицы Империи, Братья Глот застали защитников врасплох. Все что им оставалось, это перебить имперских командиров и заставить сломленных защитников бежать в страхе.

Орда Счетовода

Эпидемиус внутренне осознавал, как важно ему чувствовать в осаде Альтдорфа, хотя он и не ожидал, что встретит там огромного разнообразия болезней для занесения в свой особый список. Однако, когда он увидел лицо своего владыки в небе над столицей, его гнилое сердце чуть не разорвалось от благоговения. Теперь, под взглядом своего хозяина и повелителя, Счетовод понимал, что так тянуло его к этому месту.

Татуированные Племена

Многие северные племена, что с самого начала присоединились к армии Братьев Глott, были частично уничтожены и поглощены другими в процессе боев и их продолжительного похода в земли Империи. Те же, что сохранили свое название и отличительную символику были на грани исчезновения к тому моменту, как их войско подошло к стенам Альтдорфа. Однако, вид полуразрушенной, осаждаемой вихрями энергии Хаоса столицы, вселил в них уверенность и придал сил для последнего решительного боя.

Гатрот Спюм, Повелитель Щупалец

Необдуманное решение пересечь Дракенвальдский лес, стоило Гатроту времени, а ведь он мог бы первым выйти под стены Альтдорфа. Но его гордость не пострадала, ведь он смог привести с собой подкрепление в виде орды зверолюдов, что усилило его войско почти вдвое. Теперь он вел свои полчища в атаку, не теряя надежд на славу и успех.

Предвестник

Долговязый шаман-предсказатель, известный как Предвестник был серым кардиналом в собравшихся войсках Хаоса. Однако он внес немаловажный вклад в реализацию плана осады Альтдорфа. Он не только заключил союз с Гатротом, значительно преувеличив военный потенциал войска Повелителя Щупалец, но, также и призвал на его сторону армию демонов, совершив ритуал вызова и принеся в жертву родовые камни Дракенвальдских лесов.

Дарквальдские Звери

В канун Гехеминснахта дюжины боевых гуртов последовали за войском Гатрота на штурм Альтдорфа. Число унгоров и горов было так велико, что их поток, хлынувший из тоннеля, пробитого в Дракенвальдских лесах чумными побегами, казалось, не имеет конца. Зверолюды были фанатичны в своих верованиях и считали Гатрота пророком их почитаемого бога. Они верили, что он приведет их в священные земли Повелителя Разложения – и в каком-то смысле, они были правы.

Братья Гломт

Ото и Итрак верхом на Гурке

Орготтс Демонорвот

Личночный всадник

Блоб Гнилород

Личночный всадник

Морбидекс Дважды-рожденный

Личночный всадник

Искаженные

Племя Гниющих Падших Рыцарей

Искаженные

Племя Гниющих Падших Рыцарей

Татуированные Племена

Восемнадцать племен Мародеров Хаоса

Орда Счетовода

Семнадцать орд Чумоносцев

Развалины

Тринадцать чудовищ Нургала

Хихикающая Свора

Восемнадцать куч Нурглинов

Осквернители Неба

Четыре роя Чумных Трутней

Гатрот Спюм, Повелитель Щупалец

Верхом на Боевом Алтаре

Стальной Кулак

Три Боевые Колесницы Хаоса

Предвестник

Великий шаман Бистменов

Дарквальдские Звери

Сорок шесть гуртов Горов и Унгоров

Кровохлебы

Три гурта Минотавров

Полчища Монстров

Тридцать пять Отродий Хаоса, шесть Гигантов Хаоса, два племя Драконоогров, три Горгона, два Сайгора, один Живорез

Полчища Монстров

Армия северян привела с собой толпы безымянных уродливых тварей – одни были с окраин Норски, другие присоединились к ним в процессе похода. Но все они, как один, шли на запах резни и крови. Монстров кидали в бой, в тех местах, где оборона врага была особенно слаженной и эффективной. Уродливые, почти не чувствительные к боли, ходячие комья изувеченной плоти, сеяли ужас и панику в рядах противника, используя свои клешни, щупальца, рога и когти.

ВТОРЖЕНИЕ В АЛЬТДОРФ

Трубя атаку, кавалерийские отряды Бретонской армии перестраивались в боевые порядки. Переваливая через границу склона Хребта Кровавой Сосны, они двигались единой лавиной стали и конских тел, стремясь на переполненную неприятелем равнину. По команде армада всадников разделилась на два равных потока, первый ушел в сторону, на перехват войск татуированных дикарей; оставшиеся рыцари продолжили скакать по направлению к хлынувшей из Дракенвальда орде зверолюдов. Благородные рыцари мчались, сверкая своими доспехами, и искрящимися потоками энергии, что защищала их от жидкой заразы, лившей с небес. Последний час, воины Бретонии провели в молитвах к своей непорочной богине, и она благословила их. Теперь капли зараженного дождя не могли запятнать их тел, они с шипением испарялись в воздухе, не долетая до доспехов рыцарей и попон их скакунов.

Заслышав, как гудит земля под тысячью копытами сотен приближающихся скакунов, со спины Гурка, Отто Глот зычно скомандовал, призывая к дисциплине, и его воины обернулись к нападающим. Выставив перед собой щиты и лезвия топоров, северяне начали перегруппировываться. Под громогласные кличи благословленная конница врезалась в наскоро сбитые порядки северных дикарей. Копья с хрустом пропороли полуголые тела, расщепляя щиты, убивая по несколь-

ку к ряду. Бронированные монолиты всадников и их жеребцов с чавканьем смяли передние ряды, с эффектом пушечного ядра попавшего в незащищенную плоть. Кровь потекла отовсюду. Кони дико ржали, пробивая черепа и грудные клетки тех, кто оказался под их копытами. Пришпорив своих боевых скакунов, рыцари двинулись вглубь дрогнувшей косматой массы грязных человеческих тел. Всадники кололи своими копьями снова и снова, не подпуская врага слишком близко, в его голые животы, под лопатки. На рыцарей оказывалось по несколько тел сразу, те бросили завязшие в трупах копья и вынимали из ножен мечи. Серебряная сталь пела в воздухе, когда лошади с наскока обрушивались на кучки татуированных дикарей, и мечи секли их плечи и головы.

На востоке, у второй части Бретонской конной армады дела обстояли пока ничуть не хуже. Полусгнившие чумоносцы Эпидемиуса буквально лопались от попадания благословленных наконечников копий и лезвий мечей. Конница завязла в каше из давленных демонических тварей, разя их десятками с каждым ударом сердца. Лоуэн спикировал на своем гиппогрифе прямо на голову выбежавшего из лесной чащи сигора (сугор). Удар был настолько стремительный и сильный, что сбил чудовище с ног, припечатав к земле.

На мгновение, Лоуэн выпрямился в седле своего крылатого скакуна, олице-

творяя собой истинную доблесть и мужество, в кровавых лучах заката. В следующее мгновение он взмахнул своим Мечем Короны и отсек покрытую гнилой коростой лапу чудовища, что оно протянуло к нему. Гипогриф люто рвал тело монстра когтями и клювом, заставляя того вопить в агонии и бессильной ярости. Повернувшись в седле, Лоуэн прекратил страдания несчастного урода, погрузив свой клинок на четверть в его единственную глазницу. Чудовище вздрогнуло и прекратило вопить, конвульсивно подергиваясь в посмертных судорогах. Верховный Паладин спрыгнул на землю, отпустив своего боевого скакуна обратно в воздух, выискивать новую жертву. Свободной рукой он тронул рванную рану на своем лбу, которую получил в момент удара. Вместо крови на ладонь брызнул жидкий свет, благословление Леди для него в этот день. Его рана стала быстро затягиваться, пока не пропала бесследно.

К западу, оставив за собой горы полуголых трупов северян, продолжали сражаться Бретонские кавалеристы. Копья были давно потеряны или сломаны и они рубили мечами. Но Норсканцы даже не думали отступать и не ослабляли ответного натиска. Ведь сверху на них смотрел их бог, и ни один из северян не смел выказать трусости и побежать.

Рыцари завязли в мясорубке. Их окружали исколотые окровавленные татуированные тела, тела мертвых воинов, закованных в ржавую покрытую коростой броню, но преимущество лобового конного удара, увы, было уже

истрачено. Со всех сторон наступал неприятель, а до встречи с Альтдорфскими защитниками они смогли пройти лишь четверть необходимого пути.

Сто тринацать раз верхом на Истрине летел Джаред в гущу боя. Кровь пела в его жилах, его мышцы горели, его жеребец шел в галоп... Это было истинное блаженство. Вслед за ним неслась конная фаланга его товарищей, а впереди тьма полуобнаженных диких воинов закрывала им путь. И Леди тому свидетель, это северян было действительно очень много.

«Давай, отребье, закрывайся своими щитами, сейчас ты поймешь, что это бесполезно!» - рычал Джаред. В небе над ним Лоуэн промчался на своем гипогрифе, вслед ему неслась стая крылатых пегасов. Джаред отсалютовал им мечем.

Внезапно на перерез Бретонцам выскочила колонна всадников в ржавой грязной броне.

«Ну что ж, с виду, наконец, достойный противник, но - только с виду.» Криво усмехнулся Джарэд себе под нос. С этими словами, он направил своего коня прямо на самого огромного из рыцарей противника. Острая пика торчала из лицевого щитка скакуна Джарэда на манер рога единорога. Истрин с разгону ударили этой пикой прямо в шею коня гнилого всадника. Джарэд поднырнул под замах секиры чумного воина и ответным ударом меча обезглавил его. С тяжелым ударом безголовый труп упал с лошади на

землю, его гнилой панцирь с треском раскололся, разбрызгивая коричнево-желтую кашицу, в которой копошилось что-то отвратительное.

«Неплохо бы тебе подучиться держаться в седле.» - бросил презрительно Джарэд. А высоко над ним со спины своего гипогрифа, Лоуэн громко и четко скомандовал: «Небесная Стая, вперед, через стены. Мы нужны внутри города. Джарэд, наземный враг весь твой!»

Джарэд поднял свой меч высоко над головой в знак того, что приказ понят. Лионкер исчез в непроглядной пелене шторма, бушевавшего над городскими стенами, следом за ним умчались пегасы.

По спине Джарэда пробежал холодок. Его посетило страшное чувство, как будто он видит Первого Паладина последний раз в жизни.

До сих пор план Братьев Глот работал идеально, и обескровливание Империи путем захвата крупнейших городов было почти завершено. Но у каждой победы была своя цена. И войску Хаоса пришлось заплатить жизнями своих солдат за каждый взятый Имперский город. Атака Бретонцев была неприятным сюрпризом для тройни. Она была той роскошью, которую они могли с трудом себе позволить, после кровопролитных береговых боев с Карробуржцами в низовьях Рейка. Тем не менее, для достижения окончательной победы, сопротивление защитников должно было быть сломлено пол-

ностью, вне зависимости, какой народ встанет у них на пути.

Отто Глот видел сложившуюся ситуацию, как она есть и сражался с холодной уверенностью, с каждым новым убийством приближая себя к заветной цели. Напротив, его брата Гурка вовсе не беспокоил невесть откуда взявшийся сильный запах лошадей. Для него это означало лишь, что мяса будет предостаточно. Здоровенный урод криво лыбился и пускал слюни от счастья, когда его гигантское щупальце дробило сверкающие доспехи и вбивало всадников вместе с их жеребцами в кровавую грязь равнины. Другая его рука, представляющая собой мутанта-миногу с пульсирующим ротовым отверстием, усеянным рядами кривых зубов, высунула в воздух длинный мясистый язык, пробуя на вкус кровавые брызги и запахи смерти. Посыпался глухой свист и хруст, когда Отто обезглавил очередного Бретонского всадника, что пытался атаковать сбоку. Голова рыцаря улетела в сторону, тело в судорогах завалилось на бок, путаясь в стременах и вожжах. Лошадь вздыбилась, пытаясь освободиться от обезглавленного тела, что болталось на боку и лишало равновесия. В этот момент присоски змеевидного языка руки Гурка нашли взмокший от пота и грязи конский живот, минога устремилась по следу и с ужасным чавканьем вгрызлась в пах обезумившего от боли животного. Дернув предплечьем, младший Глот завалил жеребца на землю вверх копытами, в то время как его паразитическая рука пережевывала ребра, мясо и внутренности. Голод наступил раньше

обычного. Наконец-то братья встретили достойных противников. Рыцари яростно отбивались, и кололи мечами массивные бока огромного монстра, что на глазах поедал их товарищей. Но шкура Гурка была так толста и прочна, что с таким же успехом, они могли бы колоть мечами землю под копытами своих коней.

Итрак был страшно доволен яростным сопротивлением силы духа Бретонских рыцарей. Заинтригованный, он выбирал самые изощренные и смертоносные из широкого репертуара своих проклятий и заклинаний. Его тонкие почерневшие губы прошипели короткое проклятие, и ближайший всадник за секунды сгнил и вытек мутной жизнью из своего доспеха. Атаковавший следом рыцарь вдруг замер в седле, его доспехи стали неестественно быстро раздуваться и трескаться, под напирающими изнутри гнойными наривами, поразившими плоть. Меч выпал на землю, когда рука превратилась в дряблую опухоль, и грязная масса гнили, бывшая только что благородным воином выпала из седла на землю, лопнув, заливая все вокруг вязкой протухшей желчью.

Как только Братья Глот перехватили инициативу и контратаковали Бретонцев, орда северных дикарей, с воплями и воодушевлением хлынула вслед за ними. Татуированные воины двигались лавиной из топоров, щитов и косматых шкур. Лезвия врубались в бока благородных коней, ноги и бедра всадников. Рыцарей стаскивали на землю и рубили на куски, кривыми ножами ко-

лоли в узкие щели забрал и сочленений доспехов, втаптывали в землю. Почувствовав свое преимущество, Норсканцы устроили настоящую кровавую резню. Рыцари были обречены, орда многократно превышала их по численности, отступать было некуда.

В это время на севере равнины в бой вступили войска Гатрота Спюма. С крепостных стен Курт Хэлборг с ужасом наблюдал, как из странного зеленого тоннеля, уходившего в чащу леса, в след чумной кавалерии, хлынули войска зверолюдов. Их количество потрясало.

Рейксмаршал понимал, что эту волну неприятеля им рано или поздно придется встретить лицом к лицу, и чем быстрее ему удастся атаковать, тем меньше времени орда получит на перегруппировку. Не мешкая, Хэлборг отдал приказ рыцарским орденам перестраиваться для атаки. Смешанные пехотные войска Альтдорфа и Талабхэйма так же приготовились встретить неприятеля, выставив перед собой альбарды и бердыши.

Авангард войск Повелителя Щуполец ударили Имперских защитников по фронту шириной в пол мили с силой океанского цунами. Закованые в ржавую броню конные рыцари Хаоса, с треском врезались в лес копий и бердышей оборонявшихся, сменная первые ряды, ломая в щепки древки орудий. Черные заговоренные клинки шипели и скрежетали, когда чумные всадники обрушили их на головы защитников. Драконоогры бес-

новались сея смерть и ужас, лезвия отскакивали от их заколдованный чешуи, искрящейся парализующими разрядами темной энергии. Пытавшиеся атаковать этих зверей, падали в судорогах, только коснувшись их проклятых тел.

Курт Хэлборг стоял в тени статуй Ульрика и Зигмара на подступах к Северным Воротам, и он готовился к встрече со смертью.

Восемнадцать сотен хороших и смелых людей стояли сейчас по колено в грязи, на защите северной стороны. Половина из них уже вступила в бой с ордой зверолюдов, хлынувшей из близлежащих лесов. Оставшаяся половина, в том числе и закаленные ветераны Рейксвардии, держалась пока у городских стен. Развернутые в боевые порядки воины, были готовы выступить на подмогу в любой момент, если передняя линия вступивших в бой начнет прогибаться.

Сквозь грохот боя, Хэлборг внимательно изучал напряженные покрытые грязью и потом, угрюмые лица своих солдат. Гнетущее чувство в его груди накатило с новой силой. Пред ним стояли храбрые люди, готовые отдать жизнь в защиту своей земли, своих семей. Было ли у него право вести их на верную смерть. У него, Рейксмаршала, человека без семьи, посвятившего себя войне, обрученного лишь со своим мечем. Возможно у слабейшего из них было больше прав на командование чем у него.

Однако он взял на себя ответственность и заключил сделку с живыми мертвецами. На сколько хватало глаз, по левую и правую сторону северных стен, были свалены трупы. Они лежали рядами, друг на друге, недвижимые, испускающие смрад гниения. Тут были и покрытые тиной скелеты со дна Рейка и уродливые трупы недавно умерших, чуть тронутые разложением. Почти все они были в прошлом Альтдорцами, не некоторых даже были останки примитивной брони, что в прошлом носили воины этих мест.

Хотя стоящий сейчас в тени союзник прибыл в сопровождении лишь пяти компаний, Хэлборг знал - его некромантские способности достаточно сильны, чтобы поднять каждый труп в переделах города. Теперь внутренний периметр города будет под защитой не только живых, но и мертвых.

Да, рядом стоял Влад, собственной персоной. Люди Рейксмаршала с опаской косились на вон Карштайна, стоящего в тени Северных Ворот. Его черные волосы были зачесаны назад, а сухое лицо перекосила неприятная улыбка.

- Хэлборг, - Обратился вампир. Рейксмаршал вскинул от приказного тона, но сдержал свой гнев. - Вижу, твои защитники впереди дрогнули. Попахивает трусостью, я чувствую ее запах в воздухе. Мне кажется, настал час для воодушевляющих речей.

Три закутанных в белое вампирши, стоявшие позади него во тьме ядовито захихикали. Рядом с ними стоял обри-

тый наголо вампир, закованный в красный доспех, своей когтистой рукой он поглаживал череп, напоминавшего гигантскую летучую мышь, Душегуба.

- Мы готовы, вон Карштайн. - Прорычал Хэлборг. - Там, впереди, мои люди гибнут каждую секунду, отдавая свои жизни, пока ты тут прячешься в тени.

- Ты не увишишь меня сражающимся на городских стенах сегодня, Хэлборг. – Влад поднял взгляд на бойницы крепостных стен, монотонно барабаня пальцами по металлу нагрудника. – У меня все еще остался неприятные ощущения от того деревянного кола... Но, верь мне, мои марионетки сделают свое дело.

На левом фланге племя минотавров неслось в атаку; потрясая своими рогатыми головами и огромными секирами, звери громко ревели и кровожадно скалились. Громыхнул залп, и половина из них упала в грязь с развороченными животами и застрявшей в глазницах картечью. Мушкетеры спешно перезаряжали свои оружия, когда оставшиеся монстры с бешеными воплями гнева и мести обрушились на их порядки. Бодая и рубя стрелков направо и налево, минотавры сломали их ряды и врезались в укрывавшие тыл подразделения Рейксвардии. Ветераны рассредоточились, пропуская животных вперед, и молниеносно атаковали их со всех сторон, взяв в колючие клещи из пик и бердышей.

Как и планировал Хэлборг, войско Хаоса заглотило приманку. Кровожадные монстры в нетерпении бросились

вперед, отделившись от основных сил зверолюдов, потеряв преимущество массированного наступления, тем самым оказавшись в меньшинстве. В это время, следя плану Рейксмаршала, отряды конных рыцарей, поспешно отступили на северо-запад, имитируя бегство. Отойдя на приличное расстояние, и не привлекая более внимания, рыцари выстроились полумесяцем по направлению к зеленому тоннелю в чащце леса, что продолжал отрыгивать грязную массу прямоходящих животных.

Командиры рыцарских орденов скомандовали атаку, и всадники рванулись вперед, взывая к Зигмару, Мермидии, Ульрику и Мору. Тысяча тяжелобронированных конных воинов, подобно лезвию вошли в широкий зеленый коридор, образованный чумными побегами в лесном массиве, на скоку сминая, ломая и разрывая полугоых зверолюдов. Удар был настолько сильным и молниеносным, что разметал бы известную щитовую защиту dwarfских построений. Теперь лучшие из лучших рыцарей Империи рубили и секли, кололи и топтали мечущихся в панике зверолюдов, не давая шанса на перегруппировку, зажав блеющих рогатых уродов в тесном лесном тоннеле.

Пробивая шкуру и ржавые нагрудники, первые ряды зверолюдов были подняты в воздух на остриях копий. Ярость и жестокость конного удара Имперцев рассекла армию зверолюдов надвое, отрезав друг от друга. Оставшиеся в лесной чащце войска зверей, были отброшены вглубь чумного тон-

неля. Всадники теснили их все дальше и дальше, рубя головы горов и унголов, пронзая копьями блеющие в ужасе пасти и лопатки спасающихся бегством тварей. В это время трое горгонов, ломая деревья и топча кустарники, вырвались из леса на равнину и атаковали Рыцарей Пантеры. Своими молотоподобными конечностями они превращали всадников и их лошадей в кровавое месиво. Воздух наполнился их диким ревом, ржанием лошадей и криками умирающих. Но возмездие пришло внезапно. С неба на чудовищ упала сразу дюжина демигрифов. Крылатые звери вырывали куски плоти из тел огромных монстров, в то время как их всадники рубили алебардами уродливые громоздкие головы. Когда последний из горгонов упал на землю с изрубленной головой и затих, ничто больше не мешало конным отрядам Империи сосредоточить свое внимание на просеке муттировавшей поросли. Прозвучали боевые рожки и последние из кавалеристов скрылись в темноте плетеного тоннеля, присоединившись к уничтожению той части войска зверолюдов, что не успела выйти из леса. Таким образом, армия Гатрота уменьшилась вдвое и лишилась подкрепления.

На востоке, Орготтс Демонорвот пришпорил своего личиночного скакуна. Тяжело ступая, ездовая тварь понесла его по направлению к паровым танкам, что с пугающей эффективностью делали кровавые дыры в рядах его союзников. Один из танков нацелил свое башенное орудие прямо на приближающегося Орготтса. Выпустив облако

пара, громыхнула короткоствольная пушка. Ядро попало в слепую морду жеребца-мутаната и снесло тому пол черепа. Тварь стала на месте как вкопанная и, шатаясь, завалилась на бок, почти сбросив с себя своего всадника. Но вот, вздрогнув, личиночный скакун неуверенно поднялся на лапы. Тряхнув изуродованной головой, он медленно двинулся вперед, а на его спине Орготтс зычно взревел о мести, скрестив перед собой лезвия топоров.

Ездовая тварь Демонорвота, Желчеплюй перешла на бег и легко уклонилась от атаки лоб в лоб парового танка, обходя тот с боку. Оказавшись достаточно близко, личиночный скакун вцепился в башню бронированной машины и рванул на себя. Железо застрипело, башня начала отделяться от корпуса. В этот момент Желчеплюй отрыгнул сгусток дымящейся, бурлящей жижи прямо в образовавшуюся в корпусе танка щель. Внутри танка что-то бухнуло и машина остановилась. Из щели повалил густой мерзкопахнущий дым.

Остальные три танка врезались в ряды чумоносцев, заставляя Эпидемиуса уйти в сторону на своем паланкине, чтобы не разделить участь своих подопечных, раздавленных железом в грязную кашу. Эпидемиус отрицательно покачал головой, обозревая урон, нанесенный паровыми машинами. Он пробубнил что-то себе под нос, затем приоткрыл рот. Маленькое гнойно-белое облачко вылетело изо рта геральда и просочилось в вентиляционную трубу одного из танков. Машина дви-

галась вперед какое-то время, затем вдруг резко свернула в сторону, из всех отверстий танка с шипением ударили горячий пар и брызнул кипяток. Обваренный экипаж, с воплями пытался покинуть кабину, но был сразу же изрублен чумоносцами.

Демоны продолжали наступать, пытаясь прорваться к Северным Воротам, не смотря на встречные ураганные залпы артиллерийских расчетов. Ядра с глухим чавкающим звуком врезались в грязные тела чумоносцев, прошибая насеквоздь по несколько раз, отрывая руки и ноги тем, кто оказался рядом. Снаряды типа «Адский шторм» (Helstorm rockets) падали на головы войск Эпидемиуса, оставляя на месте попадания лишь дымящиеся выжженные кратеры. Залпы мортир выкашивали целые просеки в массе гниющих движущихся тел. Армия демонов несла ужасные потери, которые бы уже сломили любую другую наступающую армию. Но подданные Чумного Бога не ведали ни страха, не боли и продолжали наступать, маршируя по останкам сородичей.

По всем фронтам армия Империи была втянута в кровавую рукопашную с войсками Повелителя Разложения. Стоял оглушительный лязг металла, гремели залпы огнестрельных орудий; мечи и топоры поднимались и опускались, лишая кого-то жизни. Монстры и люди рычали, позабыв слова, говоря друг с другом на языке войны, языке смерти. И за всем этим великим спектаклем наблюдал с почерневшего небосвода алчный лик темного бога.

Каждый из сражающихся в долине воинов, чувствовал этот тяжелый взгляд, каждый из них понимал, что в следующие часы решиться судьба Империи человечества, но канет ли она во мрак или устоит, не знал не один из них.

Влад саркастически наблюдал, как Рейксмаршал беспокойно теребит свою нелепую бородку.

- Так оставайся же в тени, там где и подобает быть твоему роду. – Отрезал Хэлборг, шипя от еле сдерживаемого гнева. Влад улыбнулся в ответ. Люди были так нетерпеливы.

- Так я и сделаю. – Спокойно ответил Влад. – Того требует комфорт моих спутниц. – Достав из ножен на поясе узкий кинжал, он со скучающим взором принялся шкрябать им совую левую щеку. Смертная привычка бриться. Он так и не смог до конца избавиться от отголосков прошлой человеческой жизни.

- Да будет так. – Сплюнул Рейксмаршал. – Хотя я не совсем понимаю, какого рожна ты притащил их с собой. Я заключал сделку с тобой одним. Нравится мне это или нет - ты все же являешься частью этих земель. А эти твои... родственнички, - Он брезгливо кувнул в сторону Мунварда и огромного крылатого зверя, - определенно я не ожидал, что весь этот цирк окажется на пороге моего дома.

- Мне нет дела до того, чего ты ожидал увидеть. – Сухо ответил Влад. – Мой повелитель Нагаш, желает, чтобы мир смертных сохранил свое естество. Ибо нам важны ваши физические оболочки и абсолютно не приемлемо то, что вас всех поглотит эфирный мир

Хаоса. – Вампир сделал широкий жест рукой и холодно улыбнулся, обнажив клыки. – Мы все собрались здесь, Хэлборг, не для того чтобы отпускать дифирамбы или наслаждаться обществом друг друга. Мы здесь чтобы убивать прислужников Темных Богов. И судя по тому, как выглядит сейчас твоя столица, один, ты явно не справляешься с этой задачей.

Рейксмаршал резко повернулся к Владу и вперил в него свой испепеляющий взгляд, его лицо горело от злости.

– Если же, Хэлборг, – спокойно продолжал вампир, – ты в чем-то не согласен в видении моим господином сложившейся ситуации, ты можешь отправиться в Сильванию, последовав примеру Волкмара и в личной беседе сообщить ему все свои замечания...

– Довольно слов. – Хэлборг вынул свой меч из ножен и указал острием в сторону Влада. – Властью, данной мне военным временем, объяляю тебя, Влад вон Карштайн из Сильвании, Графом Выборщиком. – Рейксмаршал глубоко выдохнул.

Влад улыбнулся со зловещим торжеством. За спиной Хэлборга, воины в недоумении переглядывались между собой.

– С этого дня вся провинция Сильвания находится в твоей безраздельной власти. – Продолжил Рейксмаршал. – А так, как теперь ты Граф Выборщик Империи, будь любезен, исполняй долг перед Отечеством и двигай свои войска на защиту столицы. Твои трупы не боятся чумы, так пусть же идут и защищают улицы. Мои люди отлично

справятся здесь, на городских стенах и без твоей помощи.

Вон Карштайн поднял свой клинок в ответном приветствии и без слов обернулся к битве, кипевшей под стенами Северных Ворот. За его спиной раздался зычный голос Рейксмаршала.

– Народ Империи! Сегоднешний день начался с дурных предзнаменований, но клянусь Зигмаром, он закончиться славой для всех нас. Отбросьте сомнения, терзающие вас, как это сделал я сам, и думайте лишь о победе, что ждет впереди. Во имя всех Императоров Грифонов Хэлденхаммера и во имя Альтдорфа!

В компании Кугата, Доктор Фестус брел сквозь болотистую местность центральных улиц Альтдорфа. Их сопровождал почетный эскорта из семи чумоносцев верхом на гнойных трутнях, что держали почтительную дистанцию. Каждый из демонов в прошлом успешно заразил часть Имперских земель, тем самым по праву заслужив свое место в рядах Владыки Разложения. Далее следовала орда из обычных чумных демонов. Их ряды тянулись вдаль, беря свое начало в закручивающемся столбе грязно-серого дыма, что бил в небо из самого сердца города.

С того момента, как аптекарии Нургла закончили плести великое заклинание и открыли Врата Между Мирами, город все больше и больше становился похож на потустороннее измерение Чумного Владыки. Гниющие пульсирующие побеги и чумные лианы бесконтрольно росли повсюду.

Они ползли из окон домов, из дверных проемов и сточных канализационных ям, опутывая все, что попадалось на пути, отвоевывая пространство. Грязно зеленые щупальца мутировавшей растительности обвивали останки статуй вчераших Императоров, медальоны черного мха покрывали символы Зигмара. Гирлянды копошащихся пиявок и слизней свисали с подбородков бронзовых теогонистов, словно гротескные бороды. Воздух был влажным и смрадным.

Под ногами хлюпала странная жижа, напоминавшая песок в перемешку с гноем. Разнообразие уродливых растений, расцветших на удобренной трупами земле, поражало. Огромные орхидеи, распустили свои смрадные, полные гноя бутоны. В воздухе роились стаи крылатых демонических насекомых. Кучи нурглингов весело плясались в зараженных лужах и сливных канавах. Повсюду словно нарыв на теле реальности копошилась противоестественная жизнь, всевозможных форм и размеров.

Вся эта картина радовала взор последователя Властелина Чумы и согревала душу. Фестус светился радостью, вместе с тем его силы ощутимо возросли за последнее время. Он чувствовал невообразимую мощь, еле сдерживаемую его оболочкой. Теперь, когда Нургл, доволен его работой, он близок к бессмертию как никогда раньше. Кугат тоже заметил перемены в докторе, и полностью разделял его радость. Фестус долго и кропотливо работал над тем, чтобы погрузить Альтдроф в пу-

чину безумия и заражения, приближая скучную реальность к идеалам чумного рая. Отец Чумы полагал, что доктор по праву заслуживает быть принятым при дворе Нургла и должен быть вознагражден сполна.

Хотя бывшие хозяева Альтдорфа все еще пытались огрызаться в бесмысленных попытках вернуть ситуацию под контроль, все это было бесполезно. Исключением был Храм Шали. Он, словно пятно света во тьме, остался не тронутым заразой и разложением, поразившими город. Храм был последним рубежом порядка в море бесконтрольно распространяющейся демонической растительности и должен был пасть до конца сегодняшней ночи. Тело Альтдорфа было поражено, Храм Шали являл его духовную сторону и оставался последней надеждой на его исцеление.

Надо отдать должное и магам Альтдорфа, все же они старались, как могли защитить город от чумной мерзости. Мастера Школы Холода (Cold College), например, применили заклинание, которое покрыло их университет на берегах Рейка и всю округу, тонким слоем позолоты. Дракоценный метал, защищал какое-то время поверхность от демонических порослей, отторгая зараженные корни и хлюпающие ложнорты. Но, как и любой другой металл, оказался подвержен коррозии и был в итоге поглощен перегноем чумных садов.

Школа Света, вообще скрыла свое пирамидальное убежище за граница-

ми эфира, после чего почти всем своим составом вышла на зараженные улицы. Маги совершили ритуал на языке южных коралей, поддерживая вокруг себя сферу испепеляющего света, который сжигал демоническую природу. Но вскоре маги стали чихать и кашлять, не способные более поддерживать барьер. Свет погас, и волшебников поглотила энтропия разнужданной жизни чумных садов.

Нефритовые Маги, в полной мере ощутили на себе все ужасы наступившего Хаоса, так как духовно были связаны с энергиями жизни, пронизывающими город. Здание их школы перекосилось и заросло демонической порослью, а сами они превратились в уродливые подобия деревьев из зараженной плоти. Их скрученные в агонии, гротескно удлиненные руки, торчали из раздувшихся от нарывов тел, подобно ветвям, а ноги срослись и пустили корни в рыхлую склизкую почву. И некому было услышать их беззвучные вопли ужаса.

Только лишь Огненные Маги оказались достаточно сильны, чтобы сдерживать накатывающую волну зараженных джунглей. Трансформируя свои тела в сгустки живого пламени, они атаковали демонов и чумные растения, превращая все в прах жаром магического огня. Шесть долгих часов, волшебники держали оборону, выжигая всю нечисть, что смела приблизиться к их обители в любой форме. Но им не суждено было держаться вечно. Над их головами появилась жирная черная туча, из которой хлынули потоки жид-

кого гноя, затушившего их пламя одно за другим. Демоны ликовали и кинулись на корчащихся в болезненных судорогах зараженных волшебников.

Что касается последователей Шали, Фестус и Кугат решили лично заняться этими мерзкими святошами. Двое апотекариев продолжали свой путь по зараженным улицам, которые с каждой секундой становились все больше и больше похожими на чумные сады их хозяина. Далеко впереди, за домами и лавками торговцев слышался гул битвы. Небо над этим районом города окрашивали ярко оранжевые вспышки яростного колдовского пламени.

Компаньены свернули за угол Фляйшмаркта, и оказались свидетелями яростной схватки не на жизнь, а на смерть. Закованные с ног до головы в броню, имперские двуручники, сошлись врукопашную с толпой чумоносцев. Одноглазые головы демонов летели с плеч, с каждым взмахом чудовищных двуручных мечей. С тыла Имперцев прикрывала стая крылатых скакунов, которых седлали рыцари вооруженные длинными копьями. Крылатые звери дробили копытами рыхлую демоническую плоть, в то время, как их наездники кололи налево и направо, куда могли дотянуться их двухметровые древка.

С противоположной стороны рыночной площади сражался одинокий маг-пиromант. Языки пламени срывались с его выброшенных вперед рук, образуя непроходимую волну ослепительного испепеляющего жара. Волна огня катилась вперед, затем ослабевая

шла назад, и вновь накатывала вперед, набирая силу. Из последних сил, волшебник пытался сдержать несколько грузных комковатых тварей, тянувших к нему свои щупальца, неумолимо идущих вперед под ослабевающим напором колдовского огня. Огненный колдун был окружен обгорелыми трупами чумоносцев и своих товарищей. Кровь в канавах на мостовой рядом с ним свернулась коричневой коркой. Чумные джунгли пылали ярким огнем на подступах к месту битвы, низшие демоны, попадающие в пламя лопались и испарялись. Разразившийся над площадью штурм пролил гнойный дождь, и пламя начало потухать, пока не погасло безвозвратно.

Кугат грузно двинулся через городскую площадь, на ходу приподнимая рукой жирный пласт гниющей плоти своей правой груди. Погрузив свои толстые пальцы в гноящуюся воронку под соском, он извлек оттуда хихикающего нурглинга. Неуклюже замахнувшись, Кугат швырнул сопливую улюлюкающую козявку прямо в гущу имперских двуручников. Угодив прямо на лезвие меча одного из ветеранов, толстый демон лопнул, окатив лицо и грудь воина кислотной желчью, что тут же выжгла глаза и стала проедать кожу и мясо. Брызги попали и на ближайших товарищей мечника. Вопли боли, умирающих людей вызвали на лице Кугата злобную ухмылку. Не замедляя шага, с разгону, герольд Нургла врезался в строй имперцев, задавив первых двух, ломая боевые порядки противника. Фестус торопливо последовал за ним, а налетевшие гнойные трутни безжа-

лостно обрушились на рассыпавшихся в панике людей и убили всех до единого.

В целом, никто не пытался мешать им и апотекарии беспрепятственно двигались к своей цели. На улицах Альтдорфа осталось не так много защитников. Мало кто из них в здравом рассудке отважился бы напасть на Высшего Демона Повелителя Чумы. Кучка безумцев из числа ополчения попытались преградить им дорогу, но была сражена наскоро сплетенным проклятием Фестуса. Их тела вздулись и разложились, смешавшись с перегноем под ногами. Выйдя на распухшую от древовидных наростов и замшелую Площадь Свечей, они увидели одинокий паровой танк, расстреливающий в упор группу чумоносцев. Бронированная машина находилась в постоянном движении, растирая в кашу попадающихся на ее пути низших демонов. Какое-то время требовалось экипажу для перезарядки, вновь звучал залп, и ошметки гнилой плоти летели в разные стороны. При появлении Кугата, машина взяла курс на самую крупную из целей. Не сбавляя шага, демон Нургла врезался в идущий на таран паровой танк, выставив вперед свои непомерно опухшие, словно колонны руки. Поймав машину за борта, он попросту опрокинул ее на бок, отшвырнув как незначительную помеху.

Продолжив путь по кварталу, в переулке напарники увидели несколько магов света. Те разили наступающих чумоносцев светящимися копьями чистой энергии. Фестус стал плести в воздухе сложные узоры своими дря-

блыми гнилыми руками и вызвал рой демонических плотоядных жуков прямо на головы колдунов. Жуки набросились на волшебников, за считанные секунды превратив тех в груды кровавых костей.

На подходах к Храму Шали грянули ружейные залпы, и обеих аптекарев накрыло картечью. Стреляли из бойниц куполообразного храма впереди. Их буквально изрешетило, но раны почти мгновенно затянулись. Реальность настолько истончилась в городе, что благословенная сила Нургла ощущалась в полную мощь. Энтропийная жизненная энэргия Хаоса преобладала теперь над увядающим порядком человеческой природы. Законы смерти не действовали для последователей бога чумы в этом месте. Но упорные человеческие насекомые, все же, цеплялись за крупицы своей чистоты, никак не желая сдаваться.

Перейдя Унтервальский Мост, аптекарии оказались перед Храмом Шали. На него невозможно было взглянуть не скривившись от белоснежного цвета его алебастровых стен. Его резные колонны были чисты, и форма их была столь правильна, что оскорбляла лучшие чувства Фестуса. Ни намека на благословенное заражение. Даже небо над проклятым храмом было нежно-голубое и чистое. Вокруг храма раскинулся палаточный городок, и одетые в белое сестры сновали от кровати к кровати, утешая раненых.

Кугат зарычал, в гневе выломав бронзовый клинок из рук статуи Им-

ператора Магнуса, стоявшей поблизости. Он бросился вперед со всей скоростью, которую позволяло ему огромное неуклюжее тело. Налетев на тэнты и кровати с ранеными, он принялся крошить все, до чего мог дотянуться, орудуя кулаком и клинком, превращая людей в жуткое кровавое месиво. Фестус оставался в стороне, он бормотал заклинания на Темном Языке. Черный дым повалил из его открытого рта. Дым потянулся к сестрам в белых одеждах, проникая им в ноздри и открытые в ужасе рты.

Старая женщина в белых одеждах подбежала к Фестусу и со всего маху вонзила кинжал в его мясистую щеку. Фыркнув, доктор разбил о ее макушку небольшую скляночку, которую извлек из кармана своего рабочего фартука. Женщина завопила, и аптекарий с удовольствием вдохнул острый запах обуглившейся кости. Он остался вполне доволен внезапным эффектом последующего декомпрессионного взрыва ее черепной коробки.

С воздуха гнойные трутни сбрасывали на палаточный городок грозди склизких кожаных бурдюков. Падая на землю и лопаясь, чумные бомбы забрызгивали все вокруг кислотной желчью, не имевшей эффекта на сестер-служительниц храма, но разъедая плоть раненых и прочих защитников из числа имперцев, что пытались обороняться. Кугата окружали горы перевернутых и сломанных перевязочных столов, больничных коек, окровавленные тела солдат и сестер - его ярость не знала границ, он убивал с черной ненавистью.

И тут со стороны городского суда донеслись первые стоны и завывания оживших мертвецов. В следующие мгновения со всех сторон, из прохода каждой улицы и аллеи повалили толпы клацающих костями и чавкающих сырьим окровавленным мясом трупов. Армия мертвых накинулась на колонну чумоносцев, что сопровождала Фестуса и Кугата. Во главе орды живых трупов шел Влад вон Карштайн. С угрюмой улыбкой он проверял оструту своего вампирского клинка, водя по лезвию костлявым пальцем.

В следующие секунды, небо над головами наполнилось гулким хлопаньем мощных звериных крыльев, и избранные рыцари Бретонии обрушились на демонов во всем своем сверепом великолепии.

Живые и мертвые ударили как единый слаженный механизм.

НА ПОЛОВИНУ МЕРТВАЯ АРМИЯ

Раненые бойцы национальной гвардии с готовностью встали на защиту служительниц Храма Шали, которые выхаживали солдат. Каково же было их удивление, когда, вдобавок к откуда не возьмись подоспевшей воздушной кавалерии Лоуэна Лионкера, им на подмогу пришли мертвые люди из прошлого.

Граф Выборщик Влад фон Карштайн

Вон Карштайны всегда метили на Имперский Трон, считая себя единственными истинными правителями Сильвании и всего Стирленда. Спекулируя на сложившейся ситуации, Влад вынудил Хэлборга заключить выгодную для себя сделку и получил титул Графа Выборщика в обмен на военную помощь, в которой так остро нуждалась Империя.

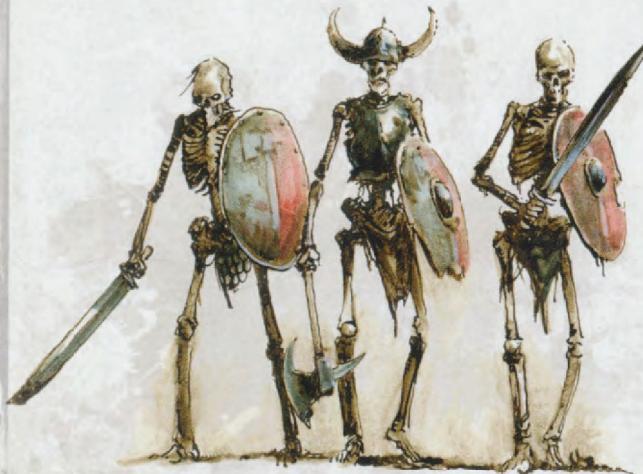
Император Вильгельм Первый

Влад избрал подходящего лидера, чтобы возглавить армии мертвых. Им стал Вильгельм Первый, правитель-тиран из далекого прошлого расцвета Империи. Вильгельм настоял в свое время, чтобы его похоронили с золотыми монетами на веках, вместо принятых медяков. За эту неслыханную гордыню, Мор отказался брать императора в мир загробной жизни.

Шаркающие Мертвяки

Окрестности храма наводнили ожившие мертвцы, в прошлом граждане Альтдорфа, призванные из могил на защиту своего города. Те кого успели закопать в первые дни, пробивали свой путь сквозь чумные джунгли и перегной, вылезая из своих бывших домов и палисадников. Толпы зомби обретали уверенность в позабытых движениях, постепенно впитывая потоки черной энергии, исходившей от вон Карштайна. Мертвые торговцы, попрошайки, воры, пекари, учителя, и плотники выли и глухо мычали, окружая демоническое войско, оказавшееся на улицах города, получив второй шанс на защиту своего дома.

Последние из Клана Анбраджэнов

Среди огромного количества трупов, погребенных в катакомбах Альтдорфа гнили так же останки воинов клана Анбраджэнов. При жизни они воевали под командованием самого Хэльденхамера. Эти гордые варвары были погребены со знаком Зигмара, а не Мора, тем не менее, Влад смог дотянуться и до них. Вампир находил забавную иронию, заставляя их подчиняться своей темной воле. Когда-то Зигмар сразил Нагаша, а теперь именно темное волшебство некромантии, поднимает его мертвых воинов на защиту столицы под знаменами Хэльденхамера.

Обороняющиеся Раненные

Те из солдат, наемников и ополченцев, кто смог держать в руках меч, повсюда кидали с больничных коек, срывая бинты и повязки. Раненные встали плечом к плечу, образовав тонкую защитную линию на подступах к храму. Многие из них едва держались на ногах, харкались кровью или начинали гнить заживо, но все как один готовы были отдать жизни за женщин-жриц, са-моотверженно пытавшихся поставить их на ноги.

Небесная Стая Леонкера

Проведя серию удачных атак на войска Норсканцев за пределами городских стен, и как следует оценив сложившуюся обстановку, Лоуэн пришел к выводу, что Альтдорф нуждается в не меньшей защите изнутри. Заметив с воздуха маленький клочок не тронутой заражением земли в глубине бедных кварталов, Лоуэн скомандовал своему эскадрону пегасов держать курс именно туда. Если и оставалась какая-то надежда восстановить город, он верил семена ее лежат именно там.

Граф выборщик Влад фон Карштайн

Император Вильгельм Первый

Король Умертвие

Шаркающие мертвяки

Три орды Зомби

Последние из Клана Анбраджэнов

Три орды Могильных Стражей

Обороняющиеся Раненные

Четыре подразделения раненных солдат Штатных войск, три подразделения раненных солдат Вольных подразделений

Сыновья Кометы

Одна конгрегация Флагелантов

Верховный Паладин

Леон Леонкур

Небесная Стая Леонкера

Однадцать копий Рыцарей на Пегасах

Сыновья Кометы

По окраинам Храма Шали бродило множество фанатиков из числа предрекателей конца света, что искали спасения и очищения в приближении двухвостой кометы. Видя сокровенное в том, что Храм Шали был единственным зданием в горо-

де, которое не поддавалось осквернению Нурглы, Сыновья Кометы стояли на смерть, защищая это место. Жрицы храма были не против соседства с фанатиками, до тех пор, пока те не лезли в их дела и не мешали ухаживать за ранеными.

Ну а теперь, когда знамение прихода Зигмара сияло в небе над городом, Сыновья Кометы и не думали бежать, в их глазах горел настоящий фанатизм.

ДОВОЛЬНЫЕ СОБОЙ ЧУДОВИЩА

Фестус и Кугат набросились на последнее препятствие со всей яростью и злобой, на какую были способны. Однако войско демонов, что следовало по их стопам, было много беспечнее и уже веселилось во всю, наблюдая, как изменилась округа с их приходом. Они были в мире смертных, однако здесь они могли сохранять свою физическую форму, прямо как в благословенных садах своего повелителя.

Фестус Обретший Могущество

Доктору Фестусу удалось соединить все семь ингредиентов и помочь инфекции чумных садов Нургла проникнуть в мир смертных. Теперь Фестус стоял на пороге демоничества, дара бессмертия и могущества.

Кугат Отец Чумы

Кугат пришел в бешенство, узнав что богиня Шаля, упрямо пытается навредить их планам, даже после всего головокружительного разнообразия инфекций, что предложил миру его повелитель. Верховный демон был готов голыми руками сровнять проклятый храм с землей.

Секатор

Сикатор был одним из полудемонических механизмов, что бродили по чумным садам Нургла и ухаживали за буйно цветущей растительностью. Демон-садовник передвигался на огромных механических конечностях, напоминая грохескного краба из пучин безумия. Когда разрыв в реальности стал достаточно широк, Сикатор вырвался в мир смертных, размахивая и клацая своими чудовищными поршневыми конечностями. Как заботливый садовник, он пытался привести вновь обретенный участок сада в соответствие с желанием своего хозяина – вырезать оставшуюся смертную жизнь из буйных зарослей чумных насаждений столицы.

Гноящаяся Толпа

Когда путь в измерение смертных оказался свободен, тысячи низших демонов хлынули в образовавшийся проход на улицы Альтдорфа. Твари были в высшей степени возбуждены, им не терпелось показать свою полезность. Ведь с тем количеством инфекций и болезней, хлынувших в мир смертных, их повелителю наверняка понадобится помочь, чтобы записать каждое.

Гнойнифекс Волдыристый

Командование демоническими армиями Нургла было поручено Гнойнифексу. Этот демон обладал воистину феноменальной памятью и знал всех до последнего нурглингов, что в бесчисленных количествах следовали по пятам его армии. Если был такой демон, что способен максимально эффективно заразить и инфицировать врага всеми возможными способами, то это, несомненно, был Гнойнифекс Волдыристый.

Ангелы Разложения

Чумоносцы, входившие в эскорт, сопровождавший двух аптекариев по улицам Альтдорфа, были самыми смертоносными из всех. Верхом на древних гниющих крылатых тварях, что еще пробовали на вкус внутренности первых колонистов Империи, Ангелы Разложения с незапамятных времен стояли на страже гниющих райских садов своего повелителя. Теперь же, когда жирный перегной их земель увеличился в территории, они с кровожадным рвением обследовали свои новые охотничьи угодья.

Свора Проказников

Раздувшиесь от возбуждения, орды нурглингов на воднили Альтдорф сквозь образовавшуюся брешь в реальности. По прибытию в мир смертных, они тотчас же занялись делом – кувыркались, булькали, пукали, улюлюкали, играли в перетягивание каната со своими внутренностями. Вообщем всем своим видом показывали, что на смену скучному порядку смертных пришел праздник беспорядочной жизни во всех ее проявлениях.

Брюзжалы

Нурглинги были не единственными обитателями райских садов, что пришли в мир смертных в поисках новых приключений. Хлюпая и еле тащась, следом за ними, ковыляли мерзкие твари, полужидкие ходячие рассадники инфекций – Брюзжалы. Все, с чем соприкасались их многочисленные ложножожки или склизкие туши, моментально гнило и разлагалось, пораженное агрессивными бактериями их комковатых тел. Они были настолько нестабильны, что время от времени им приходилось останавливаться, чтобы не расплескать свои внутренности.

Фестус
Обретший Могущество

Кугат Отец Чумы

Гнойнифекс Волдыристый

Геральд Нургда

Ангелы Разложения

Семь Чумных Роев

Гноящаяся Толпа

Семь орд Чумоносцев

Свора Проказников

Три своры Нургликов

Брюзжалы

Семь Зверей Нургла

Секатор

Жнец Душ

БИТВА ПРИ ХРАМЕ ШАЛИИ

Сделав широкий круг по воздуху над Храмом Шали, Лоуэн послал свое- го крылатого зверя вниз. Кугат обернул искаженное гневом лицо навстречу рыцарю, осмелившемуся бросить ему вызов. Цель была определена, и гиппогриф камнем упал на голову огромного демона. Гнилые трутни яростно зажужжали, спеша на защиту своего господина, но были слишком медлительны. Грузный демон, едва успел поднять свою оплывшую руку, чтобы хоть как-то защититься, но копье Лоуэна уже вонзилось в его грудь почти на половину своей длины. Когти гиппогрифа рвали макушку и покатые плечи Кугата, выдирая пластины гниющего мяса.

С поразительной ловкостью, никак не присущей такому неповоротливому созданию, Отец Чумы обхватил древко копья и дернул в сторону, использовав оружие как рычаг. Пролетев несколько метров кувырком по воздуху, Лоуэн и его крылатый скакун со скрежетом и хрустом впечатались в стену Храма Шали. Когда пыль и каменная крошка осели, на их месте чернело пятно про- лома, края пробитой каменной кладки были испачканы кровью. Ни короля, ни его скакуна видно не было. Кугат довольно хмыкнул и выдернул копье из своего брюха. Посмотрев на оружие, он переломил его пополам, и всадил стальной наконечник в голову подбравшегося с боку имперского солдата. В это время, в воздухе над ним, рыцари на пегасах сошлись в битве с чумными трутнями.

Фестус ковылял сквозь руины палаточного городка по направлению к Кугату. Глухими хлопками его опухших ладоней, доктор аплодировал демону за его изобретательность. Ведь никто из прислужников Нургла не мог дотронутся до освященной поверхности Храма Шали. Но использовать последователей проклятого порядка непосредственно для разрушения их же святынь, было, несомненно верхом мастерства.

С запада пришли мертвые. Толпы изувеченных трупов, завывая и клацая, рвались вперед, спотыкаясь об остатки изломанной мебели, валились через парапеты, ползли из сточных канав. Эшэлон мертвяков врезался в чумную колонну низших демонов позади Кугата. Зомби были вооружены обломка- ми труб, осколками стекл, камнями и прочим строительным мусором, кото- рым было можно колоть, резать или дробить кости. Сама по себе атака была бы малоэффективна, но чумоносцы в эйфории продолжали подсчитывать окружающие их инфекции, а с неожиданным приростом разлагающихся тел, заразы стало еще больше. Первые ряды увлеченных восторгающихся демонов были искромсаны и размолоты в кашу. Гнойникс первым опомнился от внезапного нападения и хлюпая своей гнилой трахеей, принял раздавать команды. Заслышав его монотонный, но властный голос, демоны, будто очнувшись ото сна. Ржавые короткие мечи одновременно поднялись и опу-

стились, кромсая напирающих мертвцев.

Все же атака мертвых принесла свои плоды. В то время, как передняя линия чумной армии была занята рукопашной, основные силы войска умертвий Влада нанесли удар по флангам демонической орды. Скелеты, облаченные в истлевшие доспехи с механической точностью рубили опухшую зараженную плоть чумных пехотинцев. Злобные умертвия, в цветах первых поселенцев Альтдорфа, расчленяли уродливых комковатых тварей Нург-ла. Те были слишком медленны и их единственное оружие – зараза – мало чем помогала против давно ставших покойников. Влад, во главе могильной стражи (grave guard), дрался в самой гуще массы чумных демонов. Со свирепой улыбкой и идеально отточенными движениями своего меча он был похож на вихрь из разящей стали. Чумоносцы вокруг него разлетались на лоскуты и исчезали, словно были не более реальны, чем туман. Переполненные темной энергией вампира, его телохранители, могильные стражники, орудовали своими мечами со скоростью и мощью, выходящей далеко за пределы человеческих возможностей.

Напор войска Влада был таким яростным и неожиданным, что на вылет пробил фалангу демонического сброва. Оказавшись по другую сторону фаланги, мертвые плотнее сжали ряды, и, выставив перед собой щиты и клинки, двинулись вперед, отрезая основную массу демонов от храмовой площади. В то время, как армия нежити

оттесняла демонов все дальше и дальше в центр города, войска чумоносцев, осаждающие Храм Шали были лишены подкрепления и остались в меньшинстве.

На широких каменных плитах ступеней Храма Шали, Кугат врезался в толпу ополченцев, защищающих однокую женскую фигуру в белом жреческом одеянии. Ударом своей чудовищно толстой, гниющей руки, демон покалечил и убил сразу десятерых. Их изломанные трупы с чавканьем и хрустом разлетелись в разные стороны, в то время как Отец Чумы занес свой окровавленные клинок над головой беззащитной жрицы.

Лоуэн Лионкер бросился из пролома в стене храма на помощь женщине и, обхватив ее за талию, с силой рванулся в сторону. Тяжелый клинок Кугата со скрежетом врезался в каменный пол. Он выбил горсть дробленных камней и сноп искр из того места, где только что стояла жрица.

От столкновения с рыцарем, жрица упала на матрац, валяющейся на земле сломанной больничной койки. Сам Лоуэн, уходя от дробящего удара, отскочил и врезался в широкий стол антикварной работы, использовавшийся теперь для перевязки. Сгруппировавшись, воин вскочил на поверхность стола и, не теряя ни секунды, оттолкнулся ногами от заваленной кровавыми бинтами столешницы. Оказавшись в воздухе, Лоуэн вложил весь вес своего тела в сокрушительный удар серебряного клинка. Лезвие вонзилось в

грудь Кугата, с влажным треском распарывая ее книзу и обнажая гниющее черное сердце демона.

Воя от ярости, Кугат поддел рыцаря своими ветвистыми рогами и резко мотнув головой, подбросил того в воздух. Яростно взмахнув своим огромным мечем, Отец Чумы впечатал лезвие плашмя в доспех Лоуэна. Раздался глухой скрежет пробитого металла и хруст костей. Паладин пролетел несколько метров по воздуху, кувыркаясь, как тряпичная кукла и с глухим стуком врезался в бронзовую статую Магнуса Благочестивого и упал на землю. Из многочисленных трещин в его доспехе сочился жидкий свет. С трудом поднявшись на ноги, рыцарь выпрямился и выставил свой щит перед собой. Поверхность щита светилась небесным светом. Лоуэн прокричал своей богине, прося даровать ему силу, и ринулся вперед.

Позади сражающихся чумоносцев, Фестус улыбнулся и желчь запузырилась на его толстых губах. Наконец-то он решил опробовать ритуал переполнения. Прошипев нечленораздельно, он поднял свои крючковатые пальцы к сражающимся с гнойными трутнями пегасам. Несколько из них раздулись в воздухе и мгновенно лопнули. Кровь и внутренности лошадей и рыцарей пали на землю тяжелым дождем. Фестус слизал капли попавшие ему на губы своим опухшим черным языком и улыбнулся.

Освободившись от наседающих пегасов, Ангелы Разложения обрушились

на флагеллантов, что пытались атаковать Кугата со спины. Огромные трутни рвали людей своими крючковатыми гнойными конечностями, а чумоносцы-наездники рубили своими тупыми ржавыми клинками. Но фанатики не сдавались. С дикими воплями они кидались навстречу со смертью, пытаясь голыми руками сломать стеклянные крылья гигантских чумных мух, даже прокусить зубами их гнилую плоть. Трутни были плохо подготовлены для атак лоб в лоб, обычно они добивали в спину убегающих врагов или брали количеством. Столкнувшись с толпами разъяренных фанатиков, они сразу же потеряли двоих из своего числа. Хрупкие студенистые тела не выдерживали напора и ударов цепов.

Неподалеку войска Влада успешно теснили чумные полчища. Как только труп падал на землю сраженный, заклятие вампира снова поднимало его и возвращало в строй. Сомкнув ряды и прикрываясь щитами, мертвые не сдавали своих позиций. Среди истлевших воинов выделялась фигура Императора Вильгельма. Бывший владыка был свиреп и кровожаден, как никогда при жизни. Он встретился в бою один на один с Гнойнифексом Волдыристым и яростно отражал удары его ржавого клинка. Меч Вильгельма мерцал слабым голубым свечением и с гулким лязгом встречал тяжелые удары чумного герольда.

Изрыгая проклятия на булькающем наречии чумоносцев, Гнойнифекс нанес удар, от которого умертье не смогло защититься. Ржавый клинок

перерубил ногу ревенанта чуть выше колена.

Споткнувшись, Вильгельм все же продолжил атаковать. Его меч по кривой дуге отсек кисть демона и вошел глубоко в чахлую грудь, проломив гнилые ребра. Из раны в теле Гнойнифекса посыпались зеленые искры и с громким чавкающим хлопком, демон испарился.

Перед храмом Лоуэн Лионкер продолжал свой смертельный поединок с Отцом Чумы. Жидкий свет заливал изуродованное лицо рыцаря и тек по его подбородку из уголков рта. Кугат ударил и Лоуэн принял бронзовый клинок на свой щит, едва устояв на ногах. Соскочив с поверхности щита, по инерции уходя в бок, клинок демона рассек надвое пришедшего на помощь рыцарю имперского солдата. Лоуэн воспользовался заминкой и ринулся вперед, сократив расстояние до минимума. Его клинок яростно полыхнул в свете двухвостой кометы, зависшей в небе над городом. Кугат закрыл ослепленные на миг глаза дряблой распухшей ладонью и попятился, растерявшись.

В это время из темноты полуразрушенного Храма Шали выскоцил гиппогриф Louna. Животное представляло собой месиво окровавленных мышц и перьев. С утробным рычанием крылатый скакун кинулся на демона, вцепившись мертвой хваткой всех четырех конечностей в его незащищенное мясистое плечо. Кугат взвыл от обиды и бессилия, и Фестус своевременно при-

шел ему на помощь. Доктор подскочил и разбил о голову гиппогрифа одну из своих склянок с концентратом желчи троллей. Животное отпустило Кугата, остервенело царапая передними лапами свою неумолимо растворяющуюся голову.

Отец Чумы не терял времени и ударили четвероногую тварь своим мечем наотмашь, как дубиной. Мертвый гиппогриф отлетел прочь, сшибая на своем пути солдат и сестер храма без разбору.

В битве, кипевшей на территории бедных районов столицы, неестественной выносливости демонов противостояло неиссякаемое количество мертвых тел. Не один из простых смертных не смог бы выстоять в это ужасной, не сбавляющей темп мясорубке. Могущество Нургла, пустило свои корни глубоко в землю города. Каждый поврежденный демон забирал с собой десяток искромсанных в лоскуты умертвий. Чумоносцы были ужасными противниками, они рубили нежить с неустанным монотонностью. Вскоре, Влад уже не успевал поднимать мертвых, чтобы восполнить потери. Кордон из могильной стражи, который вампир оставил перекрывать доступ с главной улицы на площадь, постепенно прогибался под натиском демонов, желающих присоединиться к битве у храма.

Между тем, у Графа Выборщика вон Карштайна были и свои проблемы, о которых стоило позаботиться как можно скорее. Нурглинги пробрались к нему вплотную и карабкались по его ногам, облепив уже по колени. Хихика-

ющие, пускающие слюни демонята пытались добраться до его незащищенного лица. Влад с омерзением отбросил половину, изрубив оставшихся своим мечем Кровопийцей (Blood Drinker). Мысленно вампир поблагодарил судьбу за то, что у демонов не было настоящей крови, и волшебство клинка не пробудилось от соприкосновения с ними. Отряды чумоносцев продолжали прибывать из центра столицы. Полчищам нурглингов, сопутствующих им не было видно конца. Вампир снова был облеплен маленькими толстыми демонами. Забираясь один на другого, они мгновенно достигли уровня ключицы и уже цеплялись за горжет его нагрудной пластины.

Влад произнес проклятие на Некхакарском. Сгустки черной энэргии вышли из его глазниц и, закрутившись по спирали вокруг его туловища, с шипением ушли в землю. Колдовской огонь испепелил на своем пути всех нурглингов, облепивших вампира, оставив на его доспехах лишь пригоревшие пятна вонючей слизи. Фыркнув, Влад вытер лезвие меча о полу своей накидки.

Огромный стальной коготь ударили вампира в спину с чудовищной силой поршневых двигателей демонического механизма, посыпая того в полет через всю площадь. Плиты мостовой треснули, когда огромный Секатор выскочил на площадь, перебирая своими многочисленными конечностями и неистово щелкая клешнями. Отряд копейщиков бросился ему напререз, прославляя Зигмара. Странные полуорганические орудия демонического механизма вы-

стрелили сгустком липкой жижи, что мгновенно накрыла храбрецов. Солдаты завопили в агонии. Стекая по телам несчастных, кислотная желчь растворяла доспехи, кожу и мышцы, оставляя белую кость.

Раскатистый вопль прокатился по площади, когда Кугат отпрянул назад, давя и разбрасывая в разные стороны толпу флагеллантов, пытавшихся осаждать его с тыла. Лоуэн висел, цепляясь за рукоять своего меча, на всю длину погруженного в глотку огромного демона. Светящаяся жидкость, капающая из множества ран на теле Бретонца, жгла и разъедала плоть Кугата, подобно сильнейшей кислоте. Проникая глубоко под воспаленную плоть демона, жидкий свет затвердевал острыми янтарными осколками в мясистом фурнкулезном мясе. Но самое страшное было то, что глубокая рана на груди Кугата не затягивалась, постепенно заполняясь этой светящейся гадостью, которой буквально истекал Верховный Паладин.

Кугат ревел, рычал и размахивал своими огромными лапами, но ничего не помогало. Ему не удавалось сбросить воина. Бретонец мрачно улыбался, видя как его священная кровь разъедает Великого Демона, разрушая его черную плоть силой благочестия богини куда более могущественной, чем Шаля. Отступая задом в слепую, неуклюже раскачиваясь и воя, Отец Чумы врезался в статую Магнуса Благочестивого, ломая ее основание своим грузным телом. Лоуэн оттолкнулся от груди разъяренного демона, и, упав на

землю, откатился в бок. Как раз в это время статуя упала, намертво пригвоздив Кугата к плитам храмовой площади, сломав ему кости и расплюшив череп. Булькая и хрипя, демон Нургла начал уменьшаться в размерах, от его туши пошел желто-зеленый дымок и, вскоре от него не осталось ничего, кроме грязной черной лужи.

Лоуэн Львинае Сердце стоял, истекая кровью, выпрямившись во весь рост над статуей бывшего Императора. Он поднял свой меч, указывая острием клинка в сторону Фестуса. Рыцарь закричал, вызывая доктора на бой, и кинулся через площадь по направлению к нему. Фестус сунул толстую руку себе под мышку и оторвал с лопатки на спине длинную жирную пиявку. Неловко замахнувшись, он швырнул червя паразита прямо навстречу бегущему рыцарю на манер пращи. Извивающаяся тварь опутала ноги воина, прервав его отчаянную атаку. Лоуну, все же удалось рвануться вперед из последних сил. Одним скачком он преодолел оставшуюся пару метров, оказавшись вплотную к грузному аптекарию. Его сияющий клинок погрузился в жирное брюхо Повелителя Пиявок. Такое ранение, несомненно, прикончило бы смертного на месте.

Однако Фестус был как никогда полон сил и благославлен Нурглом. Боль была так привычна ему, что он даже не заметил удара. Аптекарий разбил о лицо рыцаря одну из своих склянок, заготовленную секундами ранее. Демонический ихор зашипел на голове Лоуэна, вмиг обезобразив

его до неузнаваемости. Король-воин упал на колени, крича от боли и ярости, пытаясь руками очистить тлеющую плоть. Фестус довольно крякнул, не спеша извлекая грязную хирургическую пилу из складок своего фартука. Пританцовывая, он обогнул скорчившегося воина, схватил за волосы и дернул голову назад, обнажая шею. Полумертвый Бретонец почти не сопротивлялся и доктор с размаху рубанул ножовкой по его горлу. Брызнула освещенная кровь. Попав на руки Фестуса, жидкий свет зашипел. Но поскольку тот был все еще существом материальным, а не демоническим, заговоренная кровь лишь обожгла его, не причиняя особого вреда. Повелитель Пиявок принял с маниакальным усилием водить пилой из стороны в сторону, с хрустом перерезая сухожилия и позвоночный столб. Кровь ударила фонтаном, когда он, наконец, оторвал голову Верховного Паладина и воздел ее высоко над собой, к ужасу имперских солдат, находившихся поблизости и наблюдавшими за поединком.

Фестус отпихнул ногой обезглавленный труп. Над городом, в черном штурме раздался одобрительный хохот. Это отец радовался за успехи, которых добилось его дитя. Изо рта и глаз Фестуса хлынуло ядовито-зеленое свечение, кожа его пошла рябью, когда благословление Чумного Бога наполнило его новыми губительными энергиями. Каждый демон, что дрался на площади вокруг него, скандировал теперь имя аптекария.

Влад атаковал Фестуса с боку, подобно черной молнии. От удара оба покатились по брусчатке, сметая столы и больничные койки. Оказавшись сверху, вампир занес свой клинок для решающего удара. Фестус прошипел заклинание. На глазах кожа Влада позеленела и слезла, глаза его впали в череп, мышцы истлели и кости превратились в пепел. Какое-то время доспех стоял вертикально, потом с грохотом рассыпался на части. Драгоценное кольцо со звоном упала на камни мостовой и, звякнув несколько раз, закатилось под кучу деревянного скарба.

Фестус тяжело поднялся, фыркая и отряхиваясь. Видя, что мертвые отступили его со всех сторон, он небрежно махнул рукой в их сторону. Трупы стали пузыриться нарывами, их кожа сползала с оставшихся на ногах костей, а плоть разлагалась и стекала черными лужами. Их кости крошились и развеивались сырым зараженным ветром, что дул со стороны центра города. Тем временем, площадь начали заполнять подкрепления чумоносцев.

Сестры Храма Шали в полной мере использовали то время, что защитники выиграли для них. Из храма они принесли сосуды с освещенной водой и омыли ей стены по всему периметру внутреннего двора. Тем самым они создали магический барьер чистоты. Теперь демоны не могли перейти границы этого барьера. Защитный круг был почти завершен. Фестус усмехнулся их жалким попыткам удержать его от проникновения в их святилище. Да ему стоит только пальцем пошевелить - зем-

ля вывернется наизнанку, а их ненаглядный круг силы рассыпется прахом.

Внезапно куча деревянного скарба за спиной Фестуса разлетелась по сторонам. На ее месте стоял Влад вон Карштайн с заостренным деревянным обломком в одной руке и мечем своих предков в другой. Драгоценное кольцо на его руке сверкнуло ослепительной вспышкой, обжигая глаза аптекаря. Влад рванулся вперед. Фестус опомнился и резко свел руки, поймав лезвие вампирского меча в свои мозолистые прогнившие ладони. В это время деревянный обломок глубоко погрузился в его выпуклую студенистую грудь.

Вампир не ошибся, и подтверждение правоты его выбора пришло незамедлительно. Переполненное энергиами энтропийного плодородия, тело аптекаря превратило мертвый кусок Дракенвальского дуба в молодой побег, придав его росту невероятной скорости. Влад отпрянул в сторону, наблюдая как толстые корни пробили спину Фестуса, вгрызаясь в каменную кладку площади и вздернули того брюхом кверху. Грудь доктора раздулась, до невообразимых размеров и лопнула, высвобождая древесную корону, что стала тянуться все выше и выше. Ствол утолщался на глазах, и взрослое дерево разорвало Повелителя Пиявок на части. Облако зеленого тумана отделилось от ошметков его тела, и было втянуто бушующим над городом штормом, отправившись в Измерение Хаоса.

Демоническая орда вскоре поняла, что не может проникнуть на территорию храма из-за защитного барьера, установленного сестрами-жрицами. Несколько уцелевшим солдатам посчастливилось пробраться на территорию храма. Люди были слишком измотаны даже для того, чтобы радоваться своему чудесному спасению. Ни мертвые не демоны не могли теперь добраться до них.

Благодаря упорству полчищ воскрешенных трупов, в том числе бывших отцов-основателей, и самопожертвованию благочестивых лордов Бретонии, что отдали свои жизни для защиты храма, жемчужина нищих районов была спасена, а вместе с ней и душа Альтдорфа.

На севере, за городскими стенами продолжалась битва. Уроды тащили на своих плечах полевой храм Гатрота Спюма по направлению к имперским элитным подразделениям. Оказавшись в гуще бойцов Рейксвардии, Повелитель Щупалец стал орудовать своим боевым топором, отнимая жизнь за жизнью с каждым его взмахом. Ганс Зинтлер заприметил чемпиона Хаоса и направил своего коня по направлению к беснующемуся Гатроту. Приблизившись к паланкину, Зинтлер принялся рубить уродов, поддерживающих его. К нему присоединились другие конники, и процессия Спюма завязла. Мутанты орали от боли, куски их плоти, отсекаемые мечами, летели в разные стороны. Один из уродов рухнул на землю, ему отрубили ногу и выпустили кишки.

Не мешкая, Гатрот прыгнул сверху в гущу имперских конных воинов. Его щупальца сдернули шестерых из седел и подтянули к нему в момент приземления. Взмахом топора, зажатого в седьмой щупальце, Гатрот тут же обезглавил троих из их числа.

Зинтлер громко воззвал к Зигмару и, с седла, рубанул Гатрота своим мечом прямо между лопаток. Навалившись всем весом, он протолкнул лезвие вглубь и его конец вышел спереди из грудной пластины Норсканца. Прикончив имперских солдат, Гатрот отбросил их обезглавленные тела прочь и обернулся к бесчестному врагу, ударившему в спину. Щупальца обвились вокруг конечностей Зинтлера и сдернули того с лошади, попутно обезоружив. Спюм подтянул обидчика к себе и влажно захочотал сгустками гнили в лицо имперского командира. Острье меча все еще торчало из его груди. Швырнув Зинтлера на землю, Гатрот придавил его грудь своим тяжелым кованым сапогом. Затем одна из ложножек вынула меч из раны в его спине. Повернувшись к земле его же собственным мечем. Умирая, тот грязно ругался и клял своего убийцу, но Гатрот уже двинулся дальше, позабыв червяка, которого только что раздавил.

Сквозь брешь, образованную Повелителем Щупалец в рядах Рейксвардии, сразу же хлынули толпы Драквальдских зверолюдов. Вплотную подобравшись к северной стене, они принялись разрушать ее изношенный

временем фасад. На востоке, резерв имперских войск истоцался с пугающей быстротой. Эпидемиус вел в атаку своих заразных пехотинцев. Счетовод ни на секунду не выпускал из руки пера и не переставал записывать все новые и новые формы заражений и болезней, что так щедро распространял в этом месте его повелитель. Вирусов и инфекций было так много, что от их изобилия голова шла кругом.

Вскоре Эпидемиус уже записывал двумя руками одновременно, держа по перу в каждой. Его всегда идеальный подчерк стал размашистым и местами невнятным. Так много предстояло еще записать. Ничего он припишет все начисто, когда битва будет закончена. С каждым новым свитком, что он заполнял, чумоносцы вокруг него получали все больше и больше черной энергии. Лезвия их ржавых мечей становились заразнее и губительнее для смертных. Теперь малейший порез их клинов вызывал судороги и жуткую смерть.

Недалеко Орготтс Демонорвот и его лициночные всадники собирались атаковать артиллеристскую батарею, расположенную у восточных ворот. Получив ужасные ранения, ездовые твари все же доставили своих всадников вглубь окопавшихся артиллеристских расчетов. Огромные пушки разлетались в стороны, как щепки, когда всадники Ледяного Отрога шли ураганом сквозь боевые порядки имперцев. Но всадников было лишь трое, в то время как пушек было несколько дюжин. Не малая доля орудий была уже наведена на Эпидемиуса и его телохранителей.

Девятикратный залп Адских взрывателей грянул точно предвестник конца света. Там где упали снаряды, люди и демоны были превращены в грязное месиво, а земля под ними, в дымящиеся воронки. Эпидемиус взглянул на огромную дыру, что ядро пробило в его животе. С интересом он стал пересчитывать полезшие наружу вместе с его кишками бактерии и вирусы. Перо в его руке замерло, не дописав очередное слово наполовину, и демон-герольд испарился из мира смертных.

Снаружи Восточных Ворот чумоносцы продолжали свои атаки, хотя с исчезновением их лидера напор их заметно поубавил в ярости и мощи. Все же демоны были не единственными союзниками, которых Демонорвот привел с собой из окрестностей Талабхейма.

Сметая все на своем пути, появился быкоголовый монстр с кожей из чистой бронзы. Он шел в бой на двух ногах, сжимая в мускулистых руках огромные топоры. На его коже черным свечением проступали мерзкие темные символы. Вслед за ним летела банда ревущих минотавров, звери были забрызганы кровью с копыт до кончиков рогов. У некоторых на рога были нанизаны куски человеческих тел. Копейщики дрогнули, когда бронзовое чудовище ринулось прямо на них. Копья и бердыши отскакивали от его металлической шкуры. Орудия своими руническими тесаками, свирепое чудовище окунулось в кровь и крики умирающих имперцев, являя собой ад резни. Солдаты пытались отступить и перегруп-

пироваться, но мало кому это действительно удалось.

Минотавры обрушились на смятые порядки копейщиков и присоединились к учиненной резне. Бронзовый рогатый кошмар поднял свою забрызганную кровью морду к небесам. Приветствуя богов, он издал металлический рев, от которого задрожала земля. Для защитников Альтдорфа это было уже слишком. В страхе люди побежали, сменяя и расталкивая спешащие им на помощь подкрепления еще не хлебнувших кошмара воинов. Минотавры не пытались преследовать трусов, они остались чтобы пирить. Рогатые людоеды рвали трупы и тяжелораненых солдат, что не могли убежать и пожирали кровавое теплое мясо. Некоторые лизали кровь, скопившуюся в грязных канавах на поле боя.

В ста метрах от побоища возник Мунвард Жестокий. Вполголоса он начал плести свое заклинание. Позади минотавров из под земли поднялась еще одна стена, но она была не из камней а из оживших мертвяков. Мертвые воины синхронно опустили вперед свои копья и ударили с необычайным напором и слаженностью, убив трех минотавров на месте, ранив и покалечив остальных.

Толпа гниющих трупов хлынула из Западных Ворот, отрезав минотавров от всех возможных путей к отступлению. Переполненные некромантской энергией, трупы остерьгнулись в бой. Когда минотавров взяли в кольцо и принялись убивать, кадавры, кото-

рые не могли дотянуться до животных, лезли на головы впереди стоящих зомби. Зверей Хаоса в буквальном смысле похоронило под ковром из осатаневших мертвяков. В это вторая волна зверолюдов ударила с севера.

Бронзовый монстр шел к Восточным Воротам, прорубая себе дорогу, оставляя за собой влажный пурпурный ковер из рубленного человеческого мяса и подергивающихся конечностей. Путь ему преградил полк Талабхеймских пистольеров (pistoliers). Но их пальба в упор не возымела никакого успеха. Выстрелы отскакивали от бронированной кожи, не причиняя вреда. Чего нельзя было сказать о них самих. Все кто не смог или был слишком глуп, чтобы бежать, были в считанные секунды порублены и затоптаны бронзовыми копытами чудовища. Стальной минотавр взревел, предлагая эту жертву Кровавому Богу.

Бронзовокожий минотавр повел головой в сторону, выбирая следующих жертв. И вдруг стрела с черным оперением со скрежетом вошла в еле заметное сочленение брони на его шее. Далеко на верхушки оборонительной башни Восточных Ворот, Хантсмаршал опустил свой лук и мрачно улыбнулся. Бронзовое чудовище вздрогнуло и, закатив кроваво красные белки своих глаз, замертью рухнуло в кровавую грязь равнины.

Вопль разочарования прокатился по рядам воинов Хаоса, когда чемпион-минотавр пал. Воспользовавшись моментом, альтдорфские солдаты сом-

кнули ряды и перегруппировались. Имперцы с большим трудом сдерживали напирающие войска противника. Все больше и больше подразделений неприятеля присоединялось к сражению под стенами столицы, в то время как защитники уже задействовали все имеющиеся у них вооруженные силы.

Совсем иная история происходила у Западных Ворот. После внезапной и кровавой атаки Бретонской конницы, Братья Глот вконец потеряли терпение. Когда им оставалось не больше сотни шагов до городских стен, кирпичная кладка ворот взорвалась, выпуская наружу полчища живой мертвечины навстречу. Отто велел Гурку не останавливаться. Громадный урод размеров двухэтажного дома, попер вперед, словно каменный жернов, давя и раскидывая в стороны вяло напирающую дохлятину. Его огромное щупальце бешено колотило во все стороны, круша и ломая трупы десятками, не встречая никакого сопротивления. Итрак небрежно выплевывал заклинания, что растворяли кости попадавшихся на пути трупов, заставляя безвольно опавшую плоть стелиться уродливым ковром под мясистыми лапами Гурка. Мертвяки были словно назойливые насекомые, и тройня небрежно давила их по пути. Запах гниющих садов ощущался на подступах к городу и придавал братьям сил, как никогда раньше.

Проходя через Западные Ворота, братья были атакованы залпом мушкетеров с крепостных стен. Отто поднял длинный мешкообразный нарост на

его животе и сдавил его в руке, послав струю жгучего сернистого вещества прямо в лица стрелков. Вопли боли раздались, когда кислотная желчь стала разъедать кожу и кости, воины падали на пол и бились в агонии не в силах отчистить свою плоть от агрессивной инфекции. Заметив одного уцелевшего стрелка, Отто зацепил его лезвием своей косы за плечо и притянул к себе через край крепостной стены. Схватив жалкого дурака, он со всем пристрастием допросил его, желая знать, где обитает владыка этого города.

Трясущийся мужчина протянул руку в сторону и указал на Императорский Дворец. Отто поблагодарил солдата, с силой швырнув в стену, расколол его череп и сломав большую часть его костей.

В облаках над городом появилась пара грифонов. Звери опускались прямо на центральную площадь разоренной столицы. Один из воинов, сидящих верхом на грифоне, носил на голове украшенный плюмажем Императорский шлем. Карл Франц наконец вернулся.

Войска Братьев Глот хлынули на улицы города сквозь брешь в западной стене, и обнаружили, что район Западных Ворот буквально кишит живой мертвечиной. Ожившие трупы слепо рвались в атаку, выставив перед собой протянутые руки со скрюченными пальцами. Как по команде, они не обращали никакого внимания на основную армию северян, целью их служила лишь тройня.

Расправив кожистые перепончатые крылья, в середину мертвецкой толпы спикировала фигура, облаченная в резную красную броню. Звериное лицо начало обретать человеческие черты, огромные клыки втянулись под верхнюю губу, а крылья ссохлись и укоротились, превращаясь в руки. Это был Мунвард Жестокий, и он намеревался поквитаться с северными дикарями, которые разрушили его дорогой город-порт, а теперь собирались уничтожить столицу Империи. Обычно вампир предпочитал продуманное и холодное отмщение, но время не оставляло ему иного выбора, как яростная и грубая атака.

Некхекарское заклятие, произнесенное Мунвардом, ударило в грудь Итарка копьем черной энергии, заставив того согнуться пополам. В это время с небес прямо на голову Гурка камнем упал Душегуб (*terrorgheist*), известный в народе как Суидокский Зверь. Крылатая тварь издала оглушительный визг, атакуя звуковой волной невообразимой мощности. Огромная морда Гурка исказилась в гримасе нестерпимой боли. Его челюсти плотно сжались, а из уродливых дырок ноздрей выступила грязно-кровавая пена.

Все больше и больше трупов стекалось, окружая братьев. Вокруг тройни выросла толстая высокая стена копощащихся мертвецов. Воистину, призыв такой армии, требовал великого мастерства некромантии. Стена все росла и росла вверх, окружив чемпионов Нургla плотным непроходимым кольцом. Ее высота достигла критической

отметки, и края обвалились внутрь, погребая Братьев Глот под слоем воющей мертвечины.

Гурк, слегка оглушенный, но слишком большой для того чтобы его остановило скопище мертвых букашек, разбросал мычащие трупы, расчистив себе место для атаки. Его смертоносное щупальце, заменившее левую руку, метнулось вверх и намертво обвилось вокруг лапы Душегуба. Сжав конечность летучего урода со всей своей силой и рванув того вниз, Гурк сбил наводку чудовища и оглушающая звуковая волна ушла в сторону, ударив в сторожевую башню над Западными Воротами. Смертоносный визг прикончил десяток мушкетеров, что занимали там оборону. Мунвард взмахнул костлявой рукой и стрелки поднялись на ноги, уже как нежить, продолжая обстреливать Норсканцев.

Мунвард вскинул свою руку, посылая сгусток зеленоватой некромантской энергии в тело Душегуба. Притянутого к земле монстра объяло тусклое зеленое свечение. Взбивая воздух своими крыльями, тварь начала с трудом подниматься вверх, раз за разом все больше высвобождаясь из скрученного щупальца. Но Гурк держал крепко. Суидокский Зверь заколотил крыльями изо всех сил и потащил за собой огромного мутанта, словно непослушное, упирающееся дитя. Отто и Итрак вцепились в загривок братца, когда тот налетел на старую часовню, разрушив ее до основания.

Отто спихнул ногой пару трупов, что пытались вскарабкаться на спину ошалевшего от недавней атаки Гурка. Выплюнув сгусток кровавой мокроты размером с кулак, воин взмахнул своей косой, разрезав пополам сразу троих зомби из числа все еще напирающих умертвий. В этот момент, разрывая в клочья штормовые тучи, на небо вырвался призрачный паланкин. Ядовитые молочно-белые капли льющегося дождя, пролетали насквозь парящий экипаж, запряженный воющими духами. Холодный стеклянный смех рассыпался по округе, когда с подушек паланкина поднялись три женские фигуры, закутанные в белоснежные шелка. Ведьмы-вампирши соединили свои руки и пронзительно завизжали, посыпая черную шаровую молнию в направлении Братьев Глот. Отто почувствовал запах своей обожженной кости. Разряд угодил ему прямо в голову, расплавив шлем на макушке и спалив скальп.

Взревев от ярости, Отто швырнул свою косу вверх по широкой дуге. Лезвие загудело в воздухе и угодило в самую высокую из вампирш, склонившуюся через борт повозки, чтобы увидеть смерть Норсканца. Оружие Отто собрало свою жатву, лишив трупную красавицу головы, отправив тело в судорогах биться средь богато расшитых подушек паланкина. Оставшиеся вампирши в ужасе заголосили, когда тело их госпожи превратилось в пепел, и было смыто маслянистыми каплями гнойного дождя. Тем временем коса бumerангом вернулась в руку Отто. Воин смахнул залившую его лицо грязную кровь и пощупал поврежденную ма-

кушку. Рана быстро затягивалась, и это не могло не радовать.

Передышка была короткой. Как только Братья вступили под крышу храмового комплекса, сверху, словно какое-то массовое самоубийство, на их головы посыпались завывающие мертвые тела. Итрака моментально завалило мертвечиной, падающей на плечи Гурка. Волшебник отбивался, как мог, но проклятые трупы крепко вцепились в его тщедушное тело. В бессилии он взвыл, призывая Отто. Брат пришел на помощь, сорвав кусающиеся тела и отправив их под огромные, словно колонны, жернова подошв Гурка.

Итрак воздел свои кривые высохшие руки к черным небесам и издал несколько каркающих звуков. Теперь трупы, что падали на них сверху, не долетая, взрывались в воздухе потоками грязно-зеленой жижи и копошащихся в ней паразитов. Все же мертвецы продолжали атаковать с земли. Они перли сплошной волной, перекрывая братьям дорогу, ведущую к Императорскому Дворцу.

Мунвард в образе крылатой твари, взмыл в воздух, и опустился на край крыши над головами тройни. Приняв человеческую форму, вампир принял колдовство. На этот раз он плел могущественное заклинание, которое уничтожит Братьев Глот раз и навсегда.

Итрак повернул свою голову, уловив изменение в эфирных течениях, и ткнул своим гниющим пальцем в направлении скрывающегося на крыше

вампира. Сорвав с пояса шматок засохшего мерзкого нечто, колдун швырнул его на жаровню, установленную между покатых плеч на загривке Гурка. Угли защелкали, с громким шипением повалил густой зеленоватый дым. Словно обретя жизнь, столб дыма метнулся по направлению к бормотавшему Мунварду и полностью поглатил вампира. Когда грязная дымка рассеялась, на месте Мунварда Жестокого осталась лишь почерневшая груда костей. Гурк боднул стену здания своим громоздким плечом, сотресая его и стряхивая останки вампира на вымощенную камнем уличную дорогу. Гневно сопя, мутант растоптал кости.

Со смертью хозяина Душегуб потерял всю свою мощь и беспомощно баххатался в объятиях щупальца. Гурк вспомнил, наконец, о крылатой твари, что все еще держал за лапу, и повернулся к ней свою туповатую морду с налитыми кровью глазами. Размахнувшись, он впечатал крылатую дохлятину в статую Сиека, в центре Театральной Площади. Зверь продолжал биться, тогда Гурк ударил, им как дубиной, в здание театра, проломив крышу и часть стены. Тварь все еще слабо трепыхалась. Возбужденно подпрыгивая, младший Глот на прощанье несколько раз впечатал ее в каменную мостовую.

Гурк радостно хрюкал и сопел возя по земле обмякшее недвижимое тело Суидокского Зверя. Высоко, в небе над ним, одобрительно прогремело. Готовые к финальной схватке, Братья Глот двинулись по направлению к Императорскому Дворцу. Они не подозревали,

что самый могущественный из Графов Выборщиков – Влад вон Карштайн – готовился оказать им прием.

The Fall of Altdorf

DRAKWALD FOREST

agon
gres

Knightly
Orders
and State
Troops

19

den Plaza

Fischemarkt

arsen Street

37

34

35

32

33

30

26

22

23

24

19

Road to Middenheim

RIVER TALABEC

Road to Talabheim

The Empire's
Blades

Dampfplatz

Steam
Tanks

The
Tallyman's
Host

RIVER REIK

CHARACTERS OF NOTE

- Chaos Command
- A: Glottkin
- B: The Harbinger
- C: Gutrot Spume & Cavalry Horde
- D: Epidemius
- E: Maggoth Riders of Icehorn Peak
- F: Ku'gath & Festus
- Undead Command
- H: Vlad von Carstein
- I: Mundvard the Cruel
- Bretonnian Command
- J: Jhared of Couronne
- K: Louen Leoncoeur
- Empire Command
- L: Kurt Helborg
- M: Hans Zintler

ALTDORF LOCATIONS

- 1: The Imperial Palace
- 2: The Temple of Sigmar
- 3: The Temple of Shallya
- 4: Knights Panther Chapter House
- 5: The Vaults
- 6: The Arcane Towers
- 7: Jade College
- 8: Light College
- 9: Grey College
- 10: Amethyst College
- 11: Gold College
- 12: Celestial College
- 13: Bright College
- 14: Tower of Volans
- 15: Guild of Alchemists
- 16: North Gate
- 17: Königplatz
- 18: Temple of Ranald
- 19: Guild of Imperial Cartographers
- 20: Altdorf Market
- 21: Knights of the Blazing Sun Chapter House
- 22: Guild of Merchants
- 23: Grandmarkt
- 24: Mercantile Area
- 25: Temple of Morr
- 26: Reaper's Crossing
- 27: The Old Bridge
- 28: The Docks
- 29: Barracks
- 30: School of Engineers
- 31: East Gate
- 32: Slaughterhouse District
- 33: Sewer shaft
- 34: Candle Square
- 35: Market Square
- 36: Unterwald Bridge
- 37: State Bridge
- 38: Temple of Rhya
- 39: Cemetery
- 40: The South Gate
- 41: The Imperial Navy Docks
- 42: Greywatch Towers
- 43: Imperial Zoo
- 44: The Grand Glockentor
- 45: Knights Griffon Chapter House
- 46: School of Navigators
- 47: Karl Franz Park
- 48: Carnival Square
- 49: Reik Bridge
- 50: Griffon Bridge
- 51: Volans Crossing
- 52: Northwatch Citadel
- 53: Cemetery of Old Altdorf
- 54: Gallows Square
- 55: Grand Courts
- 56: Altdorf Theatre
- 57: Morr's Garden
- 58: West Gate
- 59: Knights of the Everlasting Light Chapter House
- 60: Knights of Sigmar's Blood Chapter House
- 61: Paupers' Keep

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА АЛЬТДОРФА

Карл Франц вернулся в свою столицу верхом на Когте. Вынырнув из шторма, он увидел, что его земли находятся на грани катастрофы. Последней и единственной преградой стоявшей на пути окончательного краха Империи был Влад вон Карштайн и его войска.

Император Карл Франц

За многие месяцы, со времен своего исчезновения на полях Хэфенгена, Карл Франц путешествовал через все земли своего государства. Случайно обнаруживший его Георг Мартак, поведал императору об ужасной опасности, грозящей Империи людей. Вид разграбленного, лежавшего в руинах Альтдорфа, привел Карла Франца в ярость. Любой ценой он вознамерился покарать зачинщиков этого ужасного злодеяния.

Верховный Патриарх Георг Мартак

Насмотревшись на то, как Курт Хэлборг нещадно пытается навести порядок в отсутствие императора, Мартак отправился на поиски Карла Франца. Верховный Патриарх понимал, лишь истинный правитель способен уберечь Империю от развала. После обмена информацией с птицами и зверями Дракенвальдских лесов, он отыскал истинного правителя с помощью своего верного двухголового грифона Твиншрайка.

Граф выборщик Влад вон Карштайн

Вампир Влад вон Карштайн давным-давно замышлял уничтожить государство Императоров Грифонов и заместить его собственной империей мертвых. Как и многие другие вампиры, он воспринимал человечество в качестве источника пищи, глупого скота, ждущего заклания по воле своих вечно голодных повелителей. Однако, в отличие от большинства, подобных ему, Влад заботился о человеческом скоте и всегда держал его довольным и откормленным. Вампир не мог позволить силам Хаоса осквернить и разрушить порядок вещей, что он культивировал и взращивал на своих землях на протяжении десятилетий. Собрав все свое темное могущество, вон Карштайн поспешил наперерез войскам Братьев Глот, и преградил им путь в Императорский Дворец. Теперь целостность Империи зависела не от живых Графов Выборщиков и их смертных армий, а от вампира из глубин Сильвании и его мертвоведов.

Дворцовые Мертвяки

Черная темная сила без меры, в разгар Геминиснахта, Владу удалось даже, проникнуть в Сады Мора и вырвать из объятий бога смерти почившую давным-давно Альтдорфскую знать. Мертвым воинам, которых Влад кинул на перехват Братьям Глот, было по несколько веков. Хотя они превратились в куски истлевшего металла и кости, их дух остался все таким же непокорным и стойким. Древние герои и чемпионы Империи вновьшли на битву, поддерживаемые темным волшеством некромантии их нового хозяина.

УБИЙЦЫ НА ПОРОГЕ

Судьба Империи висела на волоске, и Братья Глот, как можно скорее намеревались завершить то, что начали их союзники. Когда на последнем рубеже их встретило сопротивление, братья покрепче скжали свое оружие и приготовились устроить защитникам такую кровавую бойню, которую те не забудут никогда. Ничто не могло стоять между избранными чемпионами Нургла и их конечной целью.

Братья Глотт Одаренные Силой

Купаясь в энергии заражения и гниения, наполнившей город, Братья Глот получили не малую толику могущества и были одарены Нурглом демонической силой, буквально разрывающей каждый мускул их инфицированных тел. Не было ничего невозможного для их тройственного союза. Они серьезно намеревались сделать так, чтобы Разрыв между Мирами оставался открытым навечно.

Слизкие

Остатки племени Красных Грабителей разительно изменились к финальной стадии компании Братьев Глотт. За все время битв и сражений им удалось собрать воистину обильный урожай черепов. Однако царящие вокруг заражение и всевозможные инфекции неумолимо меняли воинственное племя мародеров севера. И вот, теперь, они были с ног до головы покрыты коростой и струпьями, что-то непрерывно копошилось в открытых гноящихся ранах на их тела. Они больше не испытывали боевой ярости или жажды крови. На смену этим неправильным чувствам пришли успокаивающее монотонное жужжание в голове и тепло воспалительных процессов. Позабыв о своем Кровавом Боге, мародеры с радостью славили истинного бога – Повелителя Разложения. Благословленные изменения, коснувшиеся тел Красных Грабителей отчистили души и даровали истинное просвещение. Теперь они звались Слизкими.

Немногие Избранные

Из сотни воинов племени Фьорда, что шли с братьями от начала похода осталось лишь несколько. Но это были закаленные ветераны, настоящие монстры с грузными пораженными инфекцией телами. Каждый из них по отдельности стоил нескольких десятков обычных воинов и мог стать во главу отдельного племени, как сильнейший из чемпионов. Объединившись в ударную группу, эти чумные боевые машины, были столь смертоносны, что притягивали внимание богов.

Рыцари Энтропии

Уродливые полоумные твари, мутанты-гуманоиды, что начинали свой поход в рядах Братьев Глот и выжили после всех мясорубок, в награду были одарены разумом для последней битвы. Теперь чудовища могли осмыслять все прелести своего превосходства и красоту дарованных мутаций. Теперь они гордо называли себя Рыцарями Энтропии. Бывшие отверженные шли в бой, восхваляя своего щедрого добродетели, позволившего им выделится на фоне остальных воинов и реализовать каждую из черт их индивидуальных характеров посредством уникальных мутаций.

Имперский Дворец кишел демонической порослью. Жирные, покрытые белыми ворсинками, пульсирующие лианы застелали, рефренную извилистую точно человеческие мозги, блестящую от слизи поверхность чумного подлеска. Едва ли остался хотя бы один квадратный метр каменной кладки, не тронутый плесенью или черным мхом. Все здесь радовало глаз Братьев Глот.

- Если все пойдет по плану, - глухо побулькал Отто, обращаясь к своему брату-колдуну, - из этого места получится отличная летняя веранда.

Итрак хрюпlo расхохотался. Впервые, его смех не был отравлен сарказмом, а шел прямо от его черного сердца. В стороне Гурк счастливо похрюкивал, наблюдая, как шевелиться гигантская мухоловка, обвившаяся вокруг статуи Зигмара. Вниз по улице, долговязый шаман-предсказатель, вел алчно ревущие ватаги зверолюдов по направлению к дворцу.

И вдруг сотрясая окрестности, раздался сильный волевой голос. Голос, который мог исходить только от величайшего среди людей:

- Довольно. - Произнес Карл Франц. Его величественный грифон приземлился на краешек крыши дворцовой арки, поросшей демонической гадостью. - Все и так зашло уже слишком далеко.

Еще один грифон с пронзительным клекотом спускался с небес. Отто задрал свою голову, с интересом наблюдая за двуглавым гибридом, кружившим над дворцовой площадью. В

это время на площадь вышло мертвое войско. Во главе ходячих трупов стоял Влад вон Карштайн, его руки были скрещены на груди, лицо не выражало никаких эмоций.

- Это наша земля, не ваша, - продолжал Карл Франц, - возвращайтесь на север, что отрыгнул вас. Да не забудьте забрать свою черную заразу. Даю вам последний шанс, уйти живыми отсюда.

- Дворец выглядит грязноватым, тебе так не кажется? - гулко прокричал Отто, подзывая жестом своих воинов. - Сам-то уверен, что ты и твой волосатый любовничек на двуглавой курице хотите его обратно?

- Уходите, или я переубиваю вас всех до единого. - Отрезал холодно Карл Франц.

- Что ж, маленький принц, давай же посмотрим, так ли хорошо ты дерешься, как болтаешь. - Рассмеялся в ответ Отто. Он плюнул на лезвие своей косы и указал им в сторону императора.

- Да будет так. - С этими словами, Карл Франц выхватил из ножен свой рунический меч. Оружие ослепительно сверкнула в свете двухвостой кометы, что зависла над городом, словно второе солнце, грозя спалить землю своим жаром.

- Дерись же! - Крикнул Отто, чувствуя на себе взгляд богов. Взмахом своей опухшей, покрытой панцирем из коросты, руки, он послал своих бойцов в атаку. Чумные воины двинулись к Карлу Францу и его компаньону волшебнику. Несколько северян, что первые достигли цели, были разорваны грифонами на куски еще до начала основного боя.

Тройня, двинулась вперед. И тут, Отто получил в лицо удар такой силы, что закачался, потеряв шлем, который со звоном ускакал по мостовой. Мгновенно опомнившись, он заметил как в нескольких футах от них, на крыше дворцовой оружейной окутанный стаей летучих мышей, словно вуалью, приземлился вампир. Тот, которого он видел до этого во главе ходячих мертвяков. Гурк с нетерпением подергивался и сопел, желая помериться силой с Императором и его крылатым скакуном, однако, Отто осадил брата тычком в затылок. Сперва он сразиться с этим дохлым высокочкой.

- Ты заплатишь за свой трюк с косой, жирный выродок. – прошипел Влад, его лицо исказила гримаса злобы. – Ламийка конечно не Изабелла, но и она была довольно полезной.

- Да она же покойница! – Ярость в его голосе сменило отвращение. – Она была холодна, как могила, я не дал бы за нее и вшивого червя.

- Я холоднее безмерно. - Ответил Влад, вынимая из ножен свой узкий клинок. - Давай же начнем, кто бы ты там не был.

Вампир ринулся вперед, пригнувшись в текучем движении, точно змея. Отто отклонился в бок как раз вовремя, чуть не потеряв руку. Меч упыря просвистел мимо. Не теряя времени, Отто контратаковал, рубанув косой по спине врага. Но тот оказался слишком быстр и с хохотом оказался вне досягаемости.

- Ха! Ты вышел на дуэль с косой, деревенщина! Ты должно быть шутишь?

- Нет, я не шучу. – Рыкнул Отто, вы-

брасывая оружие вперед на всю длину, в надежде достать Влада тупым концом и лишить равновесия. Не сработало. Вампир подпрыгнул в воздух и приземлился носками своих сапог прямо на лезвие косы, прижимая его к земле. Выставив вперед ногу, он ударили каблуком по древку. С треском оно переломилось посередине. В ответ, Отто врезал в лицо кровососа своим тяжелым кулаком. Но вампир перехватил запястье и вывернул руку чумного воина так, что оказался позади него.

Раздался чавкающий хруст, и острие вампирского клинка вышло из груди Отто.

- Это было...не плохо, - прохрипел Отто, улыбнувшись кровавыми зубами. – Так благородно и... честно.

- Благодарю, мой жирный друг. – Парировал Влад с усмешкой, однако его голос еле заметно дрогнул.

Отто почувствовал как затрясся вампирский меч в его груди, затем судорожно запульсировал. Кровавое лезвие выскочило из тела чемпиона Нургала. Он обернулся, наблюдая, как Влад отпрянул с выпученными глазами и схватился за свое горло. Спазм скрутил вампира, и вдруг он изрыгнул фонтан рвотной желчи, забрызгав черной дымящейся слизью стену имперской оружейной.

- Ты сломал мою боевую косу любитель трупов. – С сожалением в голосе сказал Отто. Она, конечно, не была таким пафосным кровососущим оружием, как твоя зубочистка, зато была проста в обращении и не капризничала, подолгу выбирая, кого рубить, а кого

нет. Мы, Норсканцы любим практичность.

Воин подобрал укороченное оружие, взмахнул и всадил кривое лезвие в шею вон Карштайна. За мгновение до удара, меч в руке вампира вспыхнул красным, и оружие Отто вспороло пустоту. В вихре летучих мышей вампир растворился в ночной темноте.

- Да, кстати, упырь, ты в страхе бежал о Отто Глота! Запомни это имя! – Прокричал норсканец в след стае летучих мышей. Он закинул косу на плече и деловито окинул улицу своим взглядом. Ходячие кадавры, лишившись своего кукловода, застыли на месте и не двигались точно статуи. – В здоровом теле здоровый дух. – Громко пошутил Отто, глядя на тощие, ссохшиеся трупы, вскидывая свою мясистую тяжелую руку и демонстрируя опухший воспаленный бицепс.

Насвистывая северную мелодию сбора урожая, Отто Глот заткнул рану на своей груди лоскутом грязной мешковины и вернулся на спину Гурка. Отвесив пинок в толстенный затылок братца, он приказал тому двигаться прямиком во дворец. Отто не терпелось встретиться лицом к лицу с Императором, которого он был рожден убить.

БОГИ И ЧУДОВИЩА

Атака вон Карштайна выиграла для имперцев немного времени. Однако Братья Глот неумолимо продвигались вперед. Это был их час, и тела их полнились силой паразитических энергий разложения. Вслед за ними шли их последователи, крича славу тройне, непобедимым избранным чемпионам Повелителя Чумы. Оказавшись во внутреннем дворе Имперского Дворца, Норсканцы стolкнулись с грифоном Карла Франца, что прыгнул вперед, словно разъяренный титан. Животное с ревом бросилось на боевые порядки северян. Однако Гурк перехватил крылатого хищника своим щупальцем и со всего маху шарахнул о каменные плиты пола, превращая в комок окровавленных перьев и шерсти. Тварь сопротивлялась, хлопая крыльями и царапаясь.

Двухголовый грифон Мартака прыгнул в воздух с кучи трупов наваленных впереди и спланировав вцепился своими когтями в глазницы Гурка. С хрустом и клекотом он отскочил в сторону, оставляя кровавую кашу в глазницах младшего Глota. Пятысь

назад, мутант слепо размахивал своим щупальцем, но ловкий крылатый зверь прыгнул в воздух и упорхнул прочь. В это время мертвые Альтдорфские ветераны атаковали Гурка с тыла, кромсая его опухшую плоть своими светящимися широкими клинками.

Итрак выплюнул шипящее проклятие, посылая смерть вслед двуглавому крылатому уроду, что отнял глаза Гурка. Грифон как раз заходил на повторную атаку, но вдруг встрепенулся, роняя перья и шерсть в больших количествах. Зверь взмыл вверх и рухнул на купол крыши Рейксхрама. Из его клюва пошла кровавая пена, кости начали крошиться под кожей, а кожа вваливалась вовнутрь. Матрак спешно прокричал заклятие очищения. Двуглавый грифон вздрогнул, и встремхнувшись, поднялся на все четыре лапы, здоровый и полный сил. Великий Патриарх в отмщение метнул копье трескучей белой энергии в брата-колдуна, но Отто заступил вперед, принимая удар на себя. Энергетический разряд ударили в его широкую грудь, с шипени-

ем прижигая шишкообразные наросты и струпья, не причиняя особого вреда. Воин усмехнулся и демонстративно сорвал кусок обожженной плоти со своего брюха. Показав кусок мяса, он сунул его себе в рот и ринулся медленно пережевывать.

Итрак не терял времени. Скрючив свои пальцы, он съежился и закаркал как ворона, сопровождая заклятие на Темном Языке безумным шаманистким танцем. Раскальвавая дворцовые плиты, щупальца грязно-зеленой демонической поросли взметнулось из-под земли к вершине Рейксхрама и обвили готовящегося взлетать двухголового грифона. Побеги оплели его лапы, туловище и обе шеи, сжимая зверя в своих смертельных объятиях.

В ответ Патриарх бросил рассеивающее заклятие, пытаясь изгнать из реальности заразный выюн, вызванный Итраком. Пространство вокруг Рейксхрама задрожало и на миг потеряло свои краски. Это было все, на что хватило магических сил Мартака. Ему противостоял не только изощренный ум Итрака, но и энтропийная мощь разнужданного плодородия искаженной реальности Нургла. По всему телу Великого Патриарха пошли кровавые трещины, когда магический резонанс его секундной попытки сопротивляться чуть не разорвал его пополам. В беспилии и истекая кровью, он упал на колени, тяжело дыша. Тягаться было бесполезно, легче было попытаться проглотить мир.

Тем временем, зеленые побеги гигантского демонического растения растянули грифона в разные стороны с такой силой, что мышцы и кости не могли больше оставаться единым целым. Мучительный клекот двух клювов оборвался влажным хрустом разрывающей плоти и ломающихся костей, когда растение Итрака разодрало крылатого зверя на части. Мартак поднялся на ноги и поспешил во дворец. Щупальца победно подергивались, тряся кровавыми ошметками грифона и гирляндами сизых внутренностей, разбрызгивая в стороны горячую кровь. Итрак победно заголосил, потрясая кулаками над головой, видя, как Янтарный маг скрылся в дворцовых палатах.

Позади Итрака, Гурк сошелся в смертельном поединке с грифоном Карла Франца, Когтем. Грифон нападал и рвал когтями, в то время как Карл Франц сек своим руническим кленком из-за спины своего скакуна. Отто взревел и прибавил шагу, видя как выкованный дварфами клинок, погрузился глубоко в мясистую грудину Гурка.

Рев Отто возвысился до победных ноток, когда взбешенный атакой Карла Франца, Гурк ударил грифона щупальцем наотмашь, отправив животное кубарем, пряником в забитый гноем и мхом дворцовый фонтан. От удара широкая чаша фонтана разлетелась вдребезги, обдав седока и крылатого скакуна каменной крошкой и сгустками заразных нечистот.

Император высвободился из спутавшихся стремян лопнувшего седла и

взвился на ноги. Он стоял, держа перед собой меч в защитной стойке, готовый к атаке со стороны. Гурк разметал два ряда попытавшихся преградить ему путь мертвяков и пошел на Карла Франца, свирепо хрюкая и булькая желчью. С другой стороны Отто бросился в атаку, взмахнув своей укороченной косой.

Рука Императора упала на гравий, брызгая кровью, все еще крепко сжимая эфес рунного клыка.

В глубине Имперского Дворца, Георг Мартак с трудом продирался сквозь заросшие чумным пл ющом нефы. За ним тянулся длинный кровавый след. Волшебник истекал кровью. Магическая дуэль не прошла для него без последствий.

Жуткие нечеловеческие звуки прокатились эхом по колоннадам дворцовых коридоров. Предвестник и его звероватые спутники, унохав кровь Мартака, шли по следу. Зверолюды фыркали и взрыкивали, желая скорее загнать добычу и жестоко расправиться с раненным магом. Мартак вытер кровь со лба и осознал жестокую истину происходящего. Он был слишком измотан, чтобы призвать на помощь Магические Ветры.

Мышцы Патриарха горели, отказываясь работать как надо. Волшебник с трудом переставлял ноги, то и дело, спотыкаясь, фактически передвигаясь кубарем. Кое как, он спускался вниз по широкой винтовой лестнице. Волшебник в очередной раз попытался

призвать на помощь магию, желая перевоплотиться в гигантского ящера, но ничего не вышло. Он был слишком слаб. Все силы ушли на магическое копье и штурм очищения. Теперь же элементарное передвижение, давалось ему с трудом.

Великий Патриарх сворачивал направо, потом налево, снова направо. Петляя в запутанных коллуарах дворца, он надеялся сбить идущих по следу чудовищ. Но зверолюды были тварями, имеющими дело с кровью и смертью каждый из дней своих черных жизней. Они чуяли кровь, и ничто не могло сбить их с толку.

Внезапно навстречу Мартаку вспорхнула стая призрачных воронов. Темное заклятие обрушилось на него; фантомы клевали лицо и царапались, пытаясь вырвать глаза. Волшебник плотно закрылся руками, со всего маху распахивая дверь в подвальные помещения и спешно захлопывая ее за собой. Оставляя ворон-призраков колотиться с другой стороны. Тяжело дыша, и отхаркивая кровь, Мартак осмотрелся по сторонам. Взгляд его остановился на словах, выгравированных на табличке из слоновой кости.

Вывеска гласила: «Имперский Зверинец».

В это время, у дворцовых врат, Гурк мертвой хваткой вцепился в Когтя. Он скрутил грифона в объятиях своего огромного щупальца, сдавив его шею. Отто, с усмешкой на почерневших губах, медленно приближался к раненно-

му Императору. Карл Франц, каким-то образом все еще держался на ногах. Он стоял прямо, его взгляд исподлобья не выражал ничего, кроме холодной решительности. Император держал свой меч в уцелевшей руке, в то время как отсеченная правая остывала в луже запекшейся крови. Лицо правителя Империи было бледным как снег, он готов был вступить в последний бой в его жизни и умереть с достоинством.

Отто уже собирался угостить имперца порцией кислотной желчи из брюшных наростов, когда звук лошадиного галопа со стороны заставил его инстинктивно обернуться и отпрянуть в сторону. Это спасло норсканца и помогло ему сохранить голову на плечах. Седовласый воин в богато украшенных доспехах пронесся мимо, со свистом взмахнув своим клинком. Сделав полукруг у разрушенного фонтана, всадник осадил своего скакуна в брызгах каменной крошки. Он спрыгнул и заступил своего повелителя, поднимая перед собой меч почти идентичный тому, что сжимал в ослабевающих пальцах Карл Франц.

Великий Патриарх из последних сил пробирался вперед, облокачиваясь на стены, оставляя за собой кровавые разводы. Извилистый коридор привел его в зал дрессировщика. Зверинец ожил с его появлением. Арабийские зослы блеяли, Люстрийские тигуаны шипели, Бретонские пигасы шумно били крыльями.

Мартак рискнул обернуться и с ужасом заметил рогатые силуэты, появля-

ющиеся из темноты под сводом арки в начале зала. Копыта застучали по каменному полу, когда Предвестник, окруженный своими телохранителями, зверюгами, вооруженными огромными топорами, устремился к волшебнику. Видя, как жуткая смерть приближается к нему, Великий Патриарх удвоил свои усилия и заковылял в конец зала.

За его спиной зловеще хохотал Предвестник. Шаман-предсказатель видел, что конец зала это тупик.

Мартак уперся в глухую стену и обернулся лицом к преследователям. Кровь в его жилах заледенела.

Шаман-предсказатель сделал жест своим головорезам, и все они разом остановились. Вынув из складок своих рваных одеяний маленький пузырек, зверолюд капнул толику жидкости себе на язык.

- Где же твоя магия, стариk? – Глухо и мрачно вопрошал зверолюд.

- Пожалуйста...не надо... - Прохрипел Мартак.

Предвестник махнул своей когтистой лапой, и его соплеменники начали приближаться к Мартаку, занеся топоры для удара. Шаман предсказатель навис над съежившимся волшебником, потрясая своими рогами, в окружении своих воинов, ощущая себя могущественным вершителем судеб.

- Ах, людишки-букашки. Так похожи на настоящих зверей, и все же так далеки от их совершенства. – Шаман огляделся по сторонам. – Какой толк от зверя, если он сидит в клетке?

В ответ, окровавленный сгорбленный старик, бывший еще недавно Великим Патриархом Империи, вымученно кивнул на погруженный во мрак правый угол зала. С его дрожащих по трескавшихся губ сорвался короткий свист.

Вспышка ослепительного пламени поглотила вопящего Предвестника и его воинов, когда имперский дракон раскрыл свою чудовищную пасть в темноте огромной клети. Мгновение спустя, на том месте, где только что стояли его палачи, Мартак увидел лишь кучками догорающих головешек.

- Не плохой выстрел, ты, старая скотина. – Вымученно улыбнулся Мартак, прежде чем тьма поглотила его сознание.

Император не спускал глаз с Отто, не обращая внимания, даже на отчаянную борьбу Когтя с огромной тушей Гурка. Карл Франц сухо поприветствовал Рейксмаршала, который так же бросил приветствие в ответ, сосредоточив внимание на грузном воине, сжимающем в своих руках обрубок косы. Напряжение росло.

С громким треском, Гурк впечатал Когтя в остов фонтана. Это послужило сигналом, и все три воина бросились вперед.

Лезвие косы Отто со свистом расекло воздух в направлении груди Карла Франца. Северянин вложил в свой замах всю силу и ярость. Император запоздало вскинул свой рунический меч, но слишком медленно, для того

чтобы отразить атаку. Хэлборг опередил его и подставил клинок под лезвие косы. Спружинив на полусогнутых ногах, еле погасив чудовищной силы удар, телохранитель Императора, чуть не потерял свой меч, однако, нашел в себе силы и с силой вытолкнул клинок вверх. Сталь заскрежетала по стали, и коса, завертевшись в воздухе, отскочила прочь, выбитая из рук Отто. Мгновенно пригнувшись, Норсканец сорвал короткий ржавый клинок со своего пояса и со всего маха рубанул защищающегося Рейксмаршала по широкой дуге. Удар был настолько силен, что Хэлборг упал на каменный пол.

Воспользовавшись подаренным ему временем, Карл Франц сделал выпад и вонзил свой меч в грудь избранного чемпиона Нургla. Лезвие с шипением вошло в мясистые складки на его груди в каких-то двух пальцах от сердца. Отто качнулся назад, наотмашь выбивая свободной рукой рунический меч из ослабевших пальцев Императора. Ответным ударом Норсканец ткнул ржавым клинком в горло Карла Франца. И вновь Курт Хэлборг спас своего правителя. Старый солдат рывком вскинул свою руку и, ухватив ржавое лезвие, с силой увел его в сторону. Меч Отто срезал все пальцы на руке Рейксмаршала, однако не достиг главной цели. С досадой, северянин повел лезвием вбок и ударил вперед. Острие его короткого меча с хрустом вошло в правую глазницу Хэлборга, разрубив надбровную дугу. С влажным чавканьем погружаясь все глубже, острие ржавого клинка вышло из затылка Рейксмаршала.

Сотрясаясь в предсмертных конвульсиях, труп Хэлборга сполз с лезвия меча на залитый кровью пол.

Глухо посмеиваясь, Отто стал медленно обходить безоружного Императора по кругу. Подбрасывая в руке рунный меч, затем ловя его - демонстрируя свою ловкость. Не прекращая прижимать к полу вяло сопротивляющегося грифона, Гурк обернулся и уставился на поверженного властелина Империи немигающим, залитым кровью, вновь выросшим глазом. Итрак стоял в стороне и мрачно скалился.

Отто занес рунический меч высоко над головой для завершающего удара. Молния вспорола небосвод над ним. Победно рыча, северянин ударил. Карл Франц вскинул свою уцелевшую руку для защиты. Но меч рассек, ее словно ивовую ветвь, и пронзил сердце Императора. По небу прокатился раскат грома, яркая вспышка осветила все вокруг. Мир замер на мгновение. Тело Карла Франца осело под ноги Отто на плиты Имперского Дворца.

С губ умирающего правителя сорвалось еле слышное слово. Словом этим было имя его воина-бога.

Мир изменился.

Над головами Братьев Глот небеса с ужасным треском и грохотом разверзлись, открывая проход в мир богов. Двухвостая комета, ослепительно сияя, ударила в дворцовую площадь, поглотив во вспышке белого света тело мертвого Императора. Волной от

столкновения кометы с землей Братьев Глот швырнуло в стороны. Потоки извивающегося белого сияния поползли по городу, бесследно сжигая чумную поросль и стирая малейшие следы заражения и гниения. Достигнув центра столицы, они поглотили грязно-серый торнадо и бесследно рассеяли его бивший в небо поток. Что-то зашевелилось в эпицентре упавшей кометы. Разогнувшись в полный рост, там стояла фигура могучего воина, кожа его сияла ослепительным золотым светом.

Целый и невредимый, Император Карл Франц вышел из пылающего пожара остывающей звезды, сжимая в руках огромный боевой молот, состоящий целиком из солнечного света. Воина окутывал ореол потрескивающей энергии, и он бросился по направлению к тройне.

Гурк атаковал первым. Извивающееся щупальце метнулось вперед, наперерез пылающему золотом силуэту. Но сияющий воин оказался быстрее, чем глаз мог уследить. Ухватив неуклюжий мясистый отросток, Карл Франц потянул на себя изо всех сил. Гурк упирался всеми лапами, однако с несвойственной ему скоростью проскасал несколько метров по направлению к Императору. Навстречу мутанту сверкнул огненный молот. Его навершие с шипением и треском проломило грудину младшего Глota, вырывая кишки и разбрасывая дробленые ребра. Гурк осел на землю, нелепо развалившись на две половины, выпотрошенный чудовищным ударом.

Отто с воем разочарования, перепрыгнул через плечо поверженного брата и кинулся на Императора с высоко поднятым клинком. Карл Франц развернулся и выкинул перед собой свободную руку. С кончиков его пальцев полыхнула молния. Разряд ударили северянина с силой тарана, посылая того по воздуху кувырком через весь Главный Бульвар (Grand Boulevard) и впечатав безвольно обвисшее тело в стену Рейксхрама. Камень шипел и плавился под стопами Императора, когда тот навис над колдующим в панике Итраком. Чудовищный молот взлетел, готовясь к сокрушительному удару. В этот момент Итрак прошипел последний слог заклинания, и все трое братьев обратились в мушиный рой. Молот с грохотом опустился на мостовую, но роящиеся стаи жирных мух уже взмыли высоко в небо и растворились в эфире, оставляя в воздухе после себя отвратительный запах гниения.

Черные тучи над столицей рассеялись, открывая морозное зимнее небо. Наступал рассвет.

В мире снов слезы лились из глаз Шали, бежали по бледным щекам и падали на изящные руки, которыми она бессмысленно ощупывала трясущееся в ознобе существо, покрытое коростой и гнойными нарывами. Существо, что когда-то было ее возлюбленным Повелителем Природы (Lord of Nature). Исцеляющая магия богини очищала от заражения фрагмент кожи. Но черное колдовство Нурглы было так сильно, что мгновение позже новые фурункулы и язвы покрывали исцелившийся

участок тела бога. Соломенные густые волосы Шали поседели и были всклокочены точно дикий кустарник, по коже ее рук побежали старческие пятна. Она чувствовала, как седые локоны клочками опадают с головы, и болезнь ее любовника начинает проникать ей под кожу.

За ее спиной Леди тихонько приблизилась, скорбно поджав губы. На мгновение она оглянулась на сияющего золотым светом паладина, стоящего рядом сней. Вдохновленная безстрашием своего чемпиона, что, не колеблясь, принес себя в жертву за правое дело, богиня опустилась на колени и положила свои руки на грудь Таала. Пятна на руках Шали начали исчезать, ее волосы вновь обрели солнечный цвет, став густыми и шелковистыми, как и прежде. Небесная лазурь волшебства Леди смешалась с белоснежной энергией богини Шали. Тело бога вздрогнуло под их руками. Его грудь поднялась в глубоком вдохе. Таал широко распахнул глаза. Еще одна сияющая фигура подступила вплотную к постаменту, на котором покоился зараженный бог. Это был седовласый бородатый воинов накидке из волчьей шкуры. Воин положил свою когтистую руку на плече страдающего друга. Зима пришла, а с ней и шанс на перерождение.

Силы трех божеств слились воедино. Таал начал покрываться ледяной коркой. Морозные искры укутывали его с ног до головы, заключая в ледяной кокон. Ульрик поднял свою руку над вмерзшим в лед богом, сжал в кулак и с силой ударил. Лед разлетелся вдре-

безги, а вместе с ним слетели остатки порчи, что покрывали тело и грызли душу. Таал медленно поднялся со своего ложа, чистый и величественный, как зимнее солнце.

В мире смертных происходили великие перемены. С первыми лучами восходящего солнца, шторм черных энергий, поглотивший Альтдорф, улетучился. Армии демонов и мерзких чудовищ исчезли вместе с ним. Гром грянул в небе. Он был больше похож на хриплый рык, полный досады, чем на грохот, но потом все окончательно стихло.

Гатрот Спюм одним из первых осознал, что момент стратегического превосходства безвозвратно потерян. Немедля, он приказал своим войскам отступать в леса. Орготтс Демонорвот не отставал от Повелителя Щупалец и так же увел своих личночных всадников прочь от грозившего позорного поражения. Лишившись своих лидеров и чемпионов, орды северян бесконтрольно рассеялись по окрестностям. Их боевой дух был сломлены. Теперь они были легкой добычей для дисциплинированных имперских подразделений. К полудню следующего дня на улицах Альтдорфа не осталось не одного северного дикаря или прочей нечестии. Люди отвоевали свой родной город.

По всем водяным руслам и каналам Империи тянулся белый дым. Это черное волшебство Нургла, теряло свою силу и исчезало, оставляя воду кристально чистой и свежее, как и раньше.

Люди провинций не могли поверить своим глазам, когда фермы и поля начали сами по себе очищаться от заразы и чумной поросли. Тяжелый инфекционный смог рассеивался, уступая место прохладным ветрам, несущим запахи листвы и морозной свежести. Хотя Империя лежала в руинах, спустя месяц дети уже веселились и играли на улицах городов. Под настороженные взгляды родителей, они спускались к рекам и озерам и с наслаждением пили чистую прохладную воду, плескались и дурачились.

В глубине Садов Нургла, гниющие, изъеденные насекомыми деревья, окружавшие жилище Праотца, скрючились в ужасе, когда вопль разочарования и злобы сотряс покрытые мхом стены. Ни одна тварь, даже самая малая и незаметная не решалась вылезти сегодня наружу. Повелитель Разложения лишился своей победы.

На огромной мансарде, в тени заросшей теплицы на каменном парапете стояли три глиняные урны. Сосуды подрагивали. Беспокойное жужжание доносилось из каждой амфоры. Две из них были немногим меньше человеческого роста, третья же была чудовищного размера. Будто в нее запихали бульжник размером с дом.

В тронном зале Альтдорфа Карл Франц вновь сидел на своем законном месте. Его тело полностью исцелилось, переполненное божественной энергией. Его душа укрепилась и была теперь сто крат сильнее прежней. Вспышка от столкновения двухвостой кометы очистила Имперский Дворец и всю столи-

цу от проклятой заразы. Но силы зла все еще существовали где-то там вдалеке под звездами.

Несмотря на свою недавнюю победу, Император не торопился праздновать, его лицо было серьезным и напряженным. Чиновники, наполнившие его тронную залу, были так же угрюмы и молчаливы. Не было повода для праздников и веселья. Половина населения Империи умерло за последние месяцы. Бретония испытала тяжкую утрату, в попытке помочь братскому государству.

Новости, что принесли во дворец Нордландские гонцы Императора, были просто ужасны. Армада дракаров невиданная до селе по численности, была замечена в Море Когтей. Флот шел под знаменами Трехокого Короля. Карл Франц смял донесение в кулаке.

Архаон приближался.

В арктическом небе кипел водоворот потусторонних энергий. Для северян, что смотрели снизу, небосвод походил на палитру сумасшедшего живописца.

Вечноизбранный же вполне четко мог столкновить эти знамения. Двухголовый пернатый демон раскрыл свои клювы, обращаясь к Архаону сквозь переливающиеся краски небосклона:

- Внемли же, - лукаво прокаркала одна из голов. Силуэт демона дрожал. - Зараза Нургла исчерпала себя, как мы и предсказывали тебе. Его силу попрал ногами простой смертный.

- Пройня добилось всего, что я замышлял. - громко выкрикнул Архаон двум головам, уставившимся на него с неба. - Империя Лжи ослаблена и доведена до исчезновения. И то, что Братьев Глот поверг смертный император, не значит ровным счетом ничего. Лишь мне предназначено нанести решающий удар.

- Ты уверен в этом, маленький кукловод? - проклокотала вторая голова. - Путь к звездам тернист.

- Я хорошо подготовился к дороге, Птич Судеб. Мои верные армии столь велики, что сосчитать их будет вызовом даже для тебя.

Облаца пришли в хаотичное движение, когда обе головы уставились друг на друга, мысленно обсуждая услышанное. Если бы их клювы могли улыбаться, они бы широко улыбались в этот момент.

- Тномы, эльфы и люди. Все они страшатся лишь каждый за себя.

- Продолжал Архаон. - Объединившись - они могли бы победить. Но они разрознены и падут.

- Древние расы были всегда далеки от идеала, - злобно щелкнула клювом одна из голов, - Они посмели воспользоваться Великим Эфиром. Они украдли у самого Великого Пзинча.

- Тем хуже для них, - Отозвался Архаон. - Они допустили серьезную ошибку. Теперь Империя падет и все они падут вслед за ней. Ничто не сможет спасти их на этот раз.

- Земли запылают огнем, - согласилась вторая голова, - Боги умрут. Мы видели это, Вечноизбранный.

- Потребуется гораздо больше, чем жалкий принц-недоносок с юга, чтобы встать между мной и моей судьбой. - прорычал Архаон, гневно сверкая глазами.

Демонический пророк в небе вздрогнул, его образ пошел рябью и исчез. Небо вновь стало холодным и серым.

- Же смертного властелина следует тебе опасаться... - долетело издалека еле слышное эхо.

Автор перевода Буриас
Компьютерная вёрстка Kaskit
(<https://vk.com/id12620872>)
Специально для портала WARFORGE